И. БАС

ИВАН ФЕДОРОВ

*

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

ИВАН ФЕДОРОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

*

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

*

ВЫПУСК

8

[164]

МОСКВА MCMXL

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

И. БАС

ИВАН ФЕДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1940

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПИСЬМЕННЫЕ КНИГИ

В старину была на Руси поговорка: «Русак до читанья, дьяк до списанья, толмач до сказанья».

Поговорка метко определяла отношение наших предков к книге. С первых дней появления на Руси книга встретила любовь и почет. А пришла книга в нашу страну еще в конце X века с крещением Руси, которое приобщило Русское государство к греческой и мировой культуре.

Без книги невозможно было широко распространить христианство. В этом греки давно убедились. Еще в IX веке поручили греку Константину, человеку ученому (о чем свидетельствует его прозвище «Философ»), ввести христианство в славянских странах. Константин ознакомился с обстановкой и объявил, что утвердить христианство путем одной устной проповеди невозможно; воспользоваться существовавшими греческими книгами также нельзя было: славяне греческ

языка не понимали. Необходимы были книги, понятные народу, то-есть славянские. Однако оказалось, что у славян еще не было письменности. Тогда в столице Греции Царьграде (Константинополе) поручили тому же Константину Философу составить славянскую азбуку. Это поручение Константин (или, как он еще назывался, Кирилл) выполнил вместе с несколькими помощниками, ближайшим из которых был его брат Мефодий. Впрочем, в рассказах о жизни Константина Философа есть указания на то, что он не сам создал славянскую азбуку, а воспользовался уже существовавшей. По рассказам этим, Константин Философ познакомился в Корсуни (древний греческий город в Крыму) с человеком, который имел евангелие и псалтырь «руськы письмены писано»; от него Константин Философ и перенял славянскую азбуку. В некоторых списках этого рассказа есть и другие подробности. Там говорится, что грамоту русскую сочинил один русин, живший в Корсуни «в дни Михаила царя и Ирины» (примерно в 800—825 годах); от него же научился Константин Философ и написал книги «русским гласом».

В свидетельстве этом нет ничего невозможного. Русь в те давние времена уже существовала. Например, о прибытии послов «народа Рос» к императору франков и о том, что этот народ посылал своих послов и в Византию «для заключения дружбы», сообщается в летописях города Труа под 839 годом. Известно и то, что еще в самом начале X века (чуть ли не за сто лет до введения христианства на Руси) заключались письменные договоры русских князей с Византией. Таким образом, очевидно, письменность известна была на Руси еще до введения христианства, хотя трудно сказать, какими путями и в каком веке она пришла на Русь. Однако этой грамотой владели только единичные люди: князь и, может быть, единицы из его дружины.

Лишь в результате деятельности Константина и Мефодия греческие книги стали усиленно переводиться на славянский язык; в течение какой-нибудь четверти века возникла значительная по объему литература на славянском языке, образовался литературный славянский язык.

Раньше, чем в Киевскую Русь, христианство проникло в Болгарию. Здесь в конце IX и в первой четверти X века наступил подлинный расцвет письменности и литературы.

Конечно, дело шло о книгах церковных, но возникновение письменности должно было дать сильнейший толчок развитию всей культуры. В Болгарии уже в то время появилась светская учебная книга — грамматика, переведенная с греческого и частично даже переделанная применительно к славянскому языку Иоанном Болгарским (или Иоанном, экзархом Болгарским). Эту грамматику изучали и на Руси еще полтысячи лет.

Книги тогда были рукописные, или, как их называли современники, письменные: книгопечатание еще не было изобретено. Как уже упоминалось, они предназначались для распространения христианской религии; это были церковно-греческие книги — евангелие, апостол, псалтырь. Их содержание помогало возвысить и укрепить власть киевского князя.

Но даже самые первые книги заключали в себе не только церковные тексты.

Уже в древнейшей из дошедших до нас русских рукописей, в «Остромировом евангелии», можно увидеть добавление чисто светского характера. Переписчик дьякон Григорий приписывает к этой церковной книге свое послесловие:

«Переписано это Евангелие для Остромира, посадника Новгородского. Князь Изяслав сидел тогда на Киевском престоле, а Новгородом он править поручил Остромиру...

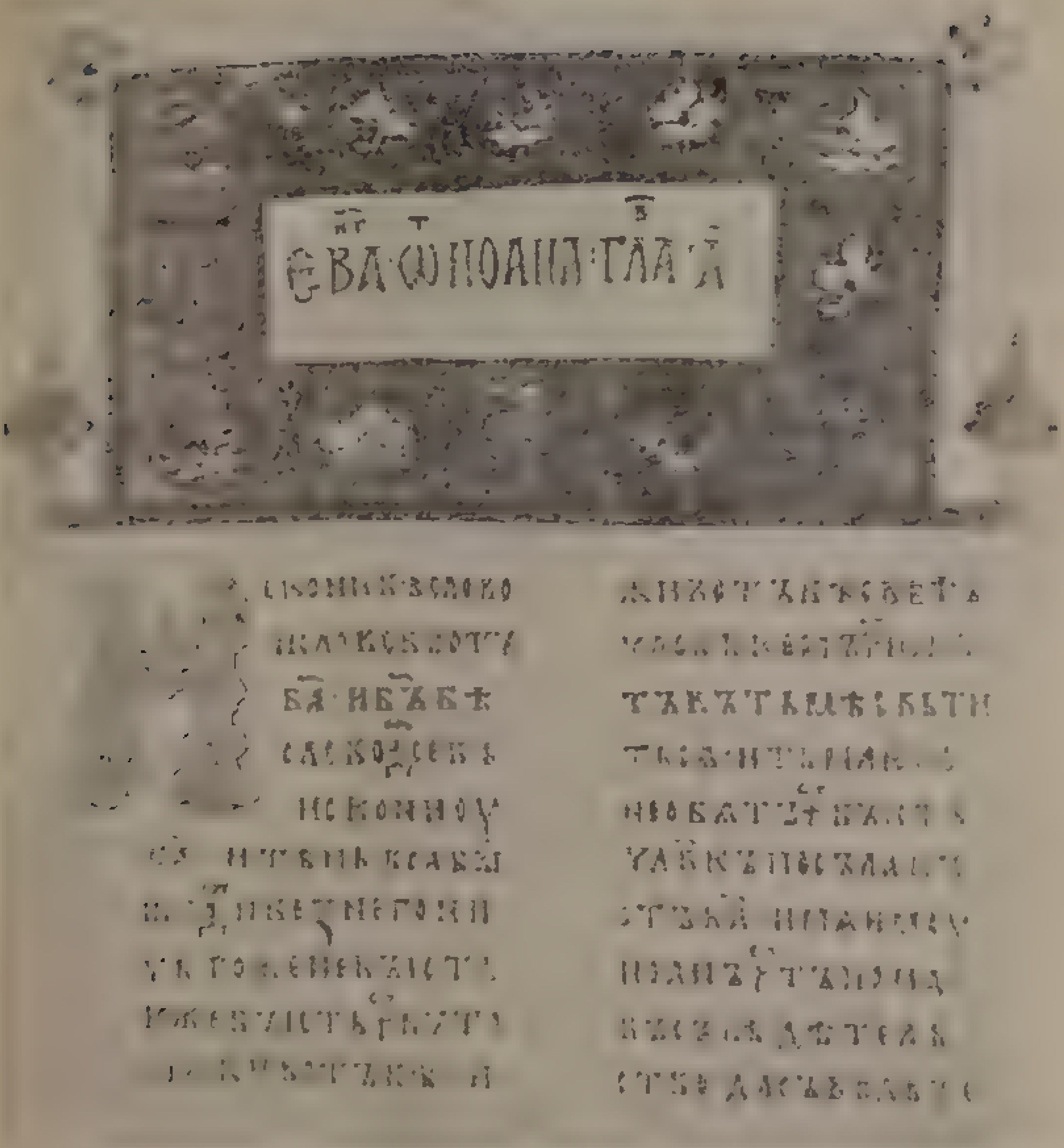
Переписывал же Евангелие аз, Григорий дьякон, в 1056—1057 годах».

Книгу вернее было бы назвать по имени того, кто трудился над ней, — Григорьевым евангелием, но ученые прошлого столетия, нашедшие рукопись, предпочли увековечить имя того, кто купил книгу, а не того, кто ее сделал.

Послесловие Григория очень коротко, оно еще слишком [illegible] литературным произведением, однако это несомненный образец самостоятельного литературного творчества. Послесловие содержит важные исторические сведения, оно [illegible] по форме. Видно, что автор обдумывал каждое предложение, а не писал небрежно. [illegible]ное то, что из маленьких записей [illegible] с течением времени такие предисловия и послесловия, которые приобрели большее самостоятельное значение, потому что в них развивались уже глубокие общественные и политические идеи. Так, например, в послесловии к первой печатной книге — «Апостолу» 1564 г. [illegible] величие Русского государства.

Эти послесловия были одной из форм, в которых первоначально создавалась и развивалась русская литература. Русские книжные люди умели в литературной форме выражать свои мысли, [illegible] времена, когда [illegible] [illegible] в своем [illegible] можно было [illegible] ского письма, то [illegible] такая потребность. Благодаря послесловиям читатель нах[illegible] и [illegible] произведение [illegible]ника.

Но не одни церковные книги пришли к нам вместе с христианством. Под видом церковной литературы, маскируясь под нее, с самого начала проникла к нам из Греции обильная нецерковная литература. Это были повести

Первая страница Остромирова евангелия (1056—1057 г.)

сказки, легенды, действующие лица их большей частью взяты из церковных книг. Поэтому они долгое время принимались за подлинные церковные книги. Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что идеи их нередко противоречили официальной точке зрения церкви. Такие произведения названы апокрифами.

Один из апокрифов, между прочим, упоминает о безземельности. Когда Адам начал обрабатывать землю, пришел дьявол и не дал ему пахать, говоря: «Моя есть земля, а божьи — небеса и рай». Адам попытался возразить, что и земля тоже, пожалуй, принадлежит богу, но дьявол настаивал на своем: «Не дам тебе земли пахать, аще не запишешь ныне рукописание, да еси мой». Адам быстро согласился, заявив: «Кто земли господин, того и я и чада моя».

Сочинитель этого рассказа совсем не в поповском духе заставил Адама быстро признать дьявола владыкой земли и предпочесть его. Таких апокрифов было много, и долгое время не делалось различия между ними и официальной церковной литературой. Только в дальнейшем, с распространением ересей, апокрифы стали преследоваться и запрещаться церковью именно потому, что на них начали ссылаться еретики в защиту своих взглядов.

В период введения христианства на Руси церковь помогла создать единое феодальное государство. Это дало церкви огромную силу, длительное господство во всех областях умственной деятельности, в том числе и в литературе и письменности. С разложением феодального строя начались нападки на феодализм; но, чтобы бороться против феодализма, надо было разрушить и авторитет церкви, освящавшей феодализм. Поэтому борьба против феодализма становится одновременно борьбой и против церкви и принимает форму ересей. Под оболочкой богословских ересей крылось недовольство не только

крестьян, но и горожан. Богословская борьба определялась в конечном счете чисто материальными, классовыми интересами ее участников.

Среди еретиков было много людей образованных, ценивших слово как орудие разума. Некоторые из них заходили в своей борьбе далеко вперед, у них начинали звучать материалистические нотки. Так, один из еретиков — Зосима, — в XV веке отрицал воскресение мертвых, загробную жизнь, заявляя энергично и откровенно: «Ничего того несть: умер кто, ин то умерл, по та места и был».

Тот факт, что апокрифы стали орудием в руках еретиков, а официальная церковь подняла на них гонения, показывает, что многие апокрифы отражали представления, а порой и смутные мечты угнетенной феодалами массы, в противоположность официальной религиозной литературе, поставленной на службу господствовавшему классу.

Церковники составили специальные списки запрещенных книг, требовали изъятия их из монастырей и церквей. Однако это мало помогало. Большинство попов и монахов просто не могли отличить апокриф от «правильной» книги. При тогдашней дороговизне книг сомнительно, чтобы их вообще с большой охотой уничтожали, особенно если апокриф оказывался переплетенным в толстый сборник вместе с другими произведениями. Иногда апокрифы приписывались какому-нибудь церковному авторитету, и тогда ими пользовались даже видные церковные писатели, не подозревая, что цитируют запрещенный апокриф, а вовсе не какого-нибудь Иоанна Златоуста.

Знакомый нам апокриф об адамовом рукописании цитировался нередко в XV—XVI веках. На него ссылался, например, в подтверждение своих взглядов известный русский писатель XVI века Иван Пересветов.

Наконец, вместе с церковными книгами и апокрифами на Русь проникли из Греции книги совсем светского характера.

Взять для примера одну из самых древних среди дошедших до нас русских рукописных книг — Святославов «Изборник». Он был переведен с греческого на болгарский, а затем, в 1073 году, переписан дьяком Иоанном для черниговского князя Святослава Ярославича. Сборник давал современному читателю исторические, географические и другие сведения об окружающем его мире, [illegible] того времени.

В древней Руси был ряд подобных сборников: иногда они так и назывались — «Изборники», а иногда носили названия: «Пчела», «Златая Цепь», «Измарагд» (что значило изумруд). Между прочим, составитель Святославова «Изборника» говорит о своем труде: «Я же, как пчела труд собирая с всякого цвета [illegible] собрал в один сот». Этот образ, очевидно, и обусловил заглавие подобных сборников «Пчела».

Почему книжник-переписчик сравнивается с пчелой, собирающей мед, также находит здесь свое объяснение: «Благоразумный, собравший в книге мысли, проливает [illegible] сердце свое, как сот сладкий».

Из этих сборников древние русские узнали имена греческих знаменитых писателей и философов — Гомера, Демокрита. Книжные люди переписывали их в летописи, а впоследствии и в другие произведения.

Сборники эти, как и прочие произведения литературы, составлялись сначала в главнейших центрах умственной жизни — монастырях. Но с течением времени стали их составлять и светские люди; такие составители уже выбирали из источников, которыми пользовались, изречения более общего, морально-поучительного характера, где есть речь больше о светской жизни, и [illegible]

изречения с сильной церковной окраской. Иногда составители добавляли и свои собственные мысли, творения.

В этих сборниках встречаются меткие наблюдения, афоризмы, приближающиеся к народным пословицам и поговоркам. Например: «Ленивый хуже больного: больной лежит, да не ест, а ленивый лежит и ест» или: «Лучше в своей руке жаворонка видеть, нежели в чужой — журавля».

Сильно доставалось в этих сборниках клеветникам: «Волка хуже клеветник: волк только мяса ищет, а клеветник весь род погубит»; «Лучше на самострел попасть, чем на глаза клеветнику».

Немало изречений говорило о силе слова, о книге и образовании. Так, в «Пчеле» (по списку начала XVI века) читаем: «Язык человеческий, как огонь, греет и жжет», «Богат муж, а непросвещен и несмыслен, подобен ослу, златою уздою обузданному». Книга ставится высоко, но все же книги сами по себе не могут заменить ума. «Книжен муж без ума, как слепец, который идет по мосту, держась за перила: отведут его в сторону, он остановится; так и этот: по книге беседует, закрыл же книгу, которую прочел, и все забыл». С другой стороны, ум без книжного ученья также страдает: «Как птица спешенная не может быстро взлететь, так ум острый, никогда не знавший книг, не может домыслиться до совершенного разума».

Многие афоризмы из таких сборников перешли в народ в виде поговорок, пословиц, присказок.

Появились в переводах и греческие исторические повести — хронографы (хронос — время; графо — пишу) или, как писали иногда в старину, «гранографы»; наконец, фантастические повести и сказки. В измененном виде они переходили в фольклор и становились достоянием народа.

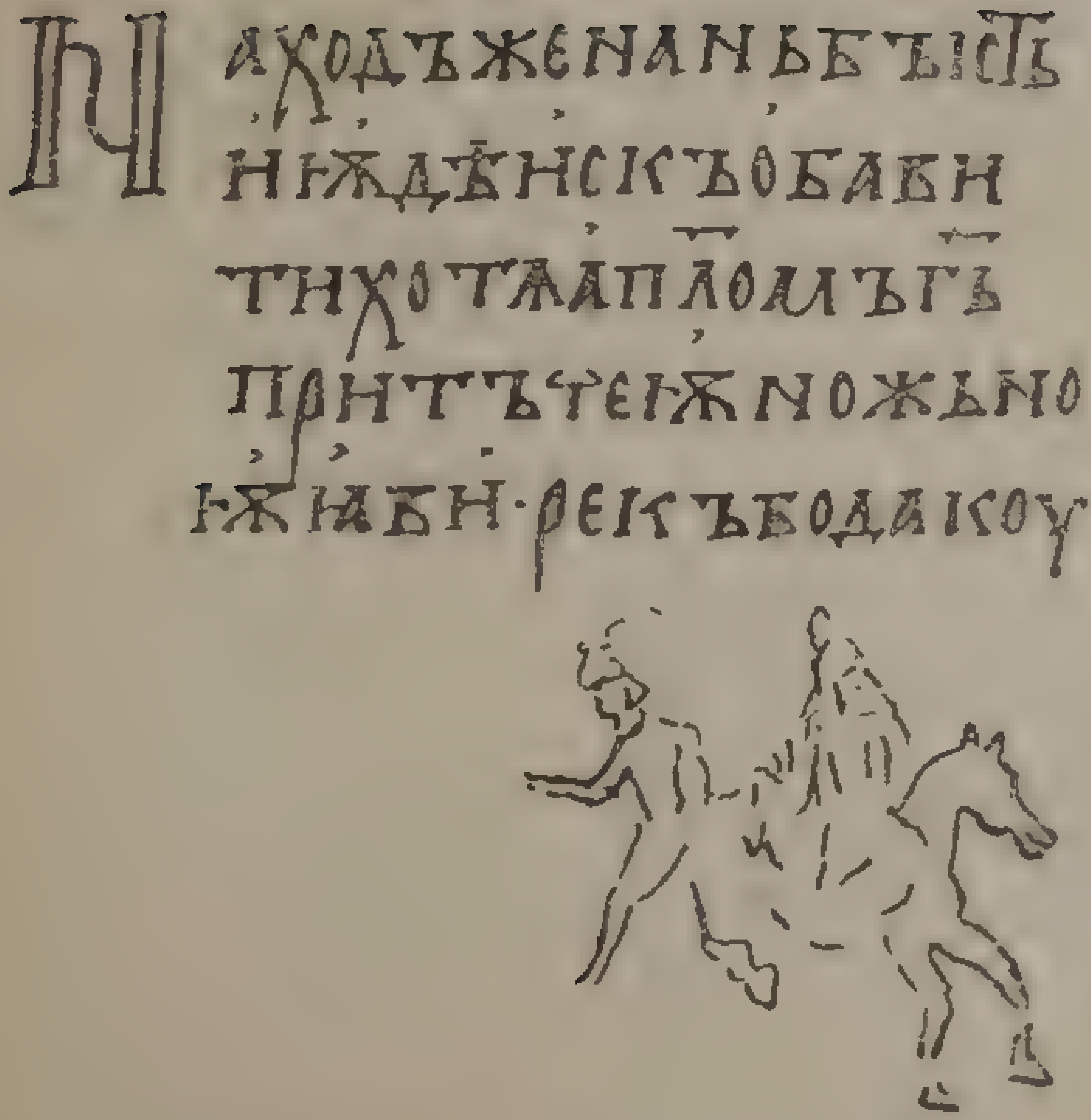
Вся эта переводная литература быстро дала толчок к возникновению самостоятельной русской литературы.

Через три года после первого Святославова «Изборника», в 1076 году, вышел второй «Изборник», как бы второе его издание, выражаясь нашим современным языком. Но открывается сборник уже самостоятельным русским произведением. И характерно, что оно посвящено книге, восхваляет книгу и дает совет, как ее читать:

«Добро есть, братие, почитание книжное (то-есть чтение книг)... Когда читаешь книгу, не тщись торопливо дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книги и словеса те, и трижды обращайся к одной главе... Узда коневи правитель есть и воздержание; праведнику же книги. Не составится корабль без гвоздей, ни праведник без почитания книжного. И как помыслы пленника устремляются к родителям его, так и помыслы праведника — к чтению книжному. Красота воину — оружие и кораблю ветрила, так и праведнику почитание книжное...»

Впрочем, уже и в первом «Изборнике» мы находим небольшое самостоятельное произведение — переписчик, закончив свой труд, прибавил от себя: «А конец всем книгам — что тебе не любо, того и другому не твори».

Конечно, это очень короткое сочинение, но важно его отметить: оно показывает, как первое же соприкосновение с иностранной литературой толкало на самостоятельное творчество. Оно говорит также о том, что переписчики эпохи Киевской Руси не были ремесленниками, безучастно выполнявшими заказ. Переписывая книгу, они вникали в ее содержание, стремились выразить и собственные, возникшие при этом мысли. Может быть, тот же переписчик, взволнованный новыми мыслями, приступая вторично к переписке сборника, сам и предпослал ему торжественную хвалу книге. Она вылилась в форму краткого «слова» [illegible]. Но эта форма и [illegible] также одна из первых сам-

Святославов Изборник 1073 года (часть страницы с миниатюрой).

...тельных шагов русской литературы, она должна была явиться настоящим открытием для русских книжных людей; эта небольшая статейка может по своему значению быть приравнена к толстому тому нашего времени.

Отметим, кстати, что заметка о «почитании книжном» написана красивым образным и лаконичным языком. Вот как сжато и ярко выражается древний автор: «Узда коневи правитель есть и воздержание; праведнику же книги». Многословнее и гораздо бледнее пришлось изложить эту мысль при переводе на современный русский язык: «Конь управляется и удерживается уздою, а праведник — книгами». Сжатость, выразительность и образность речи — отличительные черты древнерусского книжного языка, увлекающие и современного читателя.

Хвалебная песнь книге, открывающая собой Святославов «Изборник», конечно, не была мечтой одного человека. Она — свидетельство того, что книга на Руси уже в XI веке глубоко внедрилась в жизнь, полюбилась русскому книжному человеку. И в самом деле, свидетели говорили о том, что книгами Святослав наполнил свои клети (жилище). О больших библиотеках, существовавших на Руси в XI веке, об усердных читателях, сидевших над книгой не только днем, но и ночью, рассказывает и летописец. Летопись повествует о князе Ярославе:

«Ярослав [illegible] прилежал книгам, читая их часто и ночью и днем. И собрал он много писцов, приказывал переводить с греческого на славянский язык. И написали они много книг».

Летописец очень образно сравнивает Ярослава, распространявшего книжность в стране, с сеятелем:

«Он посеял книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, учение приемлюще книжное... Ярослав собрал книги, он много их приказал написать и положил

з святой Софии церкви», то-есть создал при этой церкви обширную библиотеку.

Конечно, требовалась большая любовь к книге от человека XI века, чтобы он дошел до мысли о специальном книгохранилище, библиотеке.

Летописец вместе со всеми книжными людьми разделяет это бережное отношение к книге. Рассказывая о любви Ярослава к книгам, летописец указывает на их великую пользу: «От книжных слов приобретаем мы мудрость... Они ведь реки, напояющие вселенную, они источники мудрости, в книгах неисчетная глубина, ими мы в печали утешаемся...»

К сожалению, до нас дошло очень мало старинных книг. Они гибли от варварства не только древних завоевателей, все сжигавших на своем пути, но и новейших, кичившихся своей культурой интервентов. В 1812 году французские офицеры бессмысленно истребили в Москве ценнейшие книгохранилища. Переплетенными в кожу томами русских рукописей богатейшего собрания московского профессора Баузе они вымостили мостовую и въезжали по ней в дом профессора, где стали на постой.

Изготовление письменной книги требовало много труда и усидчивости. О переписчиках сообщали: «Чернец Илларион был книгам хитр писати: сей по вся дни и нощи писал книги в келье у Феодосия» («Житие Феодосия Печерского»; конец XI века).

Из пометок на некоторых книгах видно, как медленно их читали: сборник, который современный читатель прочтет в два-три дня, а то и в один присест, читался несколько месяцев. Естественно, что переписывали книгу еще дольше.

До конца XIV века книги в России писались на пергаменте. Лишь с XV века стали употреблять бумагу, привозимую из за границы. При Иване IV уже заведена была «бумажная мельница» на реке близ Москвы, но

вырабатывать бумагу, пригодную для письма и печати, долго еще не могли научиться.

Большой заботой писца было писать красиво и разборчиво. Чтобы строки выходили ровными, писец предварительно линовал пергамент или бумагу металлическим либо костяным шильцем. Эти выдавленные на пергаменте или бумаге линии до сих пор можно видеть в сохранившихся рукописях.

Писали обычно гусиным пером, реже более роскошным, лебединым.

В исторической песне о женитьбе Ивана Грозного поется:

> И сходит он [Иван Грозный] скоро со добра коня,
> И брал он чернильницу вольяческую,
> И брал перо лебединое...

В одной рукописи — псковском «Апостоле» 1307 года — упоминается даже павье перо. Должно быть, в свое время оно казалось верхом щегольства.

В письменных книгах разработаны были те почерки, которые сыграли потом крупную роль в создании Иваном Федоровым первых шрифтов. Почерк в письменной книге то же, что определенный рисунок печатного шрифта.

Древнейшим почерком письменной книги был устав, отличавшийся отчетливостью каждой буквы. С развитием письменной книги, расширением ее производства, в конце XIV века появляется почерк, позволяющий писать быстрее. Сохраняя четкость, он в то же время был мельче и проще. Этот почерк получил название полуустава. В отличие от всегда прямых букв устава, полуустав мог быть наклонным. Упрощение и ускорение письма не портило, однако, почерка и не уменьшало его красоты. Полуустав употреблялся и в роскошных рукописных книгах. Здесь он был крупнее и тщательнее простого полуустава, но сохранял многие его черты.

Этот выработанный русскими переписчиками почерк был впоследствии положен первопечатниками в основу их первых шрифтов и позволил им создать прекрасные, изящные и удобочитаемые шрифты, совершенно оригинальные, свободные от подражания иностранной печати.

Письменные книги любовно украшались рисованными заставками, концовками и узорными заглавными буквами. Все эти украшения вносились в книгу после того, как она была написана. Иногда рисовал их сам писец, а чаще — специалист-рисовальщик. Этот обычай также перешел в первые печатные книги, богато украшенные орнаментами.

Еще во времена письменной книги возникли некоторые до сих пор употребительные термины. Так, для начальных букв и заголовков издавна употреблялись не обычные чернила, а красная краска. Отсюда произошли выражения: «красная строка», «начать с красной строки», «рубрика» (по-латински ruber — красный цвет).

Маленькие рисунки в рукописях писались обычно суриком. Сурик по-латински minium, и отсюда произошло слово миниатюра.

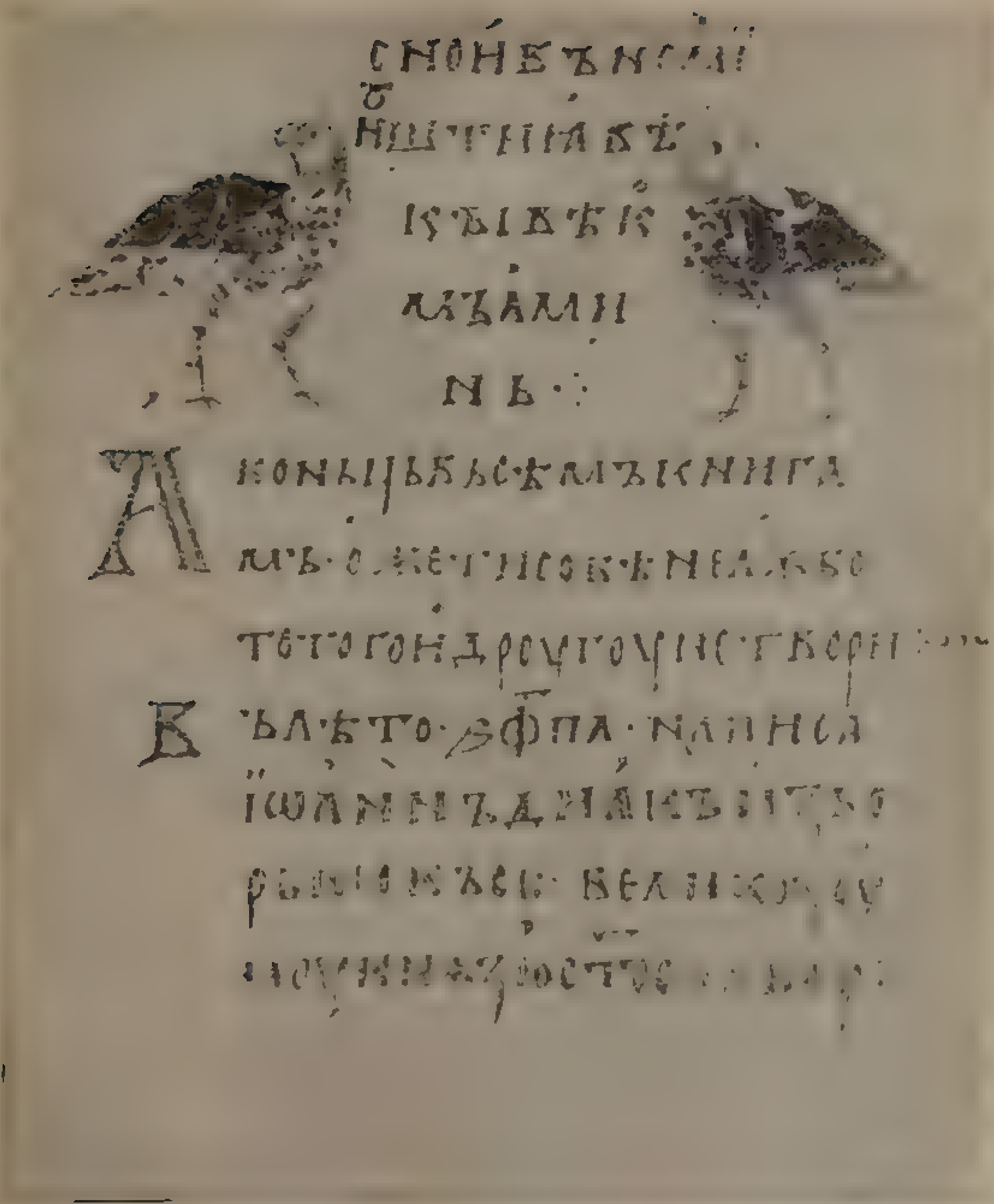
Историю письменной книги и ее изготовления часто рассказывает самый материал ее: водяные знаки показывают, откуда привезли бумагу, состав краски говорит о времени и об уровне техники, даже по деревянной крышке переплета, по сорту дерева, из которого она сделана, можно порой определить, в какой области древней Руси была изготовлена данная книга. Иногда на это в самой рукописи встречается ценное указание. Так, со средины XV века в рукописях имеются рецепты чернил. Некоторые рисунки наглядно изображали процесс изготовления рукописной книги. В одной из рукописей XIII века изображены писцы книг. Один писец очиниляет ножиком гусиное перо; другой обмакивает перо в чернильницу, держа книгу не на столе, а на колене; так,

очевидно, писали нередко. Такие рисунки достаточно детально воспроизводили труд писца и принадлежности, которыми он при этом пользовался.

Любовь русских к книге, уважение к ней питались тем, что страна вместе с письменностью получила образцы высокой мировой культуры; раскрывался новый, яркий мир идей, образов и понятий. Блестяще охарактеризовал значение письменности для развития древнего русского языка гениальный Пушкин: «Судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [1].

В связи с тем, что Русь вначале не имела опыта в переводе книг, не имела еще собственного литературного языка, славянская книга приходила в страну, главным образом, через Болгарию, и язык первых книг был ближе к болгарскому, чем к русскому. Однако с появлением первых книг быстро стал развиваться русский литературный язык. Это легко обнаружить по древним рукописям. Самая древняя рукопись — «Остромирово Евангелие» (1056—1057 гг.) — списана с болгарского текста. Русских форм здесь очень мало. В 1073 году появляется первый Святославов «Изборник». Хотя

[1] А. С. Пушкин. Собр. соч., т. V, стр. 16. [illegible] 1936 г.

Святославов Изборник 1073 года (заключение).

и в нем еще правописание в основе болгарское, но влияние русского правописания и произношения чувствуется уже гораздо больше.

В вышедшем через три года втором «Изборнике» язык еще проще и удобопонятнее. А, скажем, в евангелии 1125—1132 годов (список Мстиславов) правописание уже совсем русское, и лишь кое-где, как остаток древнеболгарского текста, лежавшего в основе этого списка, мелькают юсы — буквы славянской азбуки, которые должны были означать носовые звуки, но которые скоро вышли из употребления. В послесловии к евангелию еще больше русских особенностей, чем в основном тексте; это значит, что самостоятельное литературное творчество двигало вперед русский литературный язык особенно быстро.

Итак, рукописная книга, появившись на Руси, дала толчок распространению грамоты, выработке собственного литературного языка, созданию и развитию русской литературы. Рукописная книга явилась мощным фактором роста культуры Киевской Руси. Она сыграла в свое время передовую роль, содействуя развитию огромного Киевского государства. Именно на этой почве уже в период феодальной раздробленности возник шедевр древней русской литературы «Слово о полку Игореве», смысл которого Маркс определил, как «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».

Но распада огромного и сильного Киевского государства уже нельзя было предотвратить. Этот распад вызывался самим ходом развития феодального землевладения и феодальных отношений. Новые области и города — Новгород, Ростов и другие — поднимались и становились все могущественнее. Старые города теряли свое прежнее значение. Сам Киев все заметнее отодвигался на второй план; единство Киевской Руси все более поколачивалось.

С течением времени центр Русского государства передвигается на север.

В XV веке центром страны становится Москва, которая благодаря своему географическому расположению на важных водных путях менее пострадала от монголо-татарского нашествия, чем другие города. Рука об руку с освобождением от длившегося два века монголо-татарского владычества идет ликвидация феодальной раздробленности, создание в новых, значительно усложненных общественных условиях единого, централизованного государства, и это является одним из существеннейших рычагов прогресса в то время.

В этих условиях роль письменности и книги еще более возрастает.

Грамотность становится уже достоянием не только церковников, дьяков и приказных, но и многих горожан, купцов. Так, купец Афанасий Никитин в царствование Ивана III пишет «Хождение за три моря» — вдумчивое и разностороннее описание путешествия в Индию, где он побывал на четверть века ранее Васко да Гамы.

При церквах и монастырях существуют библиотеки, из которых и светские люди берут книги для чтения. А книги в церквах, как ни странно, были отнюдь не только церковные. С конца XV и от XVI веков сохранились описи церковного имущества, в том числе книг. По восьми городам было, например, описано около двух тысяч рукописных книг. При этом опись охватила лишь наиболее крупные церкви и монастыри. В церквах города Коломны оказалось пятьсот книг, в Можайске — четыреста сорок девять. Если учтем, что население этих городов не превышало нескольких тысяч, то убедимся, что рукописных книг было немало. Из общего числа восьмидесяти пяти названий, представленных этими книгами, только двадцать восемь относятся к церковным книгам. Остальные пятьдесят семь названий (то-есть вдвое больше!) — кни-

ги светского содержания. Среди них «Козьма Индикоплов» — источник географических и иных сведений того времени, «Осаф» — повесть о Варлааме и Иосафе — индийских царевичах; хотя эта светская повесть иногда попадается под названием «Жития», на самом деле она имеет слабое отношение к церкви. Немало среди описанных книг, принадлежавших церкви, сборников: «Измарагд», «Пчела» и просто сборников без названий.

Письменность, начиная с XV века, приобретает все большее значение и в повседневной государственной деятельности; словесная форма служебных сношений, судоговорений заменяется письменной.

В 1553—1554 годах английский путешественник мог установить: «У них (то-есть у русских) нет специалистов-законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, она подается в его собственные руки и содержит просьбу о правосудии, сообразно тому, как изложено в жалобе»[1].

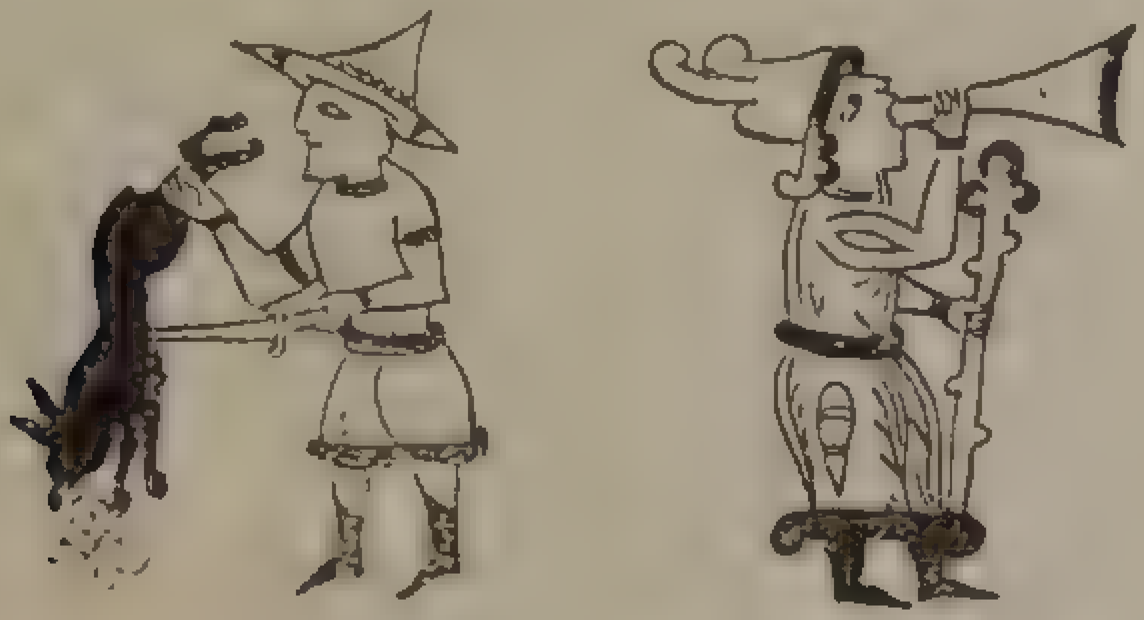
Вообще в записках английских путешественников, посетивших Россию в XVI веке, часто упоминается о выдаваемых им охранных листах, о письменных донесениях местных властей в Москву, о расписках и всяких иных письменных документах, которые им приходилось встречать в России. Иметь дело с такими письменными документами приходилось значительному и разнообразному кругу лиц, от воеводы до крестьянина.

Служебная и всякого рода деловая переписка, посла-

---

[1] «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором», см. в книге: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 62, Соцэкгиз, 1938 г.

ния и прочие письменные документы настолько разрослись и внедрились в быт, что появляются специальные сборники образцов для таких посланий — своего рода письмовники. Одна из рукописей начала XVI века содержит образцы посланий: а) к царю или князю, б) к другу или брату и т. д.; в другой рукописи первой половины XVI века имеется восемь образцов посланий к различным адресатам.

Заглавные буквы А и І из рукописи XIV века.

От XVI века доходит до нас рукописей разного содержания больше, чем от всех предшествовавших веков, вместе взятых.

Появляются книги нового содержания: лечебные, так называемые травники. В рукописных сборниках обнаруживаем неожиданные по новизне содержания материалы, например, известия о событиях, происходивших в разных концах света.

Так, в одном из рукописных сборников того времени, рядом с отрывком из летописи, сообщается «Известие от Неапольского губернатора Лудовика о бывшем тамо необыкновенном дожде и ужасном от оного наводнении».

и дальше «О открывшейся в Венгрии между рек Дуная и Савы великой пропасти».

Новости приносили разные странники и путешественники из Греции и других стран, имевшие охранные грамоты от московского царя. Такую грамоту также можно найти в книге какого-нибудь отдаленного монастыря, куда добирался путешественник: она ведь тоже содержала сведения и новости, интересные для любознательного человека, — кто, когда, откуда, с какою целью прибыл и т. д.

В других рукописях рядом с церковными книгами и древними произведениями оказываются известия и документы, отвечающие злобе дня, современной переписчику, составителю книги, например, грамота митрополита Ионы против князя Дмитрия Юрьевича за измену его великому князю Василию и нападение на владения его, с наказом убеждать новгородцев не давать впредь убежища сему изменнику.

Находим в рукописных сборниках также послание новгородского и псковского епископа к царю Ивану IV, одобряющее предпринимаемую им войну против Казани.

Это было уже совершенно новое содержание, неизвестное прежним киевским книжникам. Если собрать такие известия вместе, то они уже невольно вызывают сравнение с газетой, с ее новостями (из Неаполя, из Венгрии) и даже публицистикой (энергичная поддержка объединительной политики московского князя).

Наконец по самому разнообразию жанров литература Московской Руси XV—XVI веков гораздо богаче Киевской. Широко развиваются такие формы, как «Послания», «Слова», «Челобитные», «Повести» и «Сказания». Появляются яркие политические писатели.

Продолжают существовать и древние виды литературы, как, например, летопись, но и здесь мы обнаруживаем значительные изменения. Она отходит от прежнего бес-

пристрастного тона исторического повествования и тоже приближается к политической злобе дня. Так, летописец конца XV века призывает соотечественников и, прежде всего, князя к борьбе с монголо-татарами и резко осуждает бояр, медливших и колебавшихся, советовавших Ивану III итти на соглашение с татарским ханом:

«О храбрые, мужественные сынове русские, потщитеся сохранить свое отечество, Русскую землю, от поганых! Не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения и грабления церквей и домов ваших и убиения детей ваших и поругания жен и дочерей ваших! Многие великие и славные земли пострадали от турок, потому что не выступили против врага мужественно. И погибли те народы и отечество свое погубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, как бедные странники, достойные вполне и плача и слез... И все поносят их и оплевывают, как не мужественных».

Отличительной чертой этого времени, показателем возросшего значения литературы становится участие в ней почти всех крупнейших правительственных деятелей.

В XVI веке, при Иване IV, летопись уже составляется не в монастырях монахами, как бывало прежде, а светскими людьми, государственными чиновниками, приближенными царя. До 1560 года составлял официальную летопись близкий к царю московский дипломат Алексей Адашев. После его падения продолжает дело другой московский дипломат Иван Висковатый, печатник, то-есть ведавший государственной печатью. Иван IV редактировал эту летопись. В августе 1568 года ему доставили в слободу Александровскую для этой цели ящик, где хранились «списки, что писать в летописец».

Митрополит Макарий, один из вдохновителей введения книгопечатания, составил двенадцатитомный труд «Четьи-Минеи» (то-есть ежемесячные чтения) по нескольку тысяч страниц в каждом томе. Он собрал для работы над

этим трудом целую группу пишущих людей, поручил им составлять жития, биографии людей, которые чтились церковью. Наряду с церковными деятелями здесь сказываются и национальные русские герои, как, например, Александр Невский.

Достаточно привести описание ледового побоища из «Жития Александра Невского», чтобы убедиться, что, несмотря на религиозное заглавие, это была биографическая повесть, восхваляющая доблесть русского народа, преданность родине: «Бе же тогда день субботный, восходящу солнцу, сступишася обои, и бысть сеча зла и труск от копий и ломление и звук от мечного сечения, якож морю мерзшу двигнутися, не бе видети леду, покрылося бяже кровию... И возвратився князь Александр Ярославич с победы, с славою великою. Бысть много множеств полону в полку его, ведяху подле коний, иж именуется рыдели (рыцари)».

Не случайно именно в XVI веке был предпринят капитальный труд — сведение житий воедино. Он стал возможен только после объединения Русского государства. До того каждая область имела своих героев, свою местную литературу о них. Собранные в «Четьи-Минеях», произведения эти превратились в общенациональные памятники литературы, сделались общерусским достоянием.

Составители этого капитального труда уже стремились придать изложению совершенную литературную форму и учились литературному искусству у классиков древности — Гомера и Овидия. Так, Макарий поручил боярину Михаилу Тучкову заново написать житие Михаила Клопского, потому что «прежнее было очень плохо написано». Михаил Клопский олицетворяет стремление русского народа к национальному единению, к созданию сильного государства. О нем рассказывают следующее. Когда новгородцы задумали перейти на сторону литовского короля и начать борьбу с Москвой, их наместник Немир приехал

в Клопский монастырь к Михаилу Юродивому и сказал ему: «Слышно, летом собирается итти на нас князь московский, а у нас есть свой князь Михаил» (литовский ставленник). Юродивый ответил: «То, сынок, не князь, а грязь; шлите-ка скорей послов в Москву, добивайте челом московскому князю за свою вину, а не то придет он на Новгород с силами своими и побьет вас». Так и случилось.

Приступая к составлению жития Михаила Клопского, писатель боярин Тучков объяснил в предисловии, какую литературную задачу он пред собой поставил:

«Слышал я некогда, как читали книгу о Тройском пленении. В этой книге сплетены многие хвалы эллинам от Омира и Овидия. Ради одной их буйственной храбрости память о них сохранилась так долго... Во сколько же более должны мы восхвалять и почитать наших чудотворцев, которые одержали столь великую победу над врагами».

Интерес к России, к ее прошлому и настоящему, был уже настолько велик, что охватил не только русских писателей; но и иностранцев, которые стали все больше посещать ее. В первой половине XVI века уже и на Западе появилась достаточно обильная литература о России и ее истории.

Исключительно возросшая роль письменности и книги во всей жизни Московского государства заставила и горожан заняться выгодным делом переписки и продажи книг. Рукописные книги продаются на базарах в торговых рядах. В Москве при Иване IV уже существовал книжный ряд, где торговали книгами; до нас дошли имена книжных торговцев, или книжников, как их тогда называли. То были Богдан Тимофеев и еще более известный — Иван, Данилов сын, книжник, у которого покупали книги даже такие крупные люди того времени, как Макарий, составитель «Четьи-Миней».

Но как раз в этих условиях письменная книга перестает удовлетворять возросшим потребностям государства.

Прежде всего, рукописных книг стало нехватать. Спрос на книги резко повысился. Они нужны были для церквей, которые усиленно строились в отвоеванных у татар областях. Иван IV, завоевав Казанское царство, велел покупать на торжищах книги для новых церквей. Необходимы были книги и для обучения грамоте, которое производилось тогда тоже по церковной книге, — псалтыри. Таким образом, церковные книги были не только богослужебными, но и учебными. Об этом говорил и Иван IV: «По церковным книгам и служат, и поют, и читают, и учатся».

Ивану IV так и не удалось приобрести нужного ему количества книг на рынке. Кроме того, рукописные книги стоили очень дорого.

Еще большим злом было все возраставшее число описок и искажений в них. Эти искажения неизбежны были по самой системе списывания книг и возникали самым различным образом. Внимание наиболее добросовестного переписчика порой ослабевало и притуплялось. и, так как слова тогда писались сокращенно, стоило ошибиться только в одной букве, чтобы грубо исказить все слово. Так, в одной рукописи «Пчелы» вместо «посадник» оказалось «пасынок», вместо «магнит» — «магистр» и т. п. Берегли не время, но бумагу. Поэтому сокращения допускались самые замысловатые: «ч», обведенное кружком, означало человек, «а» в кругу следовало читать как тьма. Но так делалось не во всех книгах, и это еще больше затрудняло чтение. Нередки были описки в заглавных буквах, потому что они писались не вместе со всей рукописью, а дописывались после киноварью, может быть, даже другим писцом. В результате вместо слова «се» (это) оказывалось «не» и т. п.

Особенно портили текст невежественные писцы. Не разобравшись, они вносили в изложение замечания усердного читателя, сделанные на полях рукописи, с которой писали. Иногда, не поняв слова, заменяли другим, схожим по начертанию.

Чем сильней возрастал спрос на книги, тем более плодилось невежественных писцов, гнавшихся только за заработком. Место культурного переписчика, книголюба, занимает дешевый писец, сам откровенно признающийся в послесловии, что он «груб и невежа, писания книжного не научен». А в 1550 году один переписчик не постеснялся написать в своем труде, что он совершен «...многогрешною рукою малоумного, нечистого, безумного, неразумного, неистового...» и так далее, еще сорок три таких же не очень лестных эпитета, после которых следует, наконец, имя этого чересчур скромного писца — Парфения, Маркова сына Злобина. Как тут не пожалеть, что автор не последовал примеру других своих собратий и не зашифровал своего имени в тайнописи, которая была довольно распространена в послесловиях XV—XVI веков. Например: «А пилас циатоп Ишап Рогасош» означало: «А писал диакон Иван Мочалов». Прочесть этот текст довольно легко: нужно только подставить согласные в обратном алфавитном порядке; гласные же сохраняют свои места.

Нетрудно найти ключ и к послесловию другой рукописи:

Мац щык томащсь
Именсышви пугипу
ромьятую, като хе
и ниледь топчавши
Кпичу лию Арип.

Писец взял согласные буквы в алфавитном порядке и расписал их в два ряда, причем первую половину букв — слева направо, а вторую, под ней, справа налево. После

этого он заменил в своем тексте каждую согласную букву ее парой. Текст же оказывается такой:

Рад бысть корабль
переплывши пучину
морьскую, тако же
и писец кончивши
книгу сию. Аминь.

Переписчики, трудившиеся над рукописями в разных концах страны, вносили в новые списки особенности местного произношения. В одном из списков «Пчелы» вместо «забыл» написано «забил», вместо «было» — «било», как произносились эти слова на родине переписчика. Но уроженец другой области уже не мог правильно понять смысл этих слов; создавалась путаница непонимание русскими читателями русских же книг, списанных такими же русскими людьми, но в другом конце государства. Естественно, что этого нельзя было терпеть, когда государство уже сложилось в единое целое, когда особенно настоятельно возникла задача выработать единый русский литературный язык.

Тут уж нужна была и грамматика.

Выработка единого литературного языка требовала, прежде всего, установления и введения в практику определенных грамматических правил. И здесь письменная книга оказалась бессильной. Вспомним, что наиболее распространенные в древней Руси книги переводились с греческого в XI—XII веках или приходили к нам из Болгарии, Сербии. Переводчики, плохо зная русский язык, вносили непонятные греческие, болгарские слова и несвойственные русскому языку грамматические формы — окончания слов и т. п. Когда эти книги переписывались потом уже на Руси, писец старался точно воспроизвести оригинал, но на него влиял его родной русский язык, и переписчик невольно вносил в текст русские грамматические формы в виде описок и ошибок против оригинала.

Заставка из рукописной книги XIV века.

Накопляясь все более, эти «ошибки» и отступления от болгарского подлинника приближали книжный язык к русскому разговорному, вводили в письменную речь русские грамматические формы. Переписчики вообще обращались с текстом в первое время более смело и свободно, даже сознательно исправляли его и излагали более понятно. Святославов писец сам объявляет, что изменил некоторые выражения при переписке, чтобы сделать их вразумительней для князя. Так, вместо болгарского:

«аще ли свене сего» написал в «Изборнике»: «аще ли кроме сего», и т. д.

В наше время человек сначала изучает грамматику, а потом уже может стать корректором, литературным редактором. Переписчик же сначала исправлял, переменял болгарское написание на русское и таким путем доходил до каких-то грамматических правил.

Но с течением времени отношение церкви и попов к книге изменилось. Стремясь оградить авторитет церкви от критики, начавшейся с разложением феодализма, попы привили догматический взгляд на книгу: в ней свята и неприкосновенна каждая буква; чтобы не исказить «божественного» смысла, нельзя изменить не только слова, но даже единой буквы.

Эта язва христианства — догматизм — препятствовала сознательному улучшению книжного языка, но не могла помешать порче его и засорению описками, искажениями, устарелыми формами. Дальнейшее развитие литературного языка, выработка грамматических правил и применение их становились невозможными, пока новые книги можно было лишь списывать со старых. Дать новый толчок разработке русской грамматики, покончить с дроблением на областные литературы и помочь созданию национальной литературы, единого русского литературного языка могло только книгопечатание. Так грамматика тоже оказывается тесно связанной с техникой письма и печати.

Наконец, самое лицо книги, ее автора стало уже индивидуализироваться. Началась литературная полемика, в которой каждая сторона отстаивала свою собственную точку зрения.

В этих условиях уже не терпят, чтобы писец вносил в рукописную книгу отсебятину, свои домыслы, дополнения или, наоборот, делал в ней сокращения по своему усмотрению, как было принято раньше.

Между тем, именно эта возросшая роль книги в общественной жизни стала приводить к тому, что книгу действительно начали искажать, и не случайно, а умышленно, в интересах своей группы. Споры того времени, имевшие глубокую основу в общественных условиях, облекались в религиозную оболочку: спорящие стороны ссылались на одни и те же церковные книги. Кое-кто для усиления своих позиций стал не только по-своему толковать ту или иную книгу, но и фальсифицировать ее.

Об этом сохранилось прямое свидетельство современника. В сочинении XVI века «Беседа Валаамских чудотворцев», или, как оно еще иначе называлось, «О неприличии монастырям владеть вотчинами», прямо сказано: «А то цари не ведают и не внимают, что многие книжники из иноков, по дьявольскому лестному умышлению, из святых божественных книг и из житий выписывают и из книг преподобных и святых отцов выкрадывают, а на место их в те же книги приписывают лучшее и полезное себе в свидетельство того, что подлинное святых писание». Естественно, что в условиях создания единого государства ни царь, ни высшая духовная власть не могли допустить, чтобы представители разных группировок и вообще кто-либо по своему частному почину производили «исправления» в книгах.

Недовольство искажениями стало всеобщим. О порче книг говорили те, которые видели подлинные недостатки и искажения, допускаемые невежественными писцами, и хотели поднять книгу на новую, высшую ступень, и те, которые, противясь всем новшествам, стремились закрыть путь всякому движению вперед, в том числе и дальнейшему развитию книги.

Созванный молодым Иваном IV в 1551 году «стоглавый собор», принявший ряд решений, соответствовавших задачам объединения и укрепления Русского государства, вынес решение и о книгах. Он указал на порчу книг и

определил меры борьбы с ней в главах пятой — «Об исправлении книжном» и шестой — «О писцах». Глава пятая обязывает священников смотреть, какие книги — евангелия, апостолы, псалтыри и пр. — окажутся неисправными и с описками, и исправлять их по общему совету с хороших списков.

В главе шестой священникам предлагается: «Писцам, которые в разных городах пишут книги, вы бы велели писать с хороших списков, а, написав, исправлять, тогда уже и продавать, а если какой-нибудь писец пишет книгу и продает без исправления, таким вы бы строго запрещали; да и тем, кто неисправные книги покупает, вы бы точно так же строго запретили под страхом ответа. И вы у них такие книги отбирайте. Видя это, и другие будут опасаться делать то же».

Однако все эти решения не могли ничего изменить. Наступала новая эпоха, на арену выходили новые общественные силы. Книга становилась все более острым орудием общественной борьбы, и прежде всего сам царь стремился использовать ее для пропаганды идей могущественной самодержавной власти. Спрос на книгу неизмеримо возрос, выросли и изменились предъявляемые к ней требования. Рукописная книга уже не могла удовлетворять этим требованиям, дело было далеко не только в исправлениях, как казалось современникам. Письменная книга из средства прогресса, каким она была когда-то для Руси, превратилась в тормоз дальнейшего развития. Назрела необходимость заменить рукописную книгу печатной.

Книгопечатание было во всем мире той новой силой, которая, появившись в XV веке на исторической арене, помогала самодержавной власти в борьбе с феодальной раздробленностью, помогала культурному движению,

бывшему до того монополией церкви, стать более широким и всеобщим, содействовала переходу от средневековья к эпохе Возрождения.

В XV веке во всей Западной Европе рост новых производительных сил уже подрывал феодализм. Горожане — ремесленники и купцы — вступили в борьбу с феодальным дворянством, средневековыми порядками и опорой их — церковью.

Назрел великий исторический перелом. И когда в середине XV века Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание, точнее, подвижные буквы для печатания книг, — его изобретение дало сильнейший толчок развитию нового общества.

Горожане успешно использовали книгопечатание в борьбе против феодализма. Это изобретение, а также быстро развивающаяся грамотность, наносят смертельный удар безраздельному господству духовенства в области идеологии. А ведь именно церковь выработала идеологию средневекового феодализма. Теперь попы лишились своей монополии не только на грамотность, но и на высшее образование.

В противовес церковной литературе и схоластической науке с книгопечатанием появилась и стала широко распространяться античная литература. Если в рукописной книге мы встречали только небольшие отрывки и цитаты из древних авторов, нередко к тому же искаженные, то печатный станок скоро создал целые библиотеки античных писателей.

Книгопечатание придало мощный размах и ускоренный темп тому движению, которое Энгельс называл «религиозной революцией» и в основе которого лежала, конечно, борьба классов; религиозная оболочка этой классовой борьбы, еще неизбежная в те времена, могла только прикрыть, но не устранить определявшие эту борьбу материальные классовые интересы.

Печатный станок успешно послужил плебеям и крестьянам в крестьянской войне в Германии. Лютер, выступая против богослужения, перевел библию с латинского на родной немецкий язык, отпечатал ее и дал этим мощное орудие плебейскому движению в Германии XVI века, хотя сам и изменил народным элементам движения, стал рабом немецких князей.

С гораздо большей силой и энергией использовал печатный станок подлинный плебейский революционер Томас Мюнцер. Он печатал страстные революционные прокламации под видом проповедей, в которых наносил сокрушающие удары не только римской церкви, но и основам христианства. На произведения Мюнцера наложили запрет, которому он, впрочем, не подчинился: его типографа выслали из страны. Ничто не остановило этого пламенного революционера, и он продолжал борьбу оружием и печатным словом одновременно.

Книгопечатание использовали и короли в борьбе с князьями и феодалами для усиления своей власти, которая вносила известный порядок в хаос и раздробленность средневекового общества.

«Распространение книгопечатания,—писал Ф. Энгельс,— оживление изучения древней литературы, все культурное движение, которое с 1450 года становилось все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма»[1].

В конечном счете, книгопечатание оказалось великим открытием, которое по самому характеру своему помогло покончить со средневековьем и подготовить победу нового буржуазного строя, появившегося на исторической арене в ярких и радостных красках эпохи Возрождения.

Но это изобретение относится еще целиком к реме-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1-я, стр. 449

слениому периоду; с точки зрения своей техники книгопечатание не представляло тех материальных основ, которые внутри феодального общества подготовляли новую, характерную для буржуазного общества, машинную технику, крупную промышленность. Новую, машинную, технику подготовляла еще внутри мануфактуры другая материальная основа, а именно: два очень старых изобретения — часы и мельница.

Книгопечатание явилось одной из необходимых предпосылок буржуазного развития по своей роли в идеологической борьбе; техническая же сторона изобретения, самая материальная основа книгопечатания — подвижные буквы, станок и т. д. — могут быть оставлены в стороне, когда речь идет об экономических предпосылках развития капиталистической техники. Между тем, некоторые исследователи пытаются уже в первой русской типографии видеть и материальную, техническую предпосылку капиталистического способа производства, для которого в России XVI века вовсе еще не было соответствующих условий.

На самом деле начало книгопечатания в России, как и на Западе, сыграло выдающуюся роль не технической и не экономической, а именно идеологической и общественной стороной этого великого открытия.

В России XVI века, при Иване IV, по другим причинам, чем на Западе, но также стало настоятельной задачей введение книгопечатания. Оно было уже подготовлено всем ходом исторического развития страны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI ВЕКЕ

Россия должна была отстоять свое право на существование в суровой борьбе с окружавшими ее врагами: татаро-монгольскими завоевателями на востоке и юге, литовско-польскими панами на западе и юго-западе, с Ливонским орденом рыцарей и Швецией на побережье Балтики.

Чтобы отстоять родину, сохранить независимость, русскому народу необходимо было создать могущественное централизованное государство. Только такое государство могло найти силу для обороны и для развития движения вперед [1].

[1] «На востоке Европы ... образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и др.), протекало раньше ликвидации феодализма... Таковы Австрия, Венгрия, Россия». (И. Сталин, Марксизм и на-

Народ уже понес тяжелые потери из-за феодальной раздробленности, продолжавшейся в течение нескольких веков. Из-за нее пала под ударами монголо-татар древняя столица Руси — Киев, и в течение двухсот лет русский народ вынужден был терпеть не только материальный, но и жестокий моральный гнет. Монголо-татары не ограничивались собиранием дани; они грабили, насиловали русский народ, топтали его достоинство, национальную гордость, его культуру.

Правда, за все время владычества поработителям не удалось сломить русский народ. Даже такой быстро меняющийся живой организм, как национальный язык, остался невосприимчивым к влиянию завоевателей. Владычество монголо-татар, как говорил Пушкин, не оставило ржавчины на русском языке: «Едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык... Чуждый язык распространяется не саблею и пожаром, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?.. Предки наши, в течение двух веков стеная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования» [1].

Способность и под чужим игом сохранить во всем богатстве родной язык служит лишь одним из доказательств мощи и жизненности русского народа. Естест-

---

ционально-колониальный вопрос, стр. 65, 1935 г.). И далее товарищ Сталин пишет: «...Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия». (Там же, стр. 73.)

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 16—17. М., Изд. «Художественная литература», 1934 г.

венно поэтому, что он не ограничился одними сетованиями и молитвами, а нашел в себе силы свергнуть иго поработителей.

Задача освобождения от монголо-татар, оборона родины вели к созданию централизованного государства, которое одно только способно было сдержать напор врагов и сломить его.

В силу естественных географических условий и исторических причин такое государство стало складываться из раздробленных удельных княжеств вокруг Московского княжества, вокруг Москвы.

На долю московских князей выпало осуществить историческую задачу создания русского национального государства. Конечно, сами они не особенно ясно понимали прогрессивное значение своего дела. В значительной мере к покорению мелких удельных князей и подчинению их своей власти московского князя толкало стремление стать самому еще более крупным вотчинником, владельцем еще большего удела. Но это не мешало его делу быть исторически прогрессивным. Недаром покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига. Вошедшее в силу Московское княжество стало наносить удар за ударом монголо-татарским завоевателям, а также польско-литовским панам. В 1480 году при великом князе московском Иване III (1462—1505) Русское государство освободилось от татаро-монгольского ига.

Народ увидел в московских князьях защитников страны, представителей общенациональных интересов, а не прежних междоусобных вотчинников-стяжателей, и стал сплачиваться вокруг Москвы и ее князя.

Недавно еще одно из многих удельных княжеств, Московское княжество, начало превращаться в единое Московское, вернее, русское национальное государство.

Царская власть в это время была представительницей

Московский Кремль в XV веке.

С рисунка Ап. Васнецова.

образующейся нации. Без царской власти национальное единство было тогда немыслимо.

Правда, национальных связей в современном смысле слова еще не могло быть. Национальные связи создаются восходящим капиталистическим строем в процессе ломки и ликвидации феодализма. О Московском государстве XV и даже значительной части XVI века еще нельзя говорить, как о ликвидировавшем феодализм. Наоборот, проявления его явно давали себя знать на каждом шагу.

Ленин говорил о Московском царстве: «...о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, *сохранявшие живые следы прежней автономии* [курсив наш — *И. Б.*], особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»[1].

Мы нарочно привели так полно это указание Ленина, хотя вторая его часть охватывает уже XVII век, между тем как наше повествование относится к XVI столетию. Историю Московского государства в XVI веке можно понять лучше, если представить ее себе не статически, а

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 73, изд. 3-е.

в движении; будет ясно видно, куда шло развитие русского государства в этот период. Как только Россия покончила с внешней угрозой ее существованию, начался быстрый расцвет всей внутренней жизни страны. Стало развиваться народное хозяйство, укреплялась администрация (в 1497 году составлен был судебник Ивана III, вводивший понятия и нормы, проникнутые идеей общегосударственного порядка), росла грамотность и культура населения, ключом забила политическая жизнь. Все это создавало предпосылки и к введению книгопечатания.

Но если покорение удельных князей московским царем, собирание вокруг Москвы русского национального государства встречали сочувствие и поддержку в народе, то сами удельные князья и вотчинники, чьи владения поглощались Московским государством, пытались оказать Москве сопротивление. Они цеплялись за свои феодальные привилегии, за ускользающую из их рук власть, хотели, чтобы и дальше интересы целой страны приносились в жертву их личной выгоде; они становились на путь измены, заключали военные союзы с врагами русского народа — татарскими ханами, польско-литовскими панами, звали их на войну против Москвы, ослабляли Россию.

Насколько эти феодальные пережитки были опасны для дела единения России, видно из того, что в династии самих московских князей оказывались враги объединительной политики. Младший сын Ивана III, Симеон Калужский, не желал подчиниться старшему брату, открыто жаловался на утрату древних прав удельного князя, которые дали бы ему полную независимость от старшего брата, московского царя; он решился изменить и бежать к врагам России — в Литву, но был пойман.

Но никакие попытки тянуть страну назад не могли уже помочь обреченным самой историей удельным князьям; они не могли остановить естественного хода истории,

противостоять потребностям хозяйственного и политического развития страны.

Московские князья, опираясь на мощь народа, сломили и подчинили удельных князей, собрали вместе с их боярами при своем дворе уже в качестве бояр московского князя.

Но еще долго Ивану III, его сыну Василию и даже внуку, Ивану IV, приходилось ломать остатки старых отношений, подавлять сопротивление бояр — носителей пережитков периода феодальной раздробленности.

Бывшие удельные князья и знатные бояре привыкли к неограниченному господству, полному самовластию в своей вотчине. Они еще помнили, что и царь не так давно был такой же, равный им удельный князь, вотчинник, к которому бояре приходили на службу со своими собственными людьми, с собственной землей и по собственной воле. Переходя, таким образом, от одного удельного князя к другому, бояре считали, что не князь выбирает слуг из них, а они выбирают себе князя; не от князя и не за службу получили они землю, а свою землю принесли князю.

Князья и бояре еще не утратили своих воззрений на всю землю Русскую, как на вотчинную собственность, которая должна быть разделена между ними. А себя бояре считали источником царской власти, считали, что они сами выбрали царя среди равных им вотчинников. Насколько распространены были подобные воззрения боярства, видно из того, что они отразились даже в народной исторической песне.

Иван IV, желая наградить боярина Никиту Романовича, спрашивает:

> — Мне как, чем тебя наскоро пожаловать?
> Дать тебе села со приселками,
> Али дать города с пригородками,
> Али дать тебе золотой казны?

Но Никита Романович отвечает с независимым видом:

> Есть у меня золотой казны,
> Есть городов с пригородками,
> И есть и сел со приселками.
> То мне, молодцу, не похвальба..

Как поется в песне далее, он только просит льготы для этих своих земель, каковые и получает от царя. Наряду с такими правительственными льготами бояре продолжали сохранять еще немало льгот, оставшихся им от удельной старины. И в борьбе за эти свои феодальные привилегии, начинавшие, как увидим далее, быстро утрачиваться, бояре сопротивлялись усилению царской власти.

Когда после смерти Василия III (1533) великим князем объявлен был его трехлетний сын Иван, опекаемый матерью Еленой, князья и бояре начали наступление против самодержавия московских государей. Через пять лет, в 1538 году, Елена умерла (современники утверждают, что она была отравлена), и власть целиком попала в руки княжеско-боярских группировок. Этот боярский переворот произошел в особенно дикой и грубой форме: однажды ночью бояре ворвались во дворец и проникли в комнату малолетнего Ивана IV, выволокли из нее трепещущих наставников Ивана и руководителей тогдашнего правительства, напрасно пытавшихся хотя бы здесь найти спасение. С ними тут же стали расправляться, не обращая внимания на плач и крики перепуганного ребенка. Впоследствии Иван IV и это припомнил боярам.

Понятно, что упрочение царской власти, как необходимое условие создания централизованного государства, должно было происходить в борьбе против боярства. Ряд экономических и административных мероприятий, направленных к дальнейшему укреплению государства, ослабил экономическую мощь боярства и его политическое значение.

Интересным примером этого оказался случай с удельным родичем царя, старицким князем Владимиром Андреевичем. Князь этот был настолько близким членом династии, что даже претендовал на московский престол и плел разные интриги, за что, в конце концов, и подвергся преследованию со стороны Ивана IV.

В малолетство Ивана IV Владимир Андреевич отнял у одного из своих помещиков, А. А. Карачева, вотчину — деревню Бессолино и сельцо Ревякино. Только лет через десять вотчина была возвращена ее старому владельцу Карачеву. Возврат вотчины князь Владимир Андреевич оформил специальным актом — жалованной грамотой: «Се яз князь Володимер Андреевич пожаловал есми Офонасья Александрова, сына Карачова, что в нашей отчине в Старицком уезде... его купля деревня Бессолино...» и т. д. Вся грамота торжественно говорила о том, что князь Владимир жалует, добровольно дарит, возвращает вотчину своему подчиненному, милостиво снимая с него опалу.

Однако еще через два года сам Карачев составил другой документ — духовную грамоту, и из этого завещания выяснилось, что дело с возвратом вотчины обстояло несколько иначе, чем изображал князь. Карачев писал: «Да пожаловал меня князь Володимер Ондреевич по великого князя приказу отдал мне мою куплю деревню Бессолину...» Вот эти четыре слова: «по великому князя приказу», которых не было в жалованной грамоте Владимира Андреевича, проливают свет на настоящее положение одного из последних удельных князей и вотчинников. Он еще изображал себя самостоятельным владельцем своего удела, но власть его уже была призрачной. Московский великий князь уже распоряжался в его собственной старицкой вотчине. В споре мелкого помещика с удельным князем московское правительство приняло сторону первого, показывая тем самым, на кого оно со

Рисунок из Острожского евангелия

Святославов «Изборник» 1073 г.

биралось опереться в своей политике. Не случайно это возвращение вотчины относится к 1544 году. Примерно с этого времени, с момента прихода к власти при подраставшем Иване IV митрополита Макария (1542), начинается та борьба московского правительства против различных княжеско-боярских группировок, которую с особенной остротой повел затем Иван IV, объявив себя самодержцем.

Необходимо было нанести и в идеологической области сокрушительный удар боярству, его взглядам и притязаниям. С этой целью московские цари стали развивать и усиленно поддерживать пропаганду идеи самодержавной царской власти.

Иван III был женат на племяннице византийского (греческого) императора. В течение веков Византия пользовалась славой великой мировой державы. Особенное уважение питали к ней на Руси, которая была связана с Грецией многими культурными и идеологическими узами.

Правда, к моменту женитьбы Ивана III блеск Византийской империи был уже в прошлом. В 1453 году турки взяли столицу Греции — Константинополь, и мировая империя перестала существовать. Однако это только дало Ивану III основание утверждать, что он, в качестве ближайшего родственника последнего византийского императора, является преемником его династии и наследником императорской короны. Сын Ивана III Василий был внуком византийского императора и тем более мог вести свой род от греческих царей и утверждать, что владеет государством не в качестве удельного князя, а как наследник мировой императорской династии.

В другое время и в другой обстановке эти притязания, может быть, и не получили бы особого отзвука, но в период создания централизованного государства, когда московский князь и в самом деле превращался в царя-самодержца, когда легенда о византийском наследстве

находила благодарную почву в самом ходе событий, ее подхватили и стали на ней воспитывать людей в Московском государстве.

Русские книжные люди XV—XVI веков не ограничились тем, что, наблюдая возраставшую силу царской власти, объявляли царя преемником византийских императоров. Наблюдая одновременно рост могущества русского государства, они объявили Россию преемницей мировой Византийской державы.

В подтверждение своих взглядов они в ряде произведений развили и обосновали своеобразную теорию о третьем Риме. В основе ее лежала старая религиозная легенда, сложившаяся еще во времена Римской империи. Эта легенда гласила, что различные древние монархии сменяли друг друга только до возникновения мировой Римской империи. Эта последняя будет существовать до самого «конца мира, вместе с которым должно притти и царство божие». Но вот пала и рассыпалась на части Римская империя, а обещанный легендой конец мира не наступил. Тогда взоры обратились к новой мировой державе — Византии. Вот, говорили, второй Рим существует, все остается попрежнему.

Легенда известна была с давних времен и на Руси, но она представляла для русских книжных людей отвлеченный интерес.

С падением Византии — второго Рима — легенду должны были вспомнить. Однако конец мира, во исполнение ее, все не наступал. Почему же? Очевидно, потому, что Римская держава продолжает существовать. Где же она? Действительность сама, казалось, подсказывала ответ.

Новым могущественным государством становится Россия. Были, конечно, и другие сильные государства, но как «неправославные» они не могли быть той державой, которая подготовит «царство божие». После падения

Школа в Московской Руси.

С картины Б. Кустодиева.

православной Византийской империи единственным православным государством, и притом явно растущим и крепнущим, оказалась Россия. Естественно, что только Россия может быть третьим Римом, государством, которому предстоит мировая роль. Именно Россию подразумевала много веков назад религиозная легенда.

В такой неизбежной для того времени религиозной форме воспринимали русские люди наблюдаемое ими создание единого государства и выражали свои мысли и надежды на предстоящую ему историческую роль, на его великую будущность.

Религиозные легенды в те времена не вызывали сомнений в своей правильности: что они гласят, то обязательно сбудется. Поэтому именно такая религиозная оболочка придавала этим идеям о великой будущности России полную убедительность и несомненность. Факт, что существовала такая легенда, сам по себе был для русских книжников доказательством правильности развиваемых ими идей. На основе этой теории о третьем Риме видные русские писатели строили свои произведения. Таким образом, в религиозной форме уже складывалась политическая по существу своему литература.

Огромная заслуга этой литературы заключается в том, что она не ограничилась прославлением царской власти, а поставила перед ней ряд конкретных задач.

Так, настоятельно необходимо было создать новую военную силу для обороны страны. Боярство как военная сила уже не удовлетворяло. Малочисленное войско, достаточное, может быть, для междоусобных драк, было теперь непригодно для обороны государства на всем протяжении границ которые нередко приходилось защищать одновременно от нескольких противников. Если предки Ивана IV могли выставить в поле единовременно тысячу пятьсот воинов, то сам он выставлял рать уже до трехсот тысяч человек.

Но для этого ему пришлось реорганизовать военное дело, ввести заимствованные на Западе усовершенствования. Нужно было сломать устарелую и негодную структуру, при которой войско возглавлялось боярами, не желавшими и на поле битвы, перед лицом военной угрозы стране, забыть свои споры и притязания. Бояре занимали военные должности не по способностям и военному таланту, а по родовому старшинству; они враждовали между собой, обижались на явное или мнимое предпочтение, оказанное одному перед другим. Не однажды русские войска терпели поражения только из-за того, что «обиженный» боярин не хотел поддержать другого в бою, предавал его противнику.

Боярин шел на войну вместе со своими людьми, которые подчинялись ему и были с ним связаны теснее, чем с командующим всей армией. Естественно, что на боярское войско нельзя было положиться. Нельзя было вести борьбу против боярства и опираться на старое боярское войско. Необходимо было избавиться от него и создать военную силу, целиком подчиненную царской власти. Такую военную силу русские цари и стали создавать в лице служилого дворянства (помещиков), поднимая и возвышая его.

К заботе о новом военном сословии призывают произведения XVI века. Чтобы укрепить военный служилый элемент, дать ему возможность нести свою службу, правительство должно было обеспечить его землей. Но земля находилась в руках бояр и монастырей, ее надо было отнять.

Создавая служилому дворянству материальную базу, русские цари тем самым подрывали экономическую почву под ногами бояр. Резкое обострение борьбы между двумя слоями феодального класса — боярством и служилым дворянством — нашло яркое отражение в полемических произведениях.

Публицистика того времени подняла и ряд других важнейших вопросов, возникших перед государственной властью, — об упорядочении правительственной администрации, судопроизводства, о необходимости нового законодательства.

Наконец, публицистика конца XV — половины XVI века в небывалой до того сильной и блестящей форме отразила весь сложный переплет классовой борьбы и общественных отношений в современном ей обществе.

Выше говорилось о борьбе за землю между родовым боярством и служилым дворянством. Еще раньше на той же почве борьбы за землю столкнулись интересы боярства и монастырей, которые начали усиленно прибирать к рукам боярские вотчины.

Но все группы господствовавшего феодального класса вместе беспощадно давили массу крепостного крестьянства. Положение крестьянства становилось все тяжелее. Именно ему приходилось нести тяготы войн, расплачиваться за увеличивающиеся военные расходы, обеспечивать существование все более разраставшегося служилого дворянства.

Крестьянство еще прочнее прикрепляется к земле новыми законами и путем закабаления. Кабала на старом русском языке — долговая расписка. Со временем это слово приобрело другой смысл. Подписавший долговую расписку уже не мог уйти от заимодавца, не расплатившись, а расплатиться было нечем, и он попадал в зависимость, в кабалу. Монастыри, помещики уже не только открытой грубой силой феодала заставляют крестьян работать на барщине, но все чаще выступают в роли ростовщиков. Разоряют крестьян ростовщическими процентами, закабаляют и эксплуатируют в десятеро сильнее прежнего. Иван IV, укрепляя государство, осуществляя в этом совершенно прогрессивное дело, в то же время ухудшает положение крестьянских масс, к которым

он относится с жестокостью и презрением заправского феодала. Он не останавливается даже перед собственноручной зверской расправой с челобитчиками, когда они пытаются обратиться к нему за облегчением своей доли.

Закрепощение крестьянства в этот период объясняется не только созданием нового слоя служилых дворян, а и расширением рынка, увеличением хлебной торговли.

Английский путешественник Ричард Ченслор, посетивший Россию в 1553—1554 годах, не без изумления наблюдал расцвет торговли:

«Москва находится в ста двадцати милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой... Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями»[1].

Надо, однако, иметь в виду, что Ченслор наблюдал лишь узкую полосу вдоль большой дороги. В сторону от нее плотность населения и его зажиточность были, разумеется, ниже.

Стремясь произвести, точнее заставить крестьян производить как можно больше хлеба для продажи, помещики (и монастыри) усилили крепостной гнет, увеличили барщину и, не довольствуясь этим, стали все больше закабалять крестьян.

Монахи Иосифо-Волоколамского монастыря широко применяли на практике взгляды его основателя боярина Иосифа Санина (Волоцкого), в своих литературных про-

[1] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 56. Соцэкгиз 1938 г.

изведениях яро отстаивавшего право монастырей владеть землями и даже людьми. Этот монастырь создан был в 1479 году близ родовой вотчины бояр Саниных, в восемнадцати верстах от города Волоколамска. Меньше чем в сто лет Волоколамский монастырь превратился в один из крупнейших монастырей-феодалов: он завладел обширными земельными угодьями во Владимирском, Волоколамском, Московском, Рузском, Тверском уездах. Крепостные крестьяне засевали тысячи десятин монастырской земли; одного товарного хлеба, поступавшего на рынок, монастырь собирал ежегодно десятки тысяч пудов. Обладая огромными денежными средствами, монастырь имел возможность переманивать крестьян от других владельцев и превращать их из зависимых крестьян в крепостных.

Тяжелое положение низов вызывало восстания. В год венчания семнадцатилетнего Ивана IV на царство, принятия им титула «царя всея Руси» (1547) в Москве произошло восстание «московских черных людей», как называл их летописец. Восставшие побили многих бояр, и хотя по существу восстание направлено было именно против боярства, но вместе с боярами вынужден был бежать и царь. Лишь на третий день удалось Ивану IV собрать силы против восставших. Теперь уже «московским черным людям» пришлось бежать из Москвы в разные города.

Через три года произошло восстание в Пскове, может быть, не без влияния этих московских беглецов.

Летописец сообщает о том, как в марте 1550 года возник в Пскове большой пожар. Псковские городские низы воспользовались этим пожаром для восстания против своих притеснителей: «...меньшие люди начаша грабити богатых людей животы, а гасить не учали...»

Сложные отношения между различными классами и слоями Русского государства XVI века нашли отражение

в публицистике. Конечно, сами писатели не понимали движущих сил происходивших явлений, не могли правильно их объяснить. Понятно, что интересы различных слоев господствовавшего феодального класса находили в литературе более яркое и энергичное выражение и защиту, чем интересы угнетенной крестьянской массы. Но тот факт, что вопрос о положении крестьянства прорывался в литературу, что писатели уже ставили его, и довольно остро, свидетельствует о том, как усилилась эксплоатация, насколько лишения крестьян стали невыносимыми и как сильно возрастало недовольство крестьянства своим положением.

Литература XV—XVI веков быстро теряет прежний отвлеченный нравственно-назидательный характер и превращается в боевую политическую публицистику, хотя и облекаемую в старые религиозные одежды.

Эта литература, поскольку она служит укреплению самодержавной власти, встречает поддержку московских царей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

Как ни странно звучит слово «публицист» по отношению к русскому человеку XVI века, однако политическая литература России XV—XVI веков действительно знает ряд выдающихся публицистов, с ярко выраженной как политической, так и литературной индивидуальностью. На фоне обезличенной письменной книги, которая обычно приписывается какому-нибудь древнему святому, когда русский автор того или иного «слова», изречения выступает безымянно, скрывается под видом скромного переписчика, возникают к XVI веку яркие фигуры индивидуальных писателей.

Правда, они еще сами по старой традиции как бы стесняются своей роли, извиняются, что вынуждены выступать на том поприще, где до них господствовали лишь сам бог и его святители, и предупреждают читате-

ля, чтоб их не подозревали в гордыне, в стремлении стать писателями. По этой же причине собственные мысли они выдают за древние церковные писания, которые они-де только собрали, напомнили своим современникам. Так, Иосиф Волоцкий писал: «Вы же все, кто прочитает сии писания, аще и груба есть, но по свидетельству божественных писаний, да не мнит никто же никако же, будто тщеславия ради, или славу ловя от людей, написал; несть се, несть, свидетель Христос мой».

Но эти оговорки не меняют дела. Уже не могло не быть этой писательской славы, то-есть восприятия современниками индивидуальности каждого автора, восприятия его писаний, и притом уже не как непререкаемого божественного откровения, а как мнения живого человека, с которым можно было согласиться, а можно было и спорить.

Эти писатели представляли различные общественные группы, выражали противоположные интересы, боролись, полемизировали друг с другом. Познакомимся с некоторыми из них, именно с теми, кто сумел наиболее ярко выразить передовые, прогрессивные тенденции своего времени, сумел подняться над интересами отдельных групп до интересов всего государства.

Одним из первых публицистов, резко и ярко обличивших в литературе монастырское землевладение, был Вассиан Косой.

Вассиан принадлежал к знатному роду князей Патрикеевых, был в родстве с царской семьей, принимал близкое участие в придворной борьбе. В ней он потерпел поражение, попал в опалу и насильно был пострижен в монахи Иваном III.

В монастыре Вассиан Косой сделался учеником старца Нила Сорского, также выходца из бояр, человека, весьма начитанного, побывавшего в Греции и по возвращении оттуда поднявшего борьбу против Иосифа Во-

лоцкого, защитника монастырских владений, могущества и господства монастырей, гонителя еретиков.

В противоположность Иосифу Волоцкому, писавшему, что всякий человек должен отдавать церкви и монастырям «десятину не только от имений, но и от чад и от рабов», Нил Сорский настаивал, что монастыри не должны владеть селами, а монахи должны кормиться собственным трудом: «Кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест». По своим взглядам Нил и его ученики получили прозвище «нестяжателей».

После смерти Нила Сорского (1508) с страстной защитой его взглядов выступил Вассиан. Стремясь представить возможно более убедительные доводы против монастырского землевладения, он не пожалел красок для изображения всей неприглядности монастырских нравов. Причиной всех монашеских пороков являлось, по его мнению, монастырское землевладение. Достаточно было, по убеждению нестяжателей, отказаться от землевладения, чтобы жизнь в монастырях коренным образом переменилась, стала образцом нравственности, добродетели и т. д. Средство, как видим, достаточно наивное и беспомощное. Но дело не в нем. Важна та картина монастырских пороков и злоупотреблений, которую сумел очень реалистично нарисовать Вассиан Косой.

Благодаря силе и меткости произведения Вассиана оказались первыми чувствительными обличениями, направленными против церкви. Они били дальше, чем того хотели сами нестяжатели. Нравственные сочинения, призывы к праведной жизни встречались и в древней литературе. Но то были отвлеченные поучения, не обличавшие конкретной действительности. Они не требовали острых практических выводов, не задевали авторитета церкви и монахов. В отличие от них произведения Вассиана Косого раскрывали современникам глаза на деятельность монахов и откровенно осуждали ее.

Вассиан изобразил реалистическими штрихами погоню монастырей за богатствами, показал, что монахи, вступив в монастырь, продолжали оставаться помещиками. Больше того, они ловко использовали преимущества своего нового положения для еще больших накоплений, начинали жадно и нагло стяжать земли и богатства под предлогом того, что приобретают для бога.

С негодованием писал Вассиан по этому поводу: «...вступив в монастырь, не перестаем приобретать всячески чужие села и имения, бесстыдно выпрашивая их лестью у вельмож или скупая... беспрестанно объезжаем города и в руки богатым смотрим, разным образом льстя им и раболепно угождая в надежде получить от них село или деревеньку, или серебро, или что-нибудь из домашней скотины...»

Но только перед богатыми раболепствовали монахи, лестью и угождением выклянчивая подарки. Бедных же и слабых монахи просто грабили и разоряли, насильно присваивая их имущество.

«Побуждаемые единственно сребролюбием и ненасытностью, мы живущих в селах наших (то-есть монастырских) различным образом оскорбляем, лихву на лихву (то-есть ростовщические проценты по ссуде) на них налагаем, милость же нигде к ним не показываем, когда же они не могут отдать лихвы, лишаем их имений немилосердно, коровку их и лошадку отымаем, самих же с женами и детьми далече от пределов своих деревень, аки скверны, изгоняем...»

Мало того, монахи судятся со своими закабаленными крестьянами и «княжеской власти предавши, до истребления конечного доводят...»

Монастыри превратились в ростовщиков, давали ссуды под непосильные проценты, придерживали хлеб до голодного года, чтобы продать его по высокой цене. «Часть хлеба, — пишет Вассиан, — вы продаете и вы-

рученное серебро отдаете в рост, другую часть прячете до голодного времени». («Ова убо, в сребро пременивше, о согласии лихв в заим даете, ова же соблюдаете, да в времена скудости продаются, яко множайшая цены примете».)

Сутяжничеством, неправедным судом монахи разоряют крестьян, соседей, захватывают чужое имущество. «Оле, вещи скверности! Иноки... своих обетований забывше и всяко благоговеинство отвергше, от своих обителей в старости уже седой восстающе, в мирские судилища обращаются, с убогими человеки прящеся о заимоданий многолихвенных, или судясь с соседями о пределах своих мест и сел».

А судиться бедняку при тогдашней продажности судей значило заведомо проиграть дело. Недаром распространен был рассказ о взяточнике судье, который говорил: «Я всегда сужу в пользу богатого. Ведь у богатого и так всего много, станет ли он красть у бедного? А бедняк ничего не имеет, он украдет у богатого».

Вассиан подчеркивал в своих произведениях резкий контраст между роскошной, паразитической жизнью монахов и бедствиями закрепощенных монастырских крестьян. Недовольство и озлобление крестьянства прорывается в произведениях Вассиана, человека более наблюдательного и вдумчивого, чем многие его современники.

Вассиан Косой, как и его учитель Нил Сорский, отразил недовольство боярства монастырским стяжательством, тем, что монастыри, поставленные в более благоприятное положение, успешно соперничали с боярством, прибирали к рукам боярские земли, сманивали к себе боярских крестьян.

Борьба нестяжателей против монастырского землевладения встречала сочувствие и со стороны московских царей, которым именно в это время особенно понадобились земли для раздачи служилому дворянству. Естест-

венно, что взоры их обращались к обширным монастырским землям. Литературные произведения нестяжателей оправдывали стремление московских царей отнять у монастырей землю. Это был, пожалуй, единственный важный вопрос, на который бояре смотрели одинаково с царем; во всех других случаях бояре выступали против притязаний царской власти.

Нестяжатели вовсе не были идеологами боярства, как думают некоторые исследователи. В своих произведениях они осуждали гонения на еретиков, требовали критического отношения к церковным писаниям и т. д. Все эти передовые черты, которые мы находим и у Нила Сорского, и у Вассиана Косого, не имели ничего общего с мракобесием бояр.

Сын Ивана III Василий приблизил к себе Вассиана Косого, подчеркивая этим свое сочувствие взглядам нестяжателей. В качестве родственника царя, Вассиан скоро сделался «великим временным человеком», и его боялись больше, чем самого Василия. Уже Иван III пытался отнимать земли у монастырей. Церковь, однако, оказала резкое сопротивление, и не только Ивану III, но даже его грозному внуку, Ивану IV, пришлось здесь отступить.

Царю Василию также пришлось отказаться от покровительства Вассиану, выдать его попам. Попы ответили на обличения Вассиана крутой расправой.

В 1531 году попы собрали для суда над Вассианом собор, который состоял, конечно, из приверженцев известного уже нам Иосифа Волоцкого. Вассиану предъявили самое страшное по тем временам обвинение — в ереси. Один из пунктов обвинения, между прочим, гласил, что чтимых церковью чудотворцев, владевших селами и крестьянами, Вассиан называл смутотворцами. Неизвестно, соответствовало ли это обвинение действительности, говорил ли Вассиан именно так, но независи-

мо от этого весьма показательно, что уже в официальном документе появляется такая резкая антицерковная игра слов: не чудотворец, а смутотворец.

Очевидно, все явственнее чувствовалось, что непрерывное усиление крепостного гнета вызывает озлобление крестьян, волнения, смуту, что виновниками этой смуты являются сами феодалы, что они оказываются подлинными смутотворцами. В резких обличениях Вассиана можно видеть отражение крестьянского недовольства. Если бы они питались только боярскими настроениями или даже более острой потребностью служилого дворянства в земле, они не говорили бы таким полным голосом о страданиях притесняемого крестьянства.

Попы присудили представшего перед собором Вассиана к заточению в монастырской тюрьме. Заключенный в подземелье, закованный в цепи, Вассиан не вынес тяжести заключения и вскоре умер, начав собой длинный список передовых русских писателей, на протяжении еще почти четырех веков подвергавшихся жестоким преследованиям за свою борьбу против церкви и угнетения.

Так вместе с зачатками русской политической литературы начинается и расправа господствующего эксплоататорского класса над лучшими русскими писателями. Этой печальной судьбы не избег и первый русский книгопечатник Иван Федоров, с первого момента своей деятельности, как увидим дальше, подвергшийся гонениям со стороны боярства.

Еще более значительный круг вопросов охватил другой выдающийся писатель эпохи, подготовившей книгопечатание в России, современник Вассиана Косого Филофей.

Его биография, очень сжатая, дошла до нас с рукописью его послания к псковитянам, «просившим слова на утешение».

Летописец Нестор.

Скульптура П. Антокольского

Книжные лавочки на Спасском мосту. Красная площадь.

Переписчик Филофеева послания предпослал ему биографическую справку:

«Сего преподобного старца моляху псковские нецыи христолюбцы, дабы к государю писанием молил о них, понеже той старец неисходен бе из монастыря и добродетельного его ради жития и премудрости словес знаем бе великому князю и вельможам. Он же в сем послании, аще и отречеся молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имею дерзновения, но последи много показа дерзновение к государю и моления о людях також и боляром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насиловании, не убояся смерти. Великий же князь и вельможи его, ве́дущие (то-есть зная) его дерзость и беспопечение о сем веке, не смели ничтож ему зла сотворити».

В этих лаконичных словах метко схвачены главнейшие черты биографии писателя. Прежде всего мы узнаем, что Филофей пользовался известностью именно как писатель: «Ради... премудрости словес знаем бе..» Что речь идет о «словесах» в смысле литературных произведений, явствует из того, что именно благодаря этой славе его просят обратиться к государю с «писанием», то-есть со словом или посланием. И действительно, послания — излюбленная Филофеем форма литературных произведений, форма, столь распространенная в его время, что составлялись даже, как мы видели, специальные сборники образцов посланий.

Далее из биографии узнаем, что послания Филофея отличались «дерзновением и обличением многой неправды и насилования» со стороны бояр и царских наместников, заступничеством за «людей», за народную массу. Характерно, что биограф даже не пытается противопоставить царя жестоким и несправедливым боярам и вельможам или изобразить дело так, будто боярские неправды творились без ведома царя. Наоборот, био-

граф откровенно признает, что царь (Василий III) гневался не на обличаемых, а на обличителя. В небольшой биографической заметке достаточно ясно проглядывает убеждение ее автора в том, что царь мог быть только на стороне вельмож, притеснителей. В этом отношении автор ставит царя (великого князя) в один ряд с вельможами: и великий князь и вельможи его непрочь расправиться с Филофеем за дерзкие послания. Если они этого не сделали, то, по мнению биографа, лишь потому, что не решились, «не смели ничтож ему зла сотворити» ввиду его популярности.

Краткая биография Филофея, сочиненная, может быть, самим переписчиком филофеевых посланий, служит примером того, насколько распространенным явлением становится литературное творчество в это время. И автор биографии может рассматриваться как писатель, представитель литературы XV—XVI веков, имеющий свои собственные, строго определенные взгляды и убеждения. В его явно недоброжелательном отношении к московскому князю и вельможам чувствуется не только недовольство псковича, каким он, может быть, являлся, но и недовольство человека, враждебного боярству, принадлежащего, возможно, к другой классовой прослойке, к тем «черным людям», о которых упоминала летопись.

Если мы и выделяем несколько имен крупнейших писателей того века, то, знакомясь с рукописной литературой, убеждаемся, что вокруг этих крупных фигур сплачивается немало других пишущих людей, подхватывающих и распространяющих идеи этих писателей. Мы убеждаемся также и в том, что личность писателя и его литературная деятельность уже служат предметом внимания, обсуждения и изучения со стороны современников, стремящихся выяснить его заслуги как литератора. Все это очевидные предвестники новой эпохи, эпохи

[illegible] книги, автор которой уже приобретает в глазах читателя свое определенное лицо, индивидуальный характер.

Кроме указанной заметки, некоторые биографические данные находим в сочинениях самого Филофея. Из них видно, например, что он был начитан в современной ему литературе, знал такие светские произведения, как космография Козьмы Индикоплова [1] и хронограф (летопись, начинавшаяся от «сотворения мира», излагавшая затем историю древнего Рима, Византии и, наконец, Русского государства).

Остались неизвестными многие даты его жизни, как и то, из какой среды он вышел, почему стал монахом. Судя по положению, какое он занял в монастыре, можно полагать, что, подобно Вассиану, он вышел из боярской среды.

Филофей поддерживал связь с людьми, близкими к литературе. К ним адресует он некоторые свои послания, и вокруг него уже как бы группируется своеобразный литературный кружок. В числе его адресатов находится, например, дьяк Михаил Григорьевич Мунехин, человек очень образованный. В посланиях к нему Филофей отвечает на вопросы, поставленные Мунехиным. Вопросы носят не личный или бытовой и даже не только богословский характер. Они выдают деятеля, с широким кругозором, разбирающегося в общественной жизни страны и задумывающегося над важнейшими ее проявлениями, равно как и над идеями и увлечениями, владеющими умами его современников.

Ответа на свои вопросы Мунехин ищет в литературе, и притом в новой, современной ему литературе. Его уже

[1] Козьма Индикоплов — греческий писатель VI века. Его книга — нечто вроде физической географии, согласованной с церковным писанием, была известна на Руси примерно с XIV века.

не может удовлетворить дедовский обычай искать отклик на свои думы в темных вещаниях церковной книги, в сомнительных аналогиях между библейскими пророчествами и окружающей действительностью. Он обращается к своему современнику. И хотя оба они живут в одном городе — Пскове, Мунехин ищет не личной встречи, и точно так же ответ получает не устный, а письменный, целое послание, подлинное литературное произведение.

Дьяк Мунехин получал послания и от других авторов — Николая Немчина, Дмитрия Герасимова, толмача, то-есть переводчика.

В ответах Мунехину, как и в других своих произведениях, Филофей развил стройную систему взглядов на Русское государство, с которой мы вкратце ознакомимся, не останавливаясь на тех посланиях, где Филофей заступается за людей, притесняемых боярами и страдающих от царских чиновников после покорения Пскова.

Присоединение Пскова к Московскому княжеству вызвало бедствия местного населения; простые и бедные люди пострадали гораздо сильнее, чем господствующая верхушка, которой как раз наиболее невыгодно было объединение с Москвой и которая всеми силами противилась ему. Филофей стремится своими посланиями облегчить участь страдающих соотечественников, но в то же время, ясно понимая необходимость присоединения Пскова к Москве, поддерживает политику московского князя. Больше того, он с большой силой убеждения пропагандирует идею создания могущественного Русского государства. Филофей одобряет объединительную политику московского князя, понимая или во всяком случае угадывая смысл и значение этого процесса и его положительные следствия.

И он развивает свои взгляды в стройную теорию, ценность которой в том, что она не только поддержива-

ла действия московского князя в данный момент, но поставила перед ним и перед всей страной определенную цель, к осуществлению которой призывала. Эта идея созрела в результате вдумчивого изучения автором окружавшей действительности. Но, для того чтобы ее развить и литературно оформить, Филофею необходимо было обратиться к каким-то литературным традициям, опереться на известные уже литературные источники. Личный авторитет писателя, развивающего передовую мысль, в то время не мог еще быть достаточным по тому уровню, на каком находилась новая литература. Считаясь с особым взглядом на церковную литературу, который существовал, автору приходилось подкреплять свои мысли не столько собственными доводами, сколько авторитетом церковной литературы.

Такую опору Филофей и нашел в легенде о золотом веке. Корни этой легенды уходят в глубокую древность. Издавна люди мечтали о золотом веке на земле. Со временем легенда приобрела церковную окраску. Христианство перенесло золотой век с земли на небо. Содержание и дальнейшие видоизменения легенды нам известны. Филофей, подхватив эту легенду, придал ей практический смысл, превратил в идеологическое орудие и ясно сформулировал очередные задачи государственного строительства.

Впервые выразил Филофей эту идею еще в послании к московскому великому князю Василию Ивановичу, отцу Ивана IV; затем снова проводил ее в послании к Ивану Грозному. Ссылаясь на легенду о третьем Риме, Филофей в своих посланиях указывает царю его назначение — содействовать превращению Русского государства в третий Рим, то-есть укреплять государство. Филофей развивает ту же мысль и в других своих произведениях, в посланиях к другим адресатам, например, Мунехину, которому писал: «Малые некие слова изре-

чем о нынешнем царствовании государя нашего, который во всей поднебесной единственный христианам царь, и о вселенской церкви, которая вместо Рима и Константинополя в богоспасаемом городе Москве. Знай, что все христианские царства пришли в конец и сошлись во единое царство нашего государя. По пророческим книгам это есть Российское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Эту идею Филофей настойчиво повторял и внушал великому князю Василию Ивановичу в своих посланиях. Он обращался к нему с такими словами:

«Молю тя и паки премолю, внимай господа ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство, по сем чаем царства, ему же несть конца...»

Характерно, что, именно исходя из этой теории, Филофей требует от царя заботы о подданных, наведения порядка в стране, в управлении: «Утеши плачущих и вопиющих день и нощь, избави обидимых из рук обидящих... Да аще добро устроиши свое царство, будеши сын света... яко же выше писах ти и ныне глаголю; блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инем не останется».

Столицей Русского государства должна быть, по мысли Филофея, Москва. Великий князь московский один во всей Руси должен обладать полнотой государственной власти, не деля ее ни с кем из бывших удельных князей. Московский князь — единый царь всей страны.

Превращение старинной легенды в государственную теорию определялось, конечно, не ее религиозной оболочкой, а насущными задачами роста и укрепления Русского государства. В новом истолковании старой легенды московскими книжными людьми нашли выражение

глубокая любовь к своей родине, вера в нее, желание видеть ее могущественной, стремление именно для этой цели упрочить Русское государство.

Эти идеи рождены были самими условиями русской действительности XV—XVI веков. Естественно, что новые идеи не могли быть творением одного писателя, — они владели умами передовых русских людей, они существовали еще до Филофея, но он первый выразил их наиболее полно и ярко, развил в стройную систему.

Существовал и ряд других произведений, опиравшихся на идею о третьем Риме. Так, для обоснования притязаний московского князя на звание царя-самодержца, стали выводить его род из древних императорских фамилий.

«Сказание о князех Владимирских» доказывало, что московские цари ведут свой род от римских императоров. Различные варианты сказания о граде Вавилоне описывали, как царские регалии (бармы, венец и т. д.) перешли после падения этой мировой державы к греческим императорам, а от них к русским царям. Из произведений того же рода известны также «Послание Спиридона-Саввы», «Повесть о белом клобуке», написанная уже упоминавшимся Дмитрием Герасимовым. Эта повесть объясняла, откуда взялся белый клобук, который носили высшие сановники церкви. Белый клобук якобы послан был греческим императором в Рим, а оттуда попал в Новгород.

Разумеется, повесть от начала до конца является выдумкой автора, но в основе ее опять-таки лежит стремление к возвеличению Русского государства, наследующего былое могущество предшествовавших мировых держав.

Некоторые из этих произведений возникли еще до Филофея, другие были современны ему. Широкая пропаганда их, особенно поддерживаемая при Иване Грозном,

отразилась в русских народных песнях, приуроченных именно к царствованию Ивана IV:

> Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
> «Есть чем царю мне похвастати!
> Я повынес царенье из Царя-града,
> Царскую порфиру на себя одел,
> Царский костыль себе в руки взял
> И повыведу измену с каменной Москвы».

Но все такие повести и сказания опирались на якобы историческое прошлое пока единственно для того, чтобы оправдать притязания московских князей на самодержавную власть.

И только Филофей пошел гораздо дальше, сумел построить из их смутных предпосылок стройную теорию о могуществе, о великом будущем Русского государства и вытекающих отсюда уже не одних правах, но и обязанностях московских царей.

Взгляд Филофея на назначение России определял его отношение и ко всякому отдельному историческому явлению, сводил все вопросы в единую, стройную (с точки зрения его теории) систему. Так, например, он решительно выступил против распространенного в то время увлечения астрологией, утверждая, что астрологи-звездочетцы лгут, будто от звезд и изменений в их расположении может зависеть и меняться судьба людей и государств. Он написал специальное послание к дьяку Мунехину против звездочетцев, в котором нелепость астрологии доказывал именно на основании своих общих воззрений. Если бы звездочетцы были правы, то будущее России находилось бы в зависимости от каких-то явлений на небе, от составляемых астрологами изменчивых гороскопов. Между тем, судьба и назначение России ясны и известны: Москва — третий Рим стоит, а четвертому не быти. Никакие звезды не могут этого изменить: «А звезды... не помогут ничем; ни придадут,

ни уймут». Значит, астрологи-звездочетцы просто обманывают, дурачат доверчивых людей. Надо иметь в виду, на каком невысоком еще уровне была тогда наука, вспомнить, как верили астрологам даже московские цари, чтобы оценить по достоинству высказанные Филофеем мысли.

Литературная деятельность Филофея протекала в годы княжения Василия и захватила начало царствования Ивана IV.

Основные взгляды Филофея нашли свое отражение в ряде произведений того времени; мы встречаем их в официальных актах московского правительства, обнаруживаем в ряде документов, рукописей. Так, рукопись хронографа (летописи), переписанного, а в известной части и сочиненного в начале XVI века неизвестным русским автором, заканчивается послесловием:

«Так вот все благочестивые царства: греческое, васильское и аранаское и многие иные — грехов ради наших по божьему попущению безбожные турки пленили, и в запустение привели, и покорили под свою власть. Наша же российская земля растет, младеет и возвышается. Ей же дай бог расти и младети и расширятися до окончания века».

Теперь легенда совершенно теряет свой церковный и мистический характер. «Окончание века» здесь уже не центр тяжести всей легенды, как было прежде, а ходячая фраза, трафарет, как и слова «дай бог», синоним понятия — всегда, вечно. Патриотизм, любовь к родине не прячутся более за рассуждениями о православной церкви. Автор прямо делится своей радостью и гордостью: «Наша же российская земля растет, младеет и возвышается».

С чувством такта и собственного достоинства заканчивает автор свою летопись прекрасным художественным образом:

«Достоит же убо здесь корабль разума управити ко пристанищу безмолвия, и словес весла свесити. И всяк, прочитаяй сие, полезным да ревнует».

Из теории о третьем Риме, о настоящем и будущем величии Русского государства вытекала необходимость определить и развить задачи государственного устройства, управления, отношений царской власти к подданным и т. д.

Сам Филофей этого еще почти не сделал и не мог сделать. Но эти идеи были блестяще развиты другими публицистами XVI века, выступившими после него, Иваном Пересветовым и Максимом Греком.

Биография Ивана Пересветова разительно отличается от известных уже нам биографий Вассиана Косого и Филофея.

Иван Пересветов — выходец из Литвы, хотя по происхождению, очевидно, русский,—настоящий «пройди-свет», успевший до появления в Москве служить в наемных войсках и у венгерского (угорского) короля, и у чешского, и у молдавского. Он указывает на это сам в своей челобитной Ивану Грозному: «Служил, государь, у угорского короля, у Янша, на Бузыне граде службу дворянскую, а имел на всякого коня по семи золотых на двенадцать недель, а был там три года... Да служил ческому королю Фердыналу дворянскую службу на семь коней...» Затем Пересветов очутился на службе у молдавского властителя, откуда и приехал в Россию около 1537—1538 годов. Такие переходы наемника с военной службы у одного государя на службу другому происходили самым законным порядком.

Свой приезд в Россию Иван Пересветов объяснял следующим образом: «Ехал из Угор на Волоскую землю (Молдавия) и был пять месяцев у Петра, у воеводы, у

волоского, в Сочаве. И он про тебя, государя, про великого царя благоверного, и про твое царство государево говорит на всяк день... И яз, государь, потому, слышав те речи у него, переписав, вывез к тебе, государю, служачи тебе, как тебе, государю, полюбится службишко мое...»

Приехав в Москву, Иван Пересветов предложил поставлять воинское снаряжение по виденному им в других странах и вывезенному оттуда образцу.

«Когда выехал на твое имя государево, и вывез образец той службы к тебе, к государю, и тот образец службы моей пред тобою, пред государем, клал». Это был воинский щит, так описанный Пересветовым:

«...Щиты гусарские доброго мужа косые сажени, с клеем и с кожею, с сырицею, с красками и с рожны железными; а те щиты... с македонского образца. А делать их в ветляном древе легко добре и крепко: один человек с щитом, где хочет, туды течет и на коне мчит; и в поле те щиты за города место: стрелами с ближней приметы наймет, а пищаль и с дальней приметы наймет же ручная; из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных, как з города».

Через одиннадцать лет после приезда в Москву Иван Пересветов, напоминая о необходимости подготовки к войне с казанским татарским царством, снова предлагает заказать ему триста щитов:

«...Тебе то, государь, вскоре надобе на недруги твои. А велел бы еси, государь, делати щиты на триста человек, да велел бы еси, государь, на триста коней юнацких делати щиты же, которые горазди играти смертною игрою против недруга за веру християнскую и за тебя, государя великого царя...»

Как видим, Иван Пересветов не принадлежит к вельможной знати, как князь-инок Вассиан Патрикеев, ни

к высшему духовенству, как Филофей. Он представитель служилого дворянства, живущий военной службой. Он близок уже и к тому ремесленническому слою, который становится в это время все многочисленней и все нужнее, и к которому принадлежит также Иван Федоров, человек, владеющий многими ремеслами и первый в России блестяще овладевший печатным мастерством.

В челобитной Ивану Грозному Пересветов пишет о себе: «Приезжему человеку без приказа и без бережения (то-есть без назначения на службу и без жалованья) прожити не мочно в твоем царстве». Это относилось ко всему служилому дворянству. Бояре тоже несли военную службу, но они не кормились ею. Они могли жить в своих вотчинах, ничего не делая. Служилому же человеку, чтобы прокормиться, непременно нужны были государева служба и определенное жалованье. Интересы служилого дворянства противоречили интересам боярства и монашества. Служилых дворян возмущала беззаботная, обеспеченная жизнь боярства. И в произведениях Пересветова мы находим резкие выпады против боярства.

Исходя из известной уже нам теории о могуществе и великой исторической роли Русского государства, Пересветов подробно разрабатывает свои взгляды на то, что должен делать царь, чтоб успешно решить эту историческую задачу.

Чрезвычайно резко нападая на боярство, Пересветов противопоставляет ему служилое дворянство, воинников, как он называет их. В двух челобитных Ивану IV он призывает его к борьбе против бояр и к укреплению, возвышению служилого дворянства.

Челобитные Пересветова интересно построены. Пересветов, униженно именующий себя, по обычаю века, холопом Ивана IV, конечно, не смел бы открыто поучать государя. Поэтому он прибег к остроумному приему: собственные мысли он вложил в уста бывшего своего

господаря, молдавского властителя Петра. Таким образом, в челобитной получается, что с русским царем разговаривает молдавский король, равный с равным.

Что это не более как литературный прием, видно из следующего. Пересветов передает, например, самые лестные характеристики Ивана IV, как великого и мудрого государя, которые он якобы сам слышал от молдавского властителя, между тем на деле этого не могло быть, ибо, когда Пересветов служил в Молдавии, Иван IV был еще ребенком.

Впрочем, некоторые и действительно восторженные высказывания, если не о самом Иване IV, то о Русском государстве, Пересветов мог услышать при молдавском дворе: эта небольшая страна, находившаяся под угрозой турецкого завоевания, с надеждой устремляла свои взоры к России.

Пересветов, как автор, прячется не только за спину молдавского господаря, но в духе суеверий своего века ссылается еще на волхвов и «философов», от которых якобы собственными ушами слышал предсказания великой славы Ивану IV, если только тот последует таким-то (нижеперечисляемым) мудрым их советам (на самом деле, конечно, советам самого Пересветова).

Эти «речи государьские» Иван Пересветов подает вместе с челобитной и «цитирует» их в двух своих челобитных, ярко рисующих нам взгляды этого писателя из новой, служилой среды:

«Сам воевода Петр ученый философ и доктор мудрый был, и ему служили многие люди мудрые философы и докторы. И он, государь, начитал в мудрых своих книгах с своими докторы и с философы мудрыми про твое царское прирожение по небесному знамению, что быть тебе царю великому, и покорит бог недругов твоих тебе, государю, и божьею помощью дочлися в книгах, что обладать тебе, государю, многими царствами...»

И чем больше Иван Пересветов прятался за небесные знамения и вещие прорицания, тем смелее формулировал свои взгляды. Восставая против бояр, осуждая их за то, что они приближены к царю и пользуются всякими благами не по воинским или иным заслугам, Пересветов указывает царю на необходимость заботы о воинниках, то-есть о служилом дворянстве. Пересветов не останавливается перед призывом к самым лютым казням над боярами, что, как известно, Иван IV не скоро — лет через пятнадцать, — но усердно стал выполнять.

«Изначала не хвалят мудрые философы, — пишет Пересветов, — что которые вельможи к царю приближаются не от воинской выслуги, ни от иной какой мудрости; ино про тех говорят так мудрые философы: то есть чародеи и еретики, у царя счастье отнимают и мудрость царскую, и к себе царское сердце зажигают ересью и чародейством, и воинство кротят» (то-есть мешают царю совершать воинские дела, сражаться с врагами).

Метко пустив эту стрелу, ибо царь Иван IV действительно верил в чародейство и боялся, чтобы его не околдовали. Пересветов продолжает: «И то говорит волоский воевода: таковых подобает огнем жещи и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилось; без лица им быти, что воинство у царя кротят и мысль царскую отнимают. А царю без воинства не мочно быти... воинниками царь силен и славен. Царю быти до воинников... яко отцу до детей своих, щедру. Что царская щедрость воинникам, то его и мудрость...»

Но в той же челобитной Пересветов, уже отбрасывая в сторону всякие чары и ереси, прямо указывает причину своей нелюбви к боярству:

«От богатых мудрость воинская не починается никогды... Что их много, коли у них сердца нет доброго, и смерти боятся, и не хотят умереть за веру христианскую,

...как бы им не умирать всегда. Богатый о войне не мыслит, мыслит о упокое; хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет».

В этих словах отражена ненависть служилого дворянства, выносившего на себе тяготы войны и не имевшего тех привилегий, которыми ни за что, ни про что, с точки зрения служилых дворян, пользовалось боярство. Если Пересветов к таким достаточно убедительным доводам добавляет еще обвинения в чародействе, то в этом, конечно, сказывается его век, когда политическая мысль еще только пробивалась сквозь паутину и путаницу религиозных воззрений и неразлучных с ними суеверий.

Взгляды Пересветова, несомненно, отвечали и настроениям Ивана IV.

Пересветов видел, что укрепление государства, его рост требуют упорядочения администрации. И он выступает против «кормлений», этого чрезвычайно обременительного для масс способа содержания государственных чиновников, когда в вознаграждение за службу царь сажал человека управлять городом, волостью, чинить в них суд и расправу, взимая за это деньги с населения. Легко понять, какая масса злоупотреблений возникала.

Осуждая этот порядок, по своему обычаю, от имени воеводы волоского, Пересветов пишет:

«Да и того не хвалит (волоский воевода), что особную войну на свое царство (царь) напущает: дает городы и волости держати вельможам, и вельможи от слез и от крови роду христианского богатеют нечистым собранием, и как съедут с кормлений с городов и с волостей, и в обидах присужают поля...»

«Вместо того, чтобы платить за службу кормлениями, следует поступать иначе», говорит Пересветов устами волоского воеводы.

«Таковому сильному государю годится с всего цар-

ства своего доходы к себе в казн, имати и из казны своей воинникам сердца веселити; ино казне его конца не будет и царство его не оскудеет. Который воинник мог будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру християнскую стояти, ино таковым воинникам имена возвышати и сердца им веселити и жалованья из казны своей государевой прибавляти и иным воинникам сердца возвращати, и к себе их припущати близко, и во всем им верити, и жалобы их послушати во всем, и любити их, яко отцу детей своих, и быти до них щедру...»

Насколько близка уж была литература к жизни, к государственной деятельности, видно из того, что «кормления», действительно, были отменены через несколько лет, хотя это произошло не как прямое следствие литературных выступлений. Однако литература умела уже указывать на большие вопросы государственного управления.

Иван Пересветов выступал против рабства: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: и татьба, и разбой, и обида, и всему царству оскудение великое», писал он в челобитной. Характерно, что для подкрепления этой своей мысли он обратился не к церковной книге, а к апокрифу, известному нам рассказу об адамовом рукописании дьяволу. Дьявол, дескать, «объявил себя хозяином земли», взял с Адама расписку, по которой земледелец становился рабом землевладельца, но бог, — гласил апокриф, — объявил такую расписку недействительной. Апокриф этот прекрасно отражает феодальные отношения: дьявол—это помещик, Адам—закабаленный земледелец, а царь, по мысли Пересветова, должен выполнить то, что приписал апокриф богу, — уничтожить рабство.

Тот факт, что мысль публицистов XVI века обратилась, как мы видели выше, к событиям западноевропейской жизни, в частности к падению Византии, подчеркивает

возросшее международное значение России. Русская публицистика уже задумывается над судьбами других стран, над международной политикой.

Иван Пересветов также пишет два сказания на эти темы: «Сказание о царе Константине» и «Сказание о Магмете-салтане». Пусть эти сказания еще наивны, пусть они по-религиозному, грехами и т. д. объясняют падение Византийской империи и успехи ее завоевателя — султана Магомета, важно то, что и Пересветов обращается к событиям мировой политики. Кстати, он дает не одно только религиозное объяснение: Византия пала из-за тех же знатных вельмож, которые не хотели нести бремя ратных подвигов и вместо борьбы с внешним врагом роскошествовали, вели ленивую, праздную жизнь, всякими неправедными путями добывая средства для нее притеснением народа. А «Магмет-салтан» победил потому, что заботился о своем воинстве, неправедных вельмож преследовал, установил в своей стране порядок и правду.

Здесь Иван Пересветов договаривается даже до утверждений, противоречивших взглядам официальной церкви. В то время, как церковная догма гласила, что только вера может вести ко всем остальным добродетелям, а неверный не может быть ни добродетельным, ни служить образцом поведения, ни надеяться на божью помощь, Пересветов прямо противопоставляет греческим (а на самом деле и русским) вельможам поведение неверного «Магмет салтана» и открыто говорит, что за мудрость султана, за установленную им правду в стране бог помог султану. В другом случае, в челобитной, Иван Пересветов категорически заявляет: «Не веру бог любит, но правду».

«Нno у него (у волоского воеводы) служил москвитин Васька Мерцалов, и он того воспрашивал: «Ты гораздо знаешь про то царство Московское, скажи мне подлинно,

есть ли в том царстве правда?» И он стал сказывати Петру, волоскому воеводе: «Вера, государь, хрестиянская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет». И к тому Петр-воевода заплакал и рек так: «Коли правды нет, то всего нет...»

Чтоб высказать такой взгляд, коренным образом противоречащий официальной церковной точке зрения, нужна была смелость и глубокая убежденность. Эти слова, направленные против церкви и бояр, в то же время поддерживали царя в его начинаниях. Указание об отсутствии правды Иван Пересветов относил к малолетству Ивана IV, к периоду господства бояр у трона. Иван Грозный, возмужав, исправит беззакония боярства. Эту мысль Пересветов высказывает как прямое продолжение своего повествования. Так, воевода Петр добавил:

«Ино ныне пишут мудрые философы и докторы о благоверном цари великом князи Иван Васильевиче всея Русии, что он будет мудр и введет правду в свое царство...»

Характерно, что Иван IV впоследствии в официальных государственных актах называет себя «царем правды».

Творения Пересветова стояли так близко к жизни, что в ряде случаев предвосхищали действительно проводившиеся Иваном IV мероприятия. Например, Пересветов настойчиво предлагал царю итти на Казань и на необходимость ее завоевания указывал еще до известных казанских походов Ивана IV. Точно так же Пересветов своими резкими нападками на боярство предвосхитил борьбу Ивана IV с боярами. Это обстоятельство заставило некоторых историков даже усомниться в том, когда и кем были написаны эти произведения. Карамзин, например, был убежден, что здесь имеет место тонкая мистификация. Он утверждал, что произведения, приписываемые Пересветову, написаны кем то на несколько

десятков лет позже, уже после того, как Иван IV взял Казань и ввел опричину.

Однако позднейшие исследования показали, что автобиографические данные, приведенные Пересветовым в двух его челобитных, соответствуют действительности, что, таким образом, он выступил в качестве писателя именно в первые годы царствования Ивана IV и предлагал в своих произведениях мероприятия, которые не до, а после того нашли свое отражение в государственной деятельности царя.

Но нужно сделать другое замечание. Переписчики произведений Ивана Пересветова стали вносить в них свои изменения. Так, известная мысль Пересветова о том, что правда выше веры, в некоторых рукописях перевернута совершенно наизнанку. В одной из рукописей Петр-воевода уже говорит так: «Если в Московском государстве правды и нет, но вера есть, то верой упросят у бога милости». Здесь явно видна позднейшая попытка переписчика, настроенного более религиозно, чем Пересветов, исправить его. На примере Пересветова мы видим, как рукописный способ производства книги стал извращать авторов, обезличивать их, приписывать им совершенно противоположную точку зрения. В отношении к таким резко выраженным индивидуальностям, как писатели XVI века, это было совершенно нетерпимо.

Развивая свои взгляды в ряде произведений, Пересветов пользуется разнообразной литературной формой. В одних произведениях его взгляды выражены почти в беллетристической форме, в других — гораздо больше проглядывает публицистическая направленность. Во всех его произведениях религиозный мотив играет гораздо меньшую роль. Это уже в значительной мере светские злободневные сочинения. Язык их также отличается гораздо меньшей книжностью, большей близостью к разговорному; он понятнее и энергичнее не только по содер-

жанию, но и по выбору слов, по смелым и даже резким выражениям. Пересветов — полемист, публицист, а не келейный начетчик и книжник.

Он обратился к перу, почувствовав его возросшую силу. Характерно, что и в своих произведениях он неоднократно подчеркивает значение книги: благодаря внимательному изучению захваченных в побежденной Греции книг, «Магмет-салтан» становится мудрым правителем. Эту мысль Пересветов развил в «Сказании о книгах»:

«...Прииде Магмет-салтан, царь турецкий, с силою великою во Царьград; повеле царь Магмет-салтан у патриарха Анастасия книги греческие взяти все и повеле книги християнские списати по турскии слово в слово...»

Далее «сказание» повествовало о том, как внимательно перечел все книги «Магмет-салтан», какое огромное впечатление произвели они на него, как мудро стал он по ним государством править и как сам по ним жить начал.

«...И ничего из казны своея царския во уста своя не имал: что сам сделает да пошлет продати, да на то себе есть велит купить. А рек тако: «Исполняю заповедь божию. Господь приказал отцу нашему Адаму первому поту чела своего уживати».

«Сказание» торжественно заключало:

«А все-то Магмет-салтан, турский царь, снял образец жития света сего со християнских книг».

Подобные произведения не могли не оказывать своего влияния на Ивана IV. У него и самого была богатая библиотека. Он усердно читал книги и, конечно, заметил, что во многих из них говорится про великие государства и что они учат повиноваться царю, прославляют его власть. Это должно было наталкивать на мысль о том, чтобы и у себя воспитывать подданных на чтении таких книг.

Иван Пересветов признает эту силу не только за книгой церковной, но и за книгой неправильной, с его точки

Максим Грек (изображение в рукописи XVI века).

зрения. Поэтому книгой у него пользуются и противники: они пишут сочинения в своих корыстных целях. В «Сказании о царе Константине» такие книги играют огромную роль. Сам царь Константин родился храбрым и счастливым воином. Это страшило его вельмож, и они решили укротить его сердце. Что же они сделали? «...Умыслили книги написати от бога (то-есть тоже якобы священные) с великою клятвою, что не достоит царю християнскому на иноплеменники ходити воевати... Так написали вельможи для своего упокою: если царь християнский отведет воя своя на иноплеменники и тамо кровь пролиет, и та кровь на нем взищется. И те книги пред царя

положили. Царь же книги прочел, да и укротел». В результате «Магмет-салтан» царство греческое и победил.

Чтобы приписать такую силу книге, нужно было наблюдать ее возросшую роль в окружающей среде, понять, что книги могут быть различных направлений, служить различным лагерям, бить оружием в их борьбе.

Еще более выдающейся личностью был Максим Грек, крупный ученый, европейски образованный писатель. С его именем уже непосредственно связано возникновение книгопечатания в России.

Максим Грек родился около 1470 года. Он учился сначала на родине в Греции, а затем в Италии. Здесь юношей он попал в кружок видного деятеля эпохи Возрождения — типографа Альда Мануция (1449—1515). Об этом своем друге и учителе Максим Грек вспоминал с чувством любви и живейшей благодарности.

И действительно, Альд Мануций был подлинным представителем эпохи Возрождения. Прибыв в Венецию, чтоб открыть школу древних языков, он увлекся успехами книгопечатания и основал типографию. Своей типографской и издательской деятельностью Альд Мануций стяжал себе мировую бессмертную славу. Он издал целую библиотеку древних писателей, сделав их, таким образом, достоянием общества, сбрасывавшего цепи средневековья, церковной схоластики. Типографское искусство он поднял на высоту, невиданную до него. Он ввел новые, изящные шрифты, и достаточно сказать, что они употребляются доныне под названием альдине. Хорошо известный всем наклонный шрифт — курсив — также введен Альдом. Всего он издал сто пятьдесят три книги, преимущественно древних греческих и римских классиков. Сначала он создает книги, которые по красоте и роскоши являются шедеврами печатного искусства, но

вскоре ставит перед собой другую задачу: дать читателю целую библиотеку книг дешевых, но вместе с тем изящно оформленных и тщательно отредактированных. С этой целью он собирает вокруг себя до тридцати ученых, образующих так называемую Aldi Neaacademia. Сам Альд Мануций также был человеком ученым; он оставил ряд сочинений по древней филологии. Альд Мануций отлил мелкие шрифты для своих изданий. Кроме того, вместо принятых до него громоздких фолиантов, взял новый удобный размер книги в восьмую листа, обычный в наше время.

С таким выдающимся деятелем эпохи Возрождения и сблизился Максим Грек.

О своем знакомстве с Альдом Мануцием Максим Грек впоследствии писал: «В Венеции был некий философ, весьма искусный, имя ему Алдус, а прозвище Мануциус, родом итальянец, отечеством римлянин, древнего римского рода, большой знаток греческого и римского языка и литературы. Я его знал в Венеции и к нему часто хаживал по книжным делам...»

«Тот Алдус Мануциус по своей мудрости замыслил премудрое дело», говорит Максим Грек, имея в виду издание Альдом Мануцием древних рукописей.

В Италию Максим Грек приехал, по его собственным словам, весьма юным и провел там «лета довольна», «многие различные писания прочитал», причем не только обязательные по тому времени религиозные книги, но и научные, «внешних философов», как тогда выражались. Изучив различные писания, изложенные «внешними мудрецами», Максим Грек «довольно душевную пользу оттуда приобрел».

Главным предметом изучения в тогдашней Италии были языки, грамматика, филология. Наука о языке именно в то время показала свое могущество и поражала умы современников. Ведь методом филологической критики

гуманист Лоренцо Валла в XV веке доказал подложность знаменитого документа о «Константиновом даре», документа, на котором папство в течение всего средневековья основывало свои политические притязания.

Филологическое образование получил и Максим Грек, ученик знаменитых итальянских филологов.

Затем он вернулся в Грецию, а оттуда вскоре, по приглашению царя Василия, прибыл в Москву.

Максим Грек был приглашен специально для переводов греческих книг на русский язык. Царь показал ему свою библиотеку, которая привела в восторг филолога. В библиотеке оказались редчайшие греческие рукописи; некоторые из них были неизвестны даже на родине Максима Грека. Он составил опись библиотеки, а затем занялся переводом книг.

Максим Грек быстро вошел в круг интересов русской жизни. Вначале он надеялся вернуться по выполнении своей миссии в Грецию, но это не удалось — его не отпустили из России, и он дожил здесь до глубокой старости (умер в возрасте свыше 80 лет). Россия стала его второй родиной.

Максим Грек не удовлетворился деятельностью переводчика. Вскоре он выступил и как писатель, включившись в литературную дискуссию о монастырском землевладении.

Став вместе с Вассианом Патрикеевым на сторону нестяжателей, он подвергся гонениям и должен был предстать перед собором. Ему предъявили много обвинений, в том числе и обвинение в неправильном переводе книг.

На самом деле Максим Грек поставил перевод книг на научную по тому времени основу. Хваля ученость Максима Грека, один из его помощников писал: «А прежние переводчики нашего языка хорошо не знали, и они переводили иное по-гречески, другое по-словенски, иное по-

сербски, а иное по-болгарски, что не в состоянии были передать».

Максим Грек подходил к своей задаче чрезвычайно добросовестно и, не доверяя в первые годы пребывания в России своему знанию русского языка, создал целую группу переводчиков. Если в его переводе и были ошибки, то весьма незначительные, он их сам признавал и откровенно объяснял подлинную их причину: либо случайный недосмотр, либо... чрезмерные винные возлияния.

Это наивное свидетельство откровенно рисует быт эпохи.

Но признания Максима Грека и его просьбы о снисхождении к человеческой слабости не помогли, ибо дело было вовсе не в описках, а в его позиции нестяжателя. Противники его, иосифляне (последователи Иосифа Волоцкого), собравшиеся на собор, осудили его вместе с Вассианом. Максима Грека сослали в заточение в Волоколамский монастырь — оплот иосифлян, где ему пришлось немало вытерпеть от своих противников. В течение двадцати восьми лет его переводили из одной монастырской тюрьмы в другую. Митрополит Макарий писал ему: «Узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Лишь под конец жизни, дряхлым и больным семидесятитрехлетним стариком, Максим Грек, по настоянию своих друзей, близких к Ивану IV, был освобожден из заточения и переведен в Троице-Сергиевский монастырь, неподалеку от Москвы.

Максим Грек и в заточении не переставал высказывать свои взгляды. Много разнообразных по теме произведений принадлежит его перу.

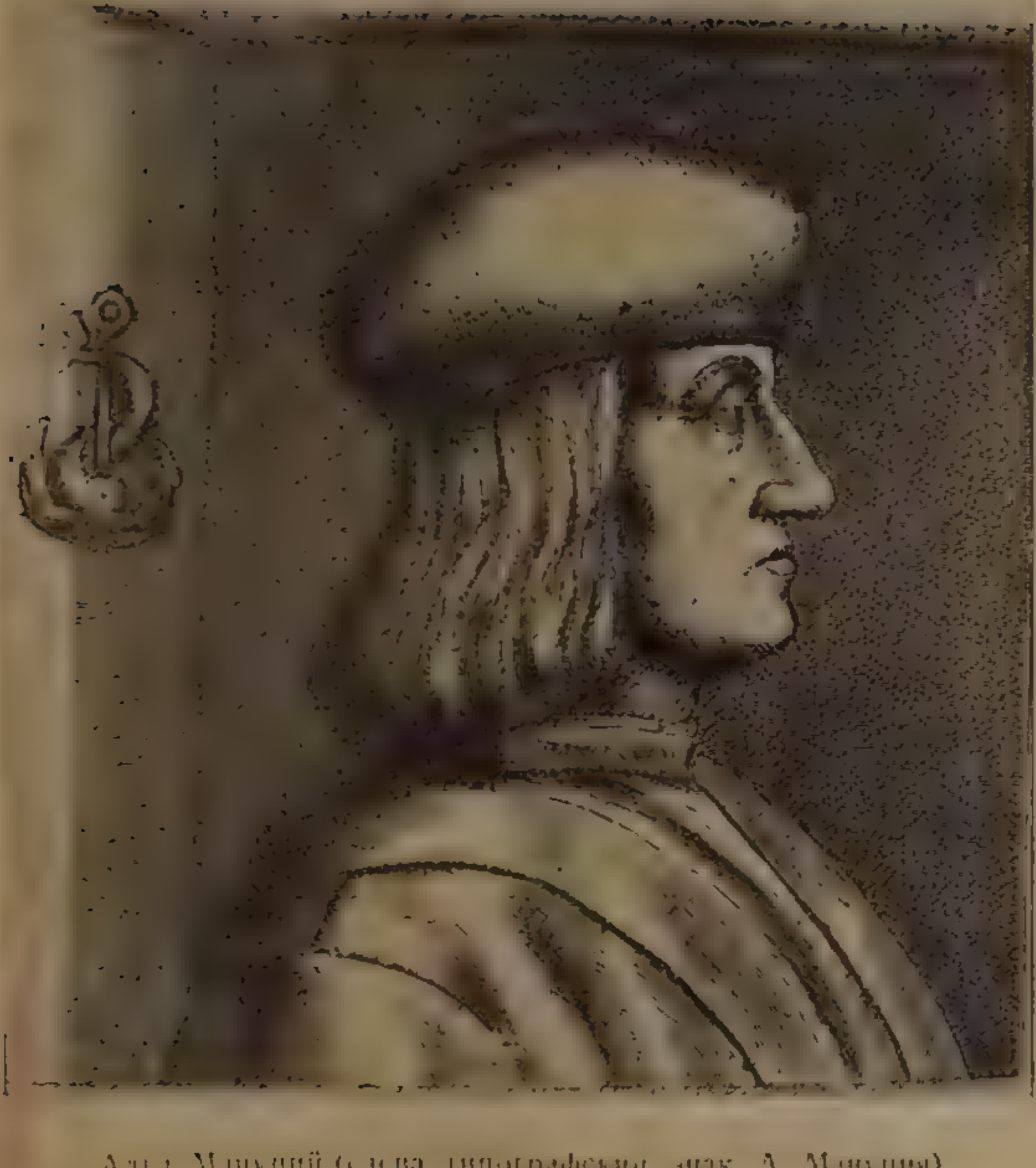
Его писания против монастырского землевладения, как и писания Вассиана, дают яркую реалистическую картину угнетения крестьянства. Он резко выступил против самых разнообразных форм эксплоатации крестьянской массы монастырями.

Монахи, писал Максим Грек, притесняют нищих поселян «лихвами губительными», налогами, процентами, которые в буквальном смысле слова выколачивают из народа: «Бичи их истязуют за лютых сребра резоиманий». Тех, кто не может расплатиться с долгами, монахи записывают в рабство, либо отнимают все имущество и выгоняют из села с пустыми руками. Если кто из крестьян изнемог под тяжестью вымогаемых монастырями трудов и хочет переселиться, его не отпускают, пока не уплатит оброка (обычно, непосильного для него), хотя он и без того слишком много потрудился на монахов.

Эти обличения Максима Грека выражены в такой яркой и страстной форме: «...Аще кто за последнюю нищету не может дати готовый рост (то есть процент) в приидущий год, оле бесчеловечия! Другий рост истязуем от него, и аще не могут отдати, разграбим стяжанища их и от своих сел гоним руками тощими... К сим же, аще кто из них изнемог тяжестию налагаемых им беспрестани от нас трудов же и делании, восхощет инде негде переселитися, не отпущаем его, увы, аще не положит уставленный оброк; о нем же толика лет жил есть в нашем селе, бесчисленных трудов и потов и страданий его, их же положил в наших потребных служениях, забывше время бедного его жития, еще в селах наших зело бесчеловечне предаем...»

Максим Грек описал ужасные лишения крестьян: «В скудности и нищете всегда пребывают... ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многажды же и без соли от последния нищеты».

Тяжелое положение угнетенного крестьянства Максим Грек противопоставляет корыстолюбию монахов, их погоне за богатствами, чревоугодию и развратной жизни. Подобно Вассиану Косому, он разоблачает беззаконное, всякими неправдами, подкупом судей и прямым насилием производимое присвоение крестьянских земель, спекуля-

Альд Мануций (слева типографский знак А. Мануция).

С современной гравюры.

нию хлебом, огромные запасы которого монахи не выпускают на рынок, пока не наступит голод — тогда они будут продавать хлеб по высокой цене.

Разоблачения били не только по монастырям, вотчинам которых завидовали и боярство и служилое дворянство, но вообще по феодальному строю. Неудивительно, что они вызвали такую ярость среди церковников и что сам царь Василий, которому нападки на монастырское землевладение были выгодны, в этом случае стал на сторону церковников.

Максим Грек, как литератор, выступил не только в споре нестяжателей со сторонниками монастырского землевладения. Он откликнулся на все вопросы, волновавшие тогдашнее общество.

Он развил теорию об особом значении России, о роли царской власти. Максим Грек не просто поддерживал политику русских государей, но с большой эрудицией в специальных произведениях исторически обосновал правильность их объединительной политики. Он обращался с посланиями к Василию, большое влияние имел на молодого царя Ивана IV. Некоторые свои произведения он специально предназначал для него. Еще при Василии через несколько лет облегчена была участь Максима Грека: с него были сняты оковы, предоставлена возможность писать. Иван IV освобождает его из заточения.

В произведениях Максима Грека мы находим немало передовых для его времени мыслей. Он говорит не только о правах, но и об обязанностях царской власти. Так, он требует от царя заботы о подданных, введения праведного суда, подкрепляя свою мысль изображением злоупотреблений и злодеяний, творившихся тогдашней администрацией.

Идеи Максима Грека и других публицистов XVI века в этой области нашли свое претворение в «Судебнике» Ивана IV.

Максим Грек в своих произведениях подчеркивал и ту мысль, что задача царской власти — оборона государства от внешних врагов и устройство мирной жизни. Поэтому Максим Грек считал очень важной для государства заботу о военных делах. Это необходимо и для обеспечения мира, подчеркивал Максим Грек: с сильной военной державой все соседи желают жить в мире. Военных людей Максим Грек ставил рядом с боярством в качестве советчиков и помощников царя. Как видим, он не относится к боярам с такой непримиримой ненавистью, как Иван Пересветов, но Максим Грек подымается над уровнем интересов боярства, он осознает растущее значение служилого дворянства и в его интересах призывает царя заботиться о воинстве.

Уже в первые годы пребывания в Москве, в 1521 году, Максим Грек в послании к Василию звал его к войне против Казанского царства; он указывал, что Россия обладает всем необходимым для победы над своими врагами, нужна только воля к борьбе.

«Вся нам богатая и обильна... дарована суть потребная в ратное дело и ничем же лишаемся, усердия токмо требуем и бодрости. Сия же у нас суть, аще хощем. . Нападем на христианоубийц града Казани; не истеряем делании время в неплюдных деяниях. Немощно мужам спящим и возлежащим победы воздвигнути».

Характерно, что для подкрепления своего призыва к войне против Казанского царства Максим Грек прибегает к ссылке не только на религиозные книги, но и на «внешних философов»: «Глаголаша бо и некии от внешних философ ко единому царю: «Сребряными копии ратуй, и вся победиши».

Точно так же он опирается на историю древних войн, чтобы призвать царя к заботе о воинстве. Он указывает, что, предпринимая войну, царь должен «воскрылить дух» войска поощрениями (дарами) и возбудить мужество

вдохновляющим обращением, призывом к воинску: «Воскрылим наших мнозих и добрых сущих царскими дарованиям и зострим (ободрим) их благими словесами и подвизательными, каковыми великий в царях Ираклий, на Перьсыду устремився, изострил есть своих».

Чрезвычайно любопытно и то, как объясняет Максим Грек назначение этого своего послания: он надеется, что может «советовати, что полезно обществу и времени пристоящее».

Впервые мы встречаем в русской литературе столь определенное упоминание о пользе общества и требовании времени.

Максим Грек был плодовитый и очень разносторонний писатель. Отметим особо его роль в постановке вопросов русской грамматики, которые, как мы видели, приобрели уже такое большое значение.

Русские книжные люди все еще руководствовались грамматикой, переведенной с греческого языка на славянский в Болгарии в X веке.

Грамматика была переведена с греческого буквально только примеры к каждому правилу и термину подбирались славянские, поэтому система грамматики была чисто греческая, несвойственная строю русского языка. Это чувствовал сам переводчик. Так, например, говоря о спряжении глаголов, он в соответствии с греческой грамматикой, знающей несколько прошедших времен, пишет, что прошедшее время («предибывшее») делится на: «протяженое, пределное, предидеемое, предлежимое». Для первых двух форм, которым в известной мере соответствуют многократный и однократный виды глагола в русском языке, он еще нашел примеры, но относительно остальных двух форм сам вынужден был признать: «Две же прочие языку неприятны».

Несомненно, наличие грамматики играло большую положительную роль. Она определила восемь частей речи, в

связи с чем ее назвали «осмичастною», некоторые термины — причастие, местоимение, предлог, наречие, союз — сохранились и в нашей грамматике. Но стремление перенести греческий учебник на чужую почву без изменений привело к тому, что в нем оказалось много нелепых вещей. Так, грамматика гласила, что имена существительные делятся на общие и собственные, и примеры давала такие: для мужского рода — «в мужском имени всему естеству обще имя — человек, собственное же составом: Петр; в женском обще имя жена, собственное — Анна». но «...в среднем имени обще имя — существо, собственное — небо, железо».

Можно себе представить, как трудно было усвоить такую грамматику, не столько — заучить ее, сколько применять на практике.

Когда Максим Грек, прибыв в Россию, занялся переводом книг, перед ним встала задача определить для себя и для своих помощников грамматические приемы в столь серьезном и щекотливом в его положении деле.

Соблюдая точную верность греческому тексту, он вместе с тем старался сделать перевод удобопонятным. Для этого Максим Грек стремится приблизить язык переводимой книги к общенародному — в грамматических формах и выборе слов. То, что он делал это в «духовной книге» — псалтыри, не умаляет большого прогрессивного значения его деятельности с точки зрения развития русского литературного языка. Нужно учесть, что псалтырь была не только богослужебной книгой; по ней учились грамоте, ее читали в дороге и т. д. Грамматические и языковые улучшения и нововведения, сделанные им в переводах, переходили в жизнь, в практику писателей того времени.

Обнаружив, что на русском языке имеется одна только очень старинная грамматика, и столкнувшись с возросшим значением грамматики в связи с развитием письменности,

Максим Грек, глубокий знаток филологии, составил несколько работ, посвященных грамматике. Они должны были дать некоторые постоянные правила для его помощников, а также воспрепятствовать дальнейшему разнобою и искажению книг при переводах и переписке.

В своих работах он, во-первых, подчеркнул значение грамматики, во-вторых, изложил грамматические правила и, наконец, дал образцы, как ими пользоваться.

Значение грамматики Максим Грек видит в том, что она является оружием против невежества, средством к познанию мира, действительности. Таким образом, он приписывает ей функции философии. Действительно, по взглядам его времени, грамматика как наука составляла часть философии, или, как он сам выразился, «грамматикия... есть начало входа к философии...»

Объяснял он это следующим образом: «Грамматикия есть начало и конец всякому любомудрию...»; тот, кто прилежно ее изучает, «благоумнейшая все собирает»; тот, кто ею владеет, никогда не погрешает «в разуме ее глаголаний», «о сей познавается устав нашего естества», «сия ражает души неисследная благоразумения»; с помощью грамматики от любящих ее прогоняется «всякое мраковидное неразумие». Больше того, Максим Грек видит в грамматике и оружие идеологической борьбы: «Сия копие и меч на чужеименное еретичество».

Перечислив все достоинства грамматики, Максим Грек заключает:

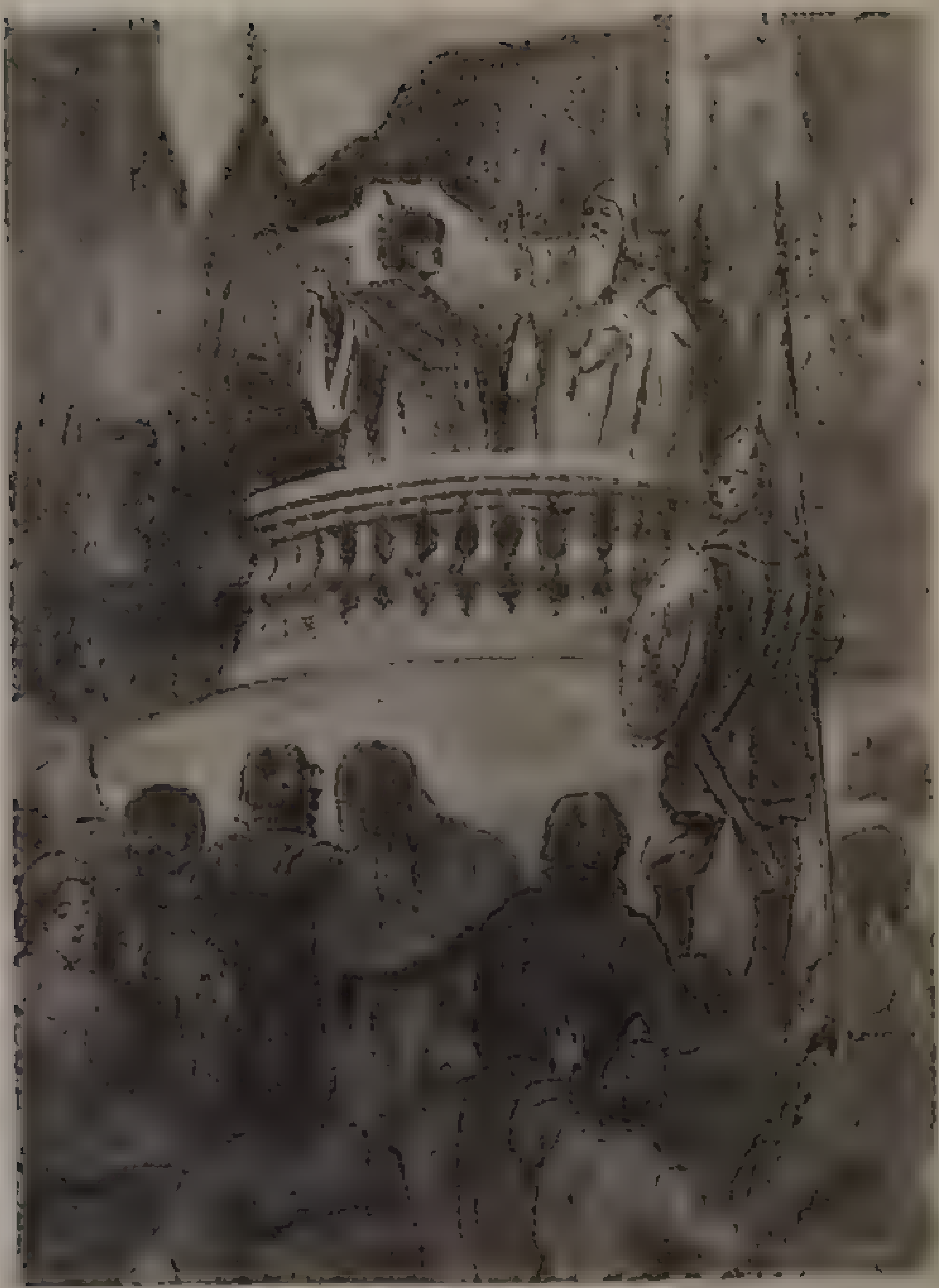
«Вкупе реку: сия зерцало пресветлейшее всяческим, еже в нас и в наших всех... Велика бо и преславна вещь и дивна ми бывает и слышанием, коль же паче тоя разумением».

Этот гимн грамматике, гимн изучению родного языка должен был оказать большое влияние на современников. Издание первопечатных книг шло под знаком именно такого внимания к грамматике, проведения стройной грамматической системы в первопечатных текстах.

Царь Иван IV.

С портрета из «Титулярника» 1672 г.

Семнадцатилетний Иван IV произносит речь перед народом с Лобного места. Красная площадь. 1547 г.

С рисунка Шарлеманя.

В свое изложение грамматических правил Максим Грек положил уже известное учение о восьми частях речи, но внес некоторые изменения. Он дал другие названия частям речи, ввел новый падеж — сказательный. Дав пример грамматического разбора двух текстов, он предлагает так же разбирать и каждое произведение. Он говорит: «Поскольку дано уму человеческому рассуждать и языку глаголати, частями сими осмью разводи и родами разбирай, и начертания объявляй, и падежи узнавай, и склонения не забывай, и залоги и времена рассуждай, и качества расписывай с любомудрым тщанием, аще хощеши известно ведати осмочастный разум; вне бо сих ничтоже есть и немощно слова изъяснити без сих...» При этом он советует подвергать такому разбору не только «божественные писания», но и «внешних беседований словеса». Такое отношение к светской литературе, несомненно, было передовым для того времени.

Максим Грек еще не составил русской грамматики в настоящем смысле этого слова, но своей деятельностью в этой области облегчил труд позднейших составителей грамматики. Его мысли о грамматике еще долго пользовались уважением и изучались в России.

Он оставил на случай своей смерти наставление о том, как проверить грамотность переводчика. Это наставление интересно, между прочим, тем, что свидетельствует о наличии большого количества людей, занимавшихся книжным делом, как профессией. По распространенности Максим Грек ставит этот тип людей рядом с купцами и ремесленниками: «Мнози обходят грады и земли, овы (иные) убо куплею, овы же художеством всяким и ремеслом, инии же и книжным искусством или греческим или латинским... И овы убо совершени суть, овы же исполу, инии же и отнюдь не вкусивше художного ведения книжного, рекше грамматикийского и риторского и прочих чудных учительств еллинских, обаче хвалят-

ся ведети вся, корыстовати желающе и кормыхатися...»

Очевидно, это была доходная профессия, если она уже привлекала и любителей легкой наживы.

Максим Грек и оставил указания «на искушение всякого хвалящегося». Если человек выдержит испытание, то, говорит Максим, «приимите его с любовию и честию и, елико время у вас жити произволяет, жалуйте его нещадно, и егда же хощет возвратитися во-свояси, отпустите его с миром, а силою не держите у себя таковых».

В этих словах звучит грусть человека, которого не отпустили на родину. Максим Грек находит убедительные доводы, чтобы показать, как нехорошо задерживать чужестранца: «Несть бо похвально, ниже праведно, но ни полезно земли вашей, якоже и Гомер глаголет премудрый, законополагая страннолюбию: лепо есть, рече, любити гостя, у нас живуща, а хотяща отъити — пустити».

Во времена Ивана IV литература и публицистика достигли поразительного блеска и положили основание дальнейшему развитию передовой русской литературы. Когда мы встречаем два века спустя в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева смелый протест против крепостного права, то слышим в нем не только отзвуки Великой французской революции, но и отголосок страстных обличений Вассиана Патрикеева и Максима Грека. И когда читаем сатирическую восточную повесть «Каиб» юного Крылова, в нашей памяти невольно перекликаются с ней повести Ивана Пересветова.

Но политическая литература не может существовать и развиваться в рукописной форме. Зародившись при письменном способе производства книги, она для своего существования и подлинного развития требует нового, более верного, скорого и массового способа распространения ее идей — печатного.

Если в Киевской Руси литература, обусловленная тогдашним уровнем экономических и общественных отношений, отражала действительность в более отвлеченной форме и именно потому могла опираться и на письменную книгу, политическая литература Московского государства с ее животрепещущим, злободневным, полемическим и публицистическим содержанием, должна была опереться на новую, книгопечатную технику. Письменное производство книги, не отвечавшее более всему духу и характеру новой литературы, должно было смениться книгопечатанием.

Неудивительно, что именно из кружка одного из крупнейших публицистов — Максима Грека, — кружка, к которому принадлежал и митрополит Макарий, вышла идея введения книгопечатания на Руси.

Вполне законно, что публицистическая литература особенно развилась при Иване IV, который завершил дело, начатое его отцом и дедом. Иван IV первый из московских государей объявил себя самодержавным царем, нанес сокрушительный удар боярству рядом экономических и законодательных мероприятий, а в борьбе с внешними врагами уничтожил таких давних врагов России, как татарское Казанское царство и Ливонский орден крестоносцев.

Иван IV и сам был знатоком и любителем книг, выдающимся оратором и писателем. Его богатейшая библиотека приводила в изумление иностранных гостей. Он видел, какое значение приобрела печатная книга на Западе, и, стремясь воспитать людей в своем государстве на книгах, прославляющих царскую власть, задумал ввести книгопечатание в Москве.

Еще в 1547 году, семнадцатилетним юношей, поручил он одному иностранцу, оказавшемуся в то время в Москве, Шлитту, пригласить из Германии в Россию большую группу ремесленников, художников, лекарей — людей,

искусных в различных областях, в том числе и книгопечатников.

Шлитт получил от Ивана IV необходимые средства, поехал в Германию и действительно завербовал больше ста двадцати охотников поехать в Россию. Среди них были четыре медика, восемь подлекарей, четыре аптекаря, восемь цырюльников, были архитекторы, каменщики, плотники, рудокопы, литейщики, а также один бумажный мастер, один переплетчик, один типографщик.

Собрав их всех в Любеке, Шлитт намеревался отплыть с ними в Россию, но иноземные купцы и дворяне не захотели этого допустить. Союз немецких купцов—Ганза, которому принадлежала власть в Любеке, арестовал Шлитта; ганзейцев поддержали и крестоносцы. Они заявили, что в Россию нельзя пускать мастеров, что Россия и так приобрела исключительную силу и влияние, не надо открывать свободный доступ в нее для западных мастеров и ремесленников, чтобы она не сделалась еще сильней и могущественней. Почти десять лет просидел Шлитт в тюрьме за свою попытку выполнить поручение Ивана IV. Спутники его рассеялись, и лишь некоторые из них добрались до Москвы.

Но если первая попытка найти книгопечатников и не дала результата, то погибнуть эта идея уже не могла; она поддерживалась самой жизнью, возросшими потребностями государства. Иван IV находит книгопечатников внутри страны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР

У кого же учились своему искусству первые русские книгопечатники? С тем же успехом можно было бы спросить, кто обучил мастерству первого портного, первого столяра и так далее.

Назревшая необходимость сама вызвала к жизни печатное мастерство.

Издавна славились своим искусством русские резчики по дереву. Тонко и чисто вырезали они самые сложные узоры. В торговых рядах уже продавались и картинки, тиснутые с таких узорных досок. Ювелирное искусство также не уступало лучшим европейским образцам. Здесь, между прочим, содержались предпосылки и для книгопечатания, ибо для начала главным было вырезать и изготовить хороший шрифт.

До нашего времени дошли рукописные книги в переплетах, сделанных еще до введения книгопечатания на Руси. Крышки этих переплетов украшены сложными штампованными орнаментами. На одном из переплє-

тов имеется даже тисненная надпись вязью. От вырезывания штампов для этих узоров и надписей можно было сделать следующий шаг к изготовлению отдельных букв.

Наконец, столетие существования печатной книги на Западе также не могло не сказаться и на Руси.

В 1552 году приезжал, например, посол датского короля с письмом к Ивану IV.

Король называл Ивана IV своим возлюбленным братом, себя объявлял ревностным лютеранином, а потом и «брата» убеждал обратиться в лютеранство [1].

«По наследственному же нашему расположению и усердию к возлюбленному брату нашему, к его народу и подданным, руководствуясь примером предков и предшественников наших, мы осмелились склонять к тому же самому и тебя, возлюбленнейший брат.

С такой целью посылаю к тебе, возлюбленный брат, искренно нами любимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с библиею и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, возлюбленный брат, митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с библиею, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык, так что сим способом можно будет в немногие годы содействовать пользе ваших церквей...»

---

[1] Письмо, доставленное Гансом Миссенгеймом, приведено в статье И. Снегирева «О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве», «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 1, 1840 г., Москва.

Христиан III был признан королем датским и норвежским в 1537 году.

Подлинный смысл такого предложения был достаточно ясен. Если бы книгопечатание оказалось в руках датчан, они бы воспользовались им для распространения своего влияния на Россию.

Сильное и самостоятельное Русское государство не могло этого допустить. Попытка короля Христиана, воспринятая как новое ухищрение еретиков, была решительно отвергнута. Ганс Миссенгейм уехал ни с чем.

Но за время своего пребывания на Московском посольском дворе Миссенгейм мог ознакомить кого-либо из москвичей с привезенными печатными книгами, а может быть, и типографскими принадлежностями. Правда, общение с иноземными послами было строго-настрого запрещено, однако запрет этот нередко нарушался.

Наконец, непосредственно сталкивался с типографским делом на Западе Максим Грек. Он имел отношение и к первым попыткам завести типографию в России. От него также могли многому научиться первые русские мастера.

В этих условиях оставалось найти талантливого мастера, который собрал бы весь прошлый опыт и приступил уже практически к созданию типографии. Такой человек нашелся. Это был Иван Федоров, дьякон одной из московских церквей. Впрочем, эту должность ему пришлось оставить, так как он овдовел — вдовым дьяконам запрещалось служить в церкви. Он остался с маленьким сыном Иваном на руках. Нужно было чем-то жить. Федоров владел ремеслом, точнее, ремеслами, ибо был мастер на все руки: и переплетчик, и столяр, а когда надо, и переписчик. Все это было очень близко к типографскому делу. Книги не выпускались тогда без переплета; переплет изготовлялся в самой типографии; столярное дело необходимо было знать для того, чтоб изготовить печатный станок, наборные кассы, всякую типографскую мебель.

Но Федоров был не простой ремесленник, а разносто-

роние образованный человек, книжник, хорошо знакомый с современной литературой.

Когда Иван IV сообщил митрополиту Макарию свой замысел, тот горячо поддержал царя.

«Сам господь внушил эту мысль», заявил Макарий. После этого всем, даже противникам книгопечатания, а их было немало, особенно среди бояр, не оставалось ничего другого, как восхвалять мудрость царя; недоброжелательного или подозрительного отношения к новой затее уже никто открыто не высказывал после того, как она была подкреплена «божественным» авторитетом.

Слова Макария очень обрадовали Ивана. Он охотно готов был поверить, что ему, царю, мысли внушает сам бог. Правда, он уже раньше неоднократно слышал от Макария и других приближенных людей настойчивые советы завести книжное печатное дело. Но то говорили простые смертные. А ему мысль эта внушена свыше.

С этого времени прошел слух, что царь затеял печатать книги в столице, да не хочет допускать к ним поганых еретиков, ищет русских людей, способных к такому делу.

В Москве стали усиленно искать мастера печатного дела, и внимание остановилось на Иване Федорове.

Он отвечал требованиям и как грамотей, и как мастер, владевший необходимым ремеслом, и, наконец, как русский человек, которому спокойней было довериться в новом и важном деле. Иностранца-еретика опасались, как бы он, печатая, не «переложил» книги на свою веру.

Федоров получил приказ строить Печатный двор в 1553 году. Ивану IV Васильевичу было двадцать три года, Ивану Федорову около тридцати.

Оба они загорелись любовью и интересом к мастерству печатных книг. Оба могли искренно верить, что только их собственная любовь к книжному делу толкала на постройку Печатного двора. И в самом деле, нельзя ума-

лять их роли. Будь на месте Ивана IV царь менее решительный и проницательный, менее способный к новшествам, менее энергичный в борьбе со старыми порядками и взглядами, уже заметно тянувшими Россию назад и ослаблявшими ее, или не найди он в Иване Федорове исключительного мастера, талантливого и преданного делу, — введение книгопечатания могло бы еще затянуться, а первые шаги его не оказались бы сразу такими успешными и блистательными.

И все-таки дело было не в Иване IV и его печатнике. Само развитие Русского государства, русской культуры, литературы и письменности вызвало к тому времени настоятельную необходимость ввести книгопечатание. Оба они, Иван IV и Иван Федоров, явились энергичными и блестящими выполнителями этой назревшей потребности, даже если они сами ее ясно и не понимали. Это ни в какой мере не умаляет их личной заслуги. Наоборот, именно поэтому в истории имена их тесно связаны с началом книгопечатания в России.

На стройке Печатного двора закипела работа. Царь не жалел средств. Нагнали плотников, каменщиков, всяких мастеров. Выраставшим деревянным хоромам мог позавидовать любой боярин. Ивану Федорову забот было по горло: следить за постройкой, бегать к мастерам, изготовлявшим по его заказу типографские принадлежности. Большую помощь оказывал ему взятый в помощники Петр Мстиславец, тоже искусный мастер.

Митрополиту Макарию присылали книги из монастырей, приносили купцы, книжники на продажу. Но не так-то легко было достать «исправные» книги.

Решили при Печатном дворе устроить «справную палату». Там исправить книгу и с правленной печатать.

Большую помощь оказывал Максим Грек. Престарелый муж сохранил ясность мысли, свежую память и душевную доброту. Его советы вытекали из собственного

большого и часто печального житейского опыта. Он вспоминал тех попов, которые преследовали его, запрещали ему исправлять устарелые и искаженные книжные переводы. Не умея вникнуть в смысл, они полагали, что всякое словесное и грамматическое исправление искажает содержание. Поэтому они запрещали менять не только смысл, но даже «речение и склад». Преступить этот запрет, хотя бы там, где он был явно нелеп, значило, как говорил Максим Грек, «подпасть грознейшим проклинаниям».

И все же Максим Грек старался пробить эту стену недоверия и поповского мракобесия. Своих учеников-переводчиков и писцов, с которыми вместе работал, он учил внимательно и осмысленно относиться к слову. Ученики любили Максима, его рассказы о Греции и Италии, о тамошних книжных людях. Это были поучительные рассказы, после которых яснее становилось, что и как надо делать.

Иван Федоров многому научился от близких к Максиму людей. Они приносили ему сочинения Максима Грека, передавали его рассказы и наставления.

Пришлось Федорову усиленно заняться и грамматикой.

На Печатном дворе уже появилось немало работников, помощников Ивана Федорова, «клевретов», как назвали их тогда по-книжному.

Вскоре на Никольской, у Гостиных рядов, недалеко от Кремля, выросли прекрасные палаты — Московский печатный двор.

Макарий выбрал, наконец, исправную рукопись. Доложили царю, что все готово. Царь велел начинать.

Стали Иван Федоров и Петр Мстиславец к наборной кассе, замелькали в их руках свинцовые буквы. Появилось на Руси новое ремесло — книгопечатное.

Радостно было на душе Федорова, спорилась работа. Клевреты бегают по Печатному двору, носят бумагу,

смачивают ее. Федоров или Мстиславец отпечатывают лист за листом, клеврет осторожно вешает оттиски на бечевку для просушки.

Федоров учил клевретов набирать, печатать. А в «справной палате» он с книжными людьми читал и перечитывал, не вкралась ли ошибка в отпечатанную страницу, да не было ли ошибки в той книге, с которой набирали. Книжным людям приходилось думать над каждым словом, над каждой буквой. Иногда их охватывало сомнение: на одной странице слово изображено так, а на другой — то же слово написано уже иначе. Как быть? Так и печатать по-разному? Это не годилось. Надо было исправить, чтобы во всей книге одно и то же слово всегда одинаково печаталось. По какому же начертанию исправлять?

Шел Иван Федоров к Макарию, докладывал ему. Не всегда и Макарий сам решал трудное дело. Начинались поиски, советы. Наконец, исправляли, и уже тогда можно было печатать везде одинаково.

В январе 1556 года, когда новая типография стала давать лишь первые свои плоды, умер Максим Грек. Федоров был глубоко опечален. Только в последние годы пришлось ему столкнуться с этим человеком, но на всю жизнь запомнил и полюбил его. Федоров знал, что Максим Грек был одним из тех, кто усиленно старался ввести в России книгопечатание, советовал это своим друзьям.

Почти целых десять лет продолжал действовать Печатный двор. Но все это была еще только предварительная работа. Иван IV был осторожен. Он требовал все новых и новых проб, добивался дальнейших улучшений. В Москве появились первые печатные книги, но, в отличие от принятых в те времена порядков, в них не было ни послесловий, ни каких бы то ни было других указаний на то, где и когда они напечатаны. Только по шриф-

ту можно догадаться, что они выходили из Московского печатного двора и именно в первые годы его деятельности.

Царь посещал типографию, сам следил за ходом работ, давал свои указания.

Так шла работа. Окончив одну книгу, начинали другую. Послесловие уже давно писалось. Макарий вместе с царем смотрели его и исправляли, но все еще не давали в печать. Велели Федорову делать работу еще лучше и тоньше. Федоров с помощниками отливали все новые шрифты, рисунки вырезали на дереве.

На Западе давно уж печатались славянские книги, но Федоров не хотел брать образец с них. Буквы там были непривычные, непохожие на русские письмена. Первопечатник знал, что многие с недоверием ждут его работы, опасаются новизны. Максим Грек и Макарий советовали Федорову не отпугивать народ ненужной новизной, а сделать буквы привычные, писаные. Да и самому Федорову нравились русские письмена. Он старался вырезать такие же самые. Сначала получались они хоть похожие, но не такие красивые, не такие стройные и отчетливые. Бился Федоров и достиг, наконец, своего, — вырезал печатные буквы такие же красивые, как и рукописные, еще красивее, пожалуй, — все одинаковые, тонкие и ровные.

Наконец, работа Печатного двора получила одобрение. Печатникам велели набирать «Апостол» с послесловием к нему.

Настал торжественный день 1 апреля 1563 года, стал Иван Федоров сам к столу и приступил к набору первой страницы книги. Дело шло быстро. Скоро готовы были и первые листы. Федоров носил их старцу Макарию. Тот одобрял, хвалил мастеров, но с грустью слушал книгопечатник похвалы: он видел, как дряхлеет старик. Федоров надеялся показать книголюбу готовый «Апостол» с послесловием, в котором имя Макария увековечено не-

Иван IV на Печатном дворе.

С картины С. Штейна

чатными буквами, чтоб весь русский народ знал о его любви к печатному делу, о его помощи печатникам.

Однако не довелось Макарию увидеть печатного «Апостола», не довелось прочесть свое имя, впервые напечатанное. Незадолго до окончания книги, накануне нового, 1564 года Макарий умер.

Федоров понимал, что означает для него смерть Макария. У нового дела были враги. Многие из владык церкви сомневались, можно ли писать святые книги не от руки, с молитвою и благоговением, а печатать непонятной хитростью немецкою, как делают поганые еретики.

Митрополит разрешал эти сомнения, освящая книгопечатание своим авторитетом. С его смертью Федоров лишался крепкой защиты. Конечно, книгопечатание шло по приказу царя, но, если новый митрополит не захочет помогать, то печатникам придется трудно.

Так, грустя и сомневаясь в душе, делясь своими сомнениями только с помощником Мстиславцем, не подавая вида другим, продолжал Федоров трудиться над книгой.

Настал, наконец, праздничный день. 1 марта 1564 года был закончен первопечатный «Апостол».

Книга завершалась послесловием, которое Иван Федоров набирал особенно торжественно. Здесь рассказывалась история книгопечатания в России, прославлялось это великое дело, упоминались, и по праву, имена первых книгопечатников. Послесловие начиналось обычной религиозной формулой, но была она на редкость сжатой, не похожей на пышные богословские предисловия и послесловия, принятые в тогдашних книгах; авторы словно спешили, отдав дань церковному порядку, поскорей перейти к сути дела:

«Изволением отца и споспешением сына и свершением святого духа, повелением благочестивого царя и велико-

го князя Ивана Васильевича, всея Великая Русии самодержца, и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Русии, многи святые церкви воздвигаемы были в царствующем граде Москве и по окрестным местам, и по всем городам, паче же в новопросвещенном месте, во граде Казани и в пределах его, и все эти храмы благоверный царь украшал честными иконами, и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и прочими церковными вещами, по преданию и по правилам святых апостолов и по изложению благочестивых царей греческих, во Цареграде царствовавших, великого Константина, и Устиniяна, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в своя времена бывших.

И так благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии повелел святые книги на торжищах покупать и в церквах класть. Но среди них мало нашлось пригодных, прочие же все растлены от преписующих, ненаученых и неискусных в разуме и не исправлявших то, что писали. И сие дошло царю в слух, он же начал помышлять, как бы изложити печатные книги, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и в прочих языках, дабы впредь святые книги излагались правильно; и так возвестил мысль свою преосвященному Макарию, митрополиту всея Русии, святитель же, слышав, зело возрадовался и сказал царю — яко от бога извещение принял и дар, свыше сошедший. И так повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением преосвященного Макария, митрополита, начали изыскивать мастерства печатных книг в 1553 году, в 30 лето царствования Ивана Васильевича [1].

---

[1] Эти две даты не совпадают. В 1553 году шло только двадцатое, а не тридцатое лето царствования Ивана IV. Некоторые исследователи видели опечатку в одной из этих двух цифр. Однако такое предположение даже с технической точки зрения не имело под собой твердой почвы. Цифры в то время обозначались

Царь повелел устроить дом от своей царской казны, где печатному делу строиться, и щедро давал из своих царских сокровищ делателям — Николы-чудотворца Гостунского дьякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу — на составление печатному делу и к их упокоению (то-есть содержанию), пока и на совершение делю их придет. И начали печатать сию святую книгу, Деяния апостольские... в лето 7071 (1563) апреля, в 19, закончили же в лето 7072 (1564) марта, в 1 день при архиепископе Афанасии, митрополите всея Русии».

Послесловие, если отбросить церковную терминологию, имело ясно выраженный светский характер, злободневное политическое содержание. Оно было рассчитано на прославление царской власти, то-есть продолжало ту же линию, что и рукописная политическая литература XV—XVI веков. Таким образом, уже первая печатная книга выполняла поставленную Иваном IV задачу возвеличения царской власти и отнюдь не являлась просто церковной книгой, какие были до того. Пусть послесловие занимало в ней малое место, но удельный вес его был достаточно велик.

славянскими буквами, и совершенно различные буквы «кси» (60) и «он» (70) в годах 7061 и 7071 (по принятому тогда счету от «сотворения мира») смешать или перепутать было очень трудно. В настоящее время исследователи склоняются к мысли, что здесь имеет место не опечатка, а последующая, вызванная какими-то причинами редакция текста, в котором первая цифра указывает дату начала организации типографии, а вторая—дату начала печатания «Апостола». Академик А. С. Орлов, например, пишет: «Мы убеждены, что 1553 год не опечатка, тогда действительно начали отыскивать мастеров печатного дела начали искать предшественников Ивана Федорова и Петра Тимофеева или их самих. Что же касается 30 лета, то что есть позднейшая обмолвка, корректурное подравнение к следующим датам послесловия, которые говорят о том, что самое печатание книги началось в 63 году и исполнено было в 64 году». (См. статью в сборнике «Иван Федоров—первопечатник», стр. 19, изд. Академии наук СССР, 1935 г.)

Иоганн Гутенберг. Бронза.

Ивановский областной музей.

Иван Федоров и Петр Мстиславец на Московском печатном дворе.

С рисунка А. Моравова.

Характерна откровенность, с какой уже в самой первой фразе бог и царь были поставлены рядом. Нашло себе место и известное стремление представить московского царя продолжателем дела греческих императоров: как указывает послесловие, Иван IV кладет книги в церкви «по изложению» царей греческих, которые с почтением перечисляются, что не мешает, однако, лишний раз напомнить, что их время прошло: «в своя времена бывших»; теперь это дело продолжали уже не греческие цари, а русские.

Язык послесловия прост, достаточно понятен и в то же время торжествен, соответственно всей идее послесловия — возвеличить деятельность Ивана IV.

Иван IV не счел нужным скрыть влияние Запада в деле введения книгопечатания. Наоборот, подчеркивается пример Греции, Италии и других стран, желательность подражания Западу в области книгопечатания. Ясно указывается задача книгопечатания — дать «исправные», грамматически верные книги — и прямо говорится, что рукописную книгу «праведно изложитъ», то-есть без ошибок, невозможно; чтобы дать грамотную книгу, нужно ее печатать, а не писать от руки.

По орфографии своей первопечатный «Апостол» был исправен. В общем книга носила славянский характер, но с русскими примесями в письме и языке. Они были тщательно продуманы и приближали книжную речь к разговорной. Некоторые из новшеств в орфографии «Апостола», хотя и очень долго еще не принимались старой грамматикой, но были совершенно правильны. Часть их была узаконена только в новом правописании уже в наше время.

Так, в «Апостоле», кроме славянского окончания родительного падежа прилагательных мужского рода «аго», употреблялось и русское окончание «ого, его», например: всякого, гостунского, единого, иного, наносящего. По-

славянски все эти слова должны были кончаться на «эго». По старой русской грамматике только «иного» писалось через «о», остальные — через «а» (всякаго, единаго...). Сейчас мы пишем так же, как печатал и Федоров. В приставках, оканчивающихся на «з», он менял «з» на «с» по произношению; в отступление от славянского он печатал: бесчиние, бесчестие и т. д. Так и мы пишем теперь. Но до самой революции эти слова писались через «з». Вот насколько Иван Федоров опередил свое время.

Нашли свое место в послесловии и мысли Максима Грека. Они даже почти дословно повторены.

Так, в 1542 году Максим писал о рукописных книгах, что они «растлешася от преписующих, ненаучных сущих и неискусных в разуме и хитрости грамматийстей...» А в послесловии читаем: «В них (книгах) же мали обретошася потребни, прочие же все растлени от преписующих...»

Вот, между прочим, пример того, как уже в первой печатной книге нашли свое место идеи, развивавшиеся тогдашней публицистикой. Еще в большей мере были здесь выражены политические идеи Ивана IV.

Прошли лето, осень, настала зима 1564 года.

Жизнь на Печатном дворе шла своим чередом. Переплетали «Апостол».

Неожиданно Федоров узнал новую неприятную весть: царь бежал от бояр из Москвы. На Печатном дворе все пребывали в неизвестности. Наконец, стали созывать народ на Красную площадь: царь прислал народу грамоту, ее будут читать с Лобного места.

Народ запрудил всю Красную площадь, толпился у Лобного места. Не видно было богатых боярских шуб; собираться велели купцам, ремесленникам, мещанам. Рядом с купцом в темном, но добротном кафтане стоял ремесленник в овчинном тулупе или зипуне из домотканого сукна. Кое-где мелькали иностранцы, приезжие купцы, одни в европейских, другие в восточных нарядах.

У Спасских ворот Кремля толпа пришла в движение, словно образовался в ней водоворот. Завиток водоворота стал передвигаться к Лобному месту, достиг его, и на возвышение поднялись дьяки, бояре, духовенство. В руках одного из дьяков появилась грамота. На площади все затихло. Царь писал купцам, ремесленникам, простому народу. Он обвинял бояр в измене, в нежелании служить государству, сражаться за отечество, обвинял также и духовенство в том, что оно поддерживает бояр, а потому, писал царь, он решил оставить государство и поехать куда глаза глядят. Но, заверял москвичей Иван IV в своей грамоте, его опала и гнев не касаются народа.

Кончили читать грамоту. На Лобное место поднялись бояре и, обращаясь к митрополиту Афанасию, стали просить его, чтобы он уговорил царя вернуться. В начале февраля 1565 года царь вернулся в Москву.

Вскоре типография получила новый приказ — печатать «Часовник». Работа, казалось, опять пошла попрежнему. Оснований для тревог не было.

Однажды посетил типографию итальянский купец Барберини, с почетом принятый в Москве, обласканный царем. Барберини ходил по Печатному двору, смотрел работу, изумлялся мастерству русских печатников, так умело справившихся с новым для них делом, хвалил их.

В письме на родину Барберини писал о москвичах: «В прошлом году взяли они у себя печатание... и я сам видел, с какой ловкостью уже печатались книги в Москве».

Федорову приятны были похвалы иноземца. Он показывал отпечатанные книги, справлялся, где можно достать материалы для типографии. Купцу Барберини была заказана печатная бумага, металл для отливки новых шрифтов.

Барберини отослал на родину список товаров, которые

необходимо прислать в Москву. Среди сукон, различных изделий, одежды, сладостей он требовал также «четыре или пять пуд висмуту для типографщиков, четыре или пять тюков (до десяти стоп) большой бумаги для печатания».

7 августа 1565 года начали печатать «Часовник» и 29 сентября закончили. Но еще до окончания, 2 сентября, начали второе издание «Часовника» и закончили 29 октября. К обоим изданиям приложено было послесловие, которое опять восхваляло царя и Макария, устроивших типографию. Послесловие говорило о пользе печатного дела и подчеркивало в этой связи значение разума.

Если послесловие «Апостола» было сочинено, как надо полагать, в кружке Макария, то послесловие «Часовника» писал, может быть, сам Иван Федоров. Подтверждение этому можно видеть в том стремлении оправдать типографскую деятельность, какое чувствуется в послесловии «Часовника». Таким образом, уже здесь Иван Федоров выступил не только в роли книгопечатника, но и писателя. Он и в дальнейшем брался за перо и писал талантливо.

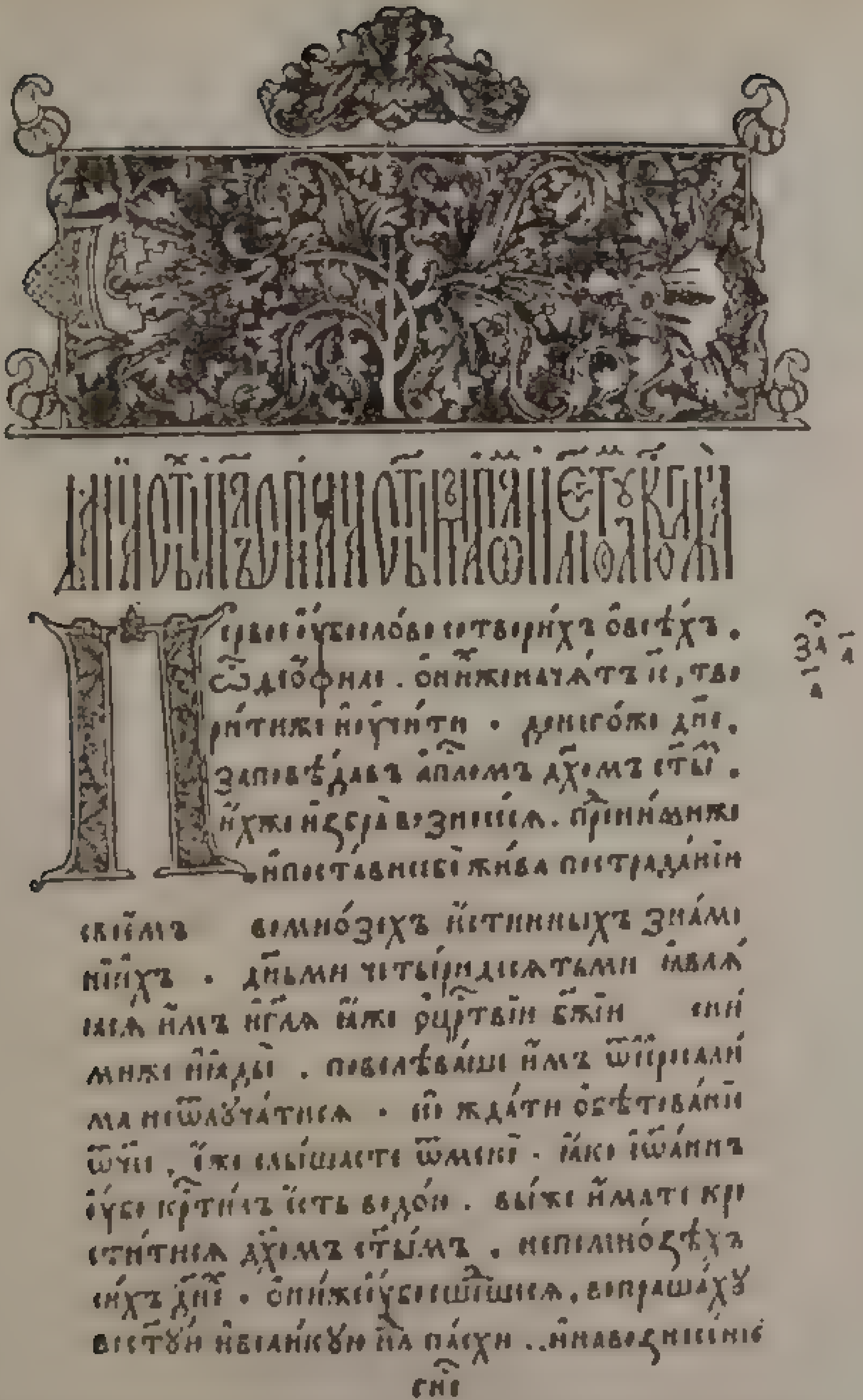
Так своим чередом работала типография, но вокруг нее уже сгущались тучи.

Впоследствии, много лет спустя, уже в изгнании, Иван Федоров писал о своих гонителях. Он не называл имен, но прямо и ясно указывал, что недоброжелатели воздвигли гонения на типографию, обвинили первопечатников в ереси и, наконец, своими преследованиями вынудили бежать из Москвы.

Кто же были эти гонители?

Сам Иван Федоров назвал их — начальники и священноначальники. Кого он подразумевал под этими именами?

Прежде всего мы видим, что он называет гонителей

Первый лист первопечатного «Апостола» 1564 года.

не одним общим именем, а различает две группы: просто начальников, то-есть светских, и священноначальников, то-есть духовенство, и притом высшее. Кто же были эти светские начальники? Если вспомним, как боролись против всех новшеств Ивана IV бояре, то легко будет догадаться, что именно о них идет речь. Они, конечно, понимали, что печатные книги помогают укреплению нежелательной для них самодержавной власти царя. Помимо этого главного соображения, многими из бояр могла руководить зависть к безродному дьякону, взысканному царской милостью, поставленному на такое большое и доходное (вспомним, что царь не жалел средств на типографию) дело. Ведать Печатным двором мог и должен был, по мнению чванных бояр, кто-нибудь из них.

Если, таким образом, под словом «начальники» скрываются бояре, то кто же имеется в виду под именем «священноначальников»? Мы видели, что митрополит Макарий поддерживал и поощрял деятельность первопечатника. Но Макарий принадлежал к кругу, близкому Максиму Греку, а в этом кругу сочувствовали идеям нестяжателей. Нестяжатели отличались, как мы уже знаем, терпимым отношением к еретикам. Однако значение нестяжателей, сила их были невелики даже тогда, когда довольно близкий к ним Макарий стоял во главе русской церкви. Недаром он писал однажды Максиму Греку, томившемуся в заключении: «Узы твои целуем, но помочь ничем не можем».

Враги Максима Грека — иосифляне (приверженцы Иосифа Волоцкого) были сильнее митрополита.

В 1563 году Макарий умер. Его сменил новый митрополит — Афанасий, ревностный иосифлянин. Зная отношение царя к печатному делу, Афанасий не предпринял никаких прямых мер против него. Но равнодушие, холодное отношение нового митрополита к Печатному двору

сразу было замечено всеми. Некоторые пытаются объяснить это тем, что Афанасий ревновал к славе своего предшественника Макария, как покровителя книгопечатания. Но дело было гораздо глубже. Достаточно того, что идея книгопечатания исходила из кружка нестяжателей, злейших врагов иосифлян, чтоб определить отношение последних к этому новшеству

Вспомним далее, что иосифляне были самыми неумолимыми, беспощадными обличителями и гонителями еретиков и что первопечатникам пришлось спасаться бегством именно от обвинений в еретичестве, — это опять-таки указывает на то, что под именем «священноначальников», от которых бежали первопечатники, подразумеваются иосифляне. Наконец, самые принципы иосифлянства, их требование безусловно верить и подчиняться каждой букве «священной» книги, противопоставленное довольно свободным критическим взглядам Нила Сорского на древнюю письменность, — противоречили деятельности Печатного двора, где, как мы видели, книги не только печатались, но и исправлялись. Недаром иосифлянство много лет спустя послужило почвой для развития старообрядчества, точно так же противившегося исправлению церковных книг. Все это приводит к заключению, что под именем священноначальников, гонителей печатного дела в Москве, следует иметь в виду иосифлян.

Итак, бояре и церковники-иосифляне были врагами первопечатника. Они заставили Ивана Федорова бежать из родной Москвы.

Рассказывая о них, Иван Федоров вместе с тем тут же отводит всякую тень подозрения от царя. И действительно, Иван IV слишком много сделал для типографии, чтоб быть ее врагом. Единственное, в чем, очевидно, можно его упрекнуть, это то, что он недостаточно энергично защищал печатников от клеветы и напрасных об-

винений. Но нужно вспомнить, что сам Иван IV незадолго до того вынужден был бежать из Москвы от бояр. Может быть, это бегство было лишь маневром для того, чтоб затем еще круче расправиться с боярами, — во всяком случае, Ивану IV было в тот момент не до типографии; кроме того, обвинение в ереси было в те времена слишком опасным: сам царь мог поддаться такому наговору и отступиться от обвиненных; поэтому хоть он и не преследовал первопечатников, но и понадеяться на него тоже нельзя было, памятуя справедливую народную поговорку того времени: «Бог любит праведников, а царь ябедников».

Иван Федоров получил, наконец, несомненные доказательства того, что против Печатного двора, против него с Мстиславцем затеяли заговор, что их оговорили и со дня на день с ними расправятся.

Необходимо было решиться. Вместе с Мстиславцем уложили самое необходимое из типографского скарба, прежде всего — формы для отливки и изготовления шрифта (пунсоны и матрицы), и, крадучись, выбрались из города. Путь их лежал на запад, к литовской границе, — там тоже была русская земля, хотя и стонавшая под игом литовских и польских захватчиков — панов.

Никогда не забывал Федоров своего печального бегства. Через много лет, на чужбине, вспоминал он о людях, изгнавших его с родной земли.

Не суждено было Федорову увидеть ее больше. Тяжкие испытания предстояли ему в будущем. Бездомным скитальцем, с одной любовью к русскому народу, с одной мечтой — служить ему своим искусством книгопечатника — прошел он свой трудный жизненный путь.

Его первопечатные книги остались в Москве, в России. Они восхваляли собирателя Руси, организатора Русского государства — царя Ивана.

Книга прибавилась к числу тех регалий, которые, по

сказаниям, унаследовали русские цари от императоров прежней мировой державы. Народ связал имя Ивана Грозного с книгой. Среди песен и сказок об Иване Грозном, о его борьбе с боярами за власть народ создал сказку о том, как Грозный добыл книгу, давшую ему право на самодержавную власть. В этой сказке отразилась подлинная историческая деятельность Грозного по созданию книг, прославлявших царскую власть, по введению книгопечатания.

Давно не было уже на Руси Ивана Федорова, первого книгопечатника, давшего своему народу первую печатную книгу, но рассказывалась в стране сказка о книге.

Сказка повествовала о том, как царь Иван Грозный посылал в далекие, когда-то всемирно известные страны за короной, скипетром и державой—этими символами царской власти. Мотив — уже знакомый нам, перешедший в устное народное творчество из произведений московских книжных людей XV—XVI веков и доказывающий, таким образом, как сильна была литературная пропаганда в то время, как широко проникала она в народ и подхватывалась им. Но в сказке есть еще одна очень характерная деталь: Иван IV велит добыть не только «корону, скипетр, рук державу», но «и книжку при них». Эта книжка при них не забывается на всем протяжении сказки. Как видим, народ запомнил, что московские цари с помощью книги укрепляли авторитет власти. Не боярин, не какой-либо царевич, излюбленный сказочный герой достал эту нужную книгу Ивану Грозному, а трудящийся человек — Борма-ярыжка. Ярыжками назывались те, кто исполнял черную работу по двору — колол и таскал дрова, носил воду и т. д. И эта деталь также оказывается исторически верной. Первую печатную книгу дали Ивану IV простой дьякон и его товарищ — ремесленник.

СКАЗКА О БОРМЕ-ЯРЫЖКЕ[1]

Царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?» По трое сутки кликал он клич, но никто не являлся. Приходит Борма-ярыжка. «Я, — говорит, — могу достать, а для этого мне надо снарядить корабль, да тридцать человек дайте мне матросов; корабль чтобы весь был окован жестью, все снасти и мачты, да тридцать бочек в него пороху, да на три года провизии, и если я через три года не ворочусь, значит меня вживе не будет. А теперь мне с молодцами дайте попить да погулять». Ну вот он шесть недель с ними пьянствовал, пропился весь. Пошли на корабль. Ветер был попутный, подняли паруса и живо затопились. Приезжают к Вавилонскому царству. Он сошел на берег, взял двоих с собой матросов. А Вавилонское царство все было съедено змеями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашел он в ней корону, скипетр и рук державу и книжку при них. Матросы говорят: «Ну, теперь добыли, пойдемте на корабль!», а он: «Нет,— говорит,— надо в город сходить, а то нас будут спрашивать, а мы ничего не знаем». Змеи все пожирали, ничего кругом не осталось, а спали между обедней и заутреней в светло-христово воскресенье. В это время Борма и вышел на берег. Царь вавилонский издал указ, чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах. Бог его и наказал: все эти змеи ожили и поели все живое. Около города, вместо стены, змея обвивалась. Ну вот Борма-ярыжка, чтобы перелезть стену и змея не задеть, сделал лестницу и перелез. Когда он шел городом, змеи, как мертвые, под ногами лежали. Иная взметнется, как наступят, и опять спит. Он никого живого не нашел и пошел прямо во дворец. Приходит — все комнаты пустые, а в последней царской комнате сидит (сделанная) Царь-девка, наполовину змея, наполовину девка. Она над всем змеиным царством царствовала. Когда Борма-ярыжка вошел, она увидала и говорит: «А, Борма-ярыжка! Ты шел из Русского царства доставать корону, скипетр, рук державу и книжку, и они у тебя?» — «У меня». — «Достал?» — «Достал». — «Разорву, съем!» — «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мне мяса? Вот я тебе двоих в залог оставлю, да и остальных приведу: все одно вместе пропадать. Через час вернусь». Она отпустила его, да

[1] Эту сказку лет шестьдесят тому назад рассказывал житель города Симбирска (ныне Ульяновск) Петр Степанович Полуектов. Ее записал в 1884 году Дм. Н. Садовников и опубликовал в книге «Сказки и предания Самарского края».

и говорит: «Ну ступай, да не обмани!» Не успел он ступить из ее комнаты, Царь-девка на матроса одной ногой ступила, другого разорвала при нем же. А Борма-ярыжка, как прибыл на корабль, так и закричал: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходит час. Царь-девка видит — его нет. Посмотрела — ан чуть парус видно. «А, хитер-мудер Борма-ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змеи мои, змеи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вот на этот корабль, утопите его!» А Борма сейчас велел три бочки пороху вынуть, разбить их и рассыпать порох по палубе. Змеи налетели, обцепили корабль и все снасти облепили. Царь-девка прыгает на крыльце, радуется: «А, попался!»

Он огонь в порох и кинул. Порох взорвало, и у змеев все крылья опалило; которых добили, которых пожгли. «А! — сказала Царь-девка, — хитер-мудер Борма-ярыжка!» Потом велел он матросам все бочки выкатить и разбить на палубе, а сам в лодку сел один и уехал. «Когда змеи налетят, вы порох и зажгите!»

Прилетел Змей Горыныч, что около города стеной лежал, и с ним много змеев. Двадцать семь бочек с порохом взорвало, змеев многих пожгло, а Змей Горыныч уцелел и начал корабль топить. Корабль и потонул. Царь-девка на крыльце заплясала. «Ну, Борма-ярыжка! Потонул-таки!» — «Ну, чорт, пляши. Я-то здесь, да вот товарищей жаль». Поплакал Борма, да и стал думать: «Что делать мне? Водой ли плыть, сухим ли путем итти? Водой поплыву, хоть и скорей может (быть), да есть нечего будет. Нет, лучше сухопутьем. Тут хоть корешок найдешь, с голоду не умрешь». Вышел из лодки, пошел. Шел много ли, мало ли, приходит к великолепному дому, окружен дом каменной стеной, и ворота заперты. Начал стучаться — отзыву нет, никто не откликается. А любопытство его разбирает: кто тут живет? Разбойники, что ли? Сел на лавку и стал ждать. К вечеру идет великан одноглазый, с лесом ровен. — «А, Борма-ярыжка! Здравствуй!» — «Здравствуй». — «Ты у сестры моей был?» — «Был». — «Корону, скипетр, рук державу и книжку достал?» — «Достал». — «Змеев выжег?» — «Выжег». — «Сестру мою обманул?» — «Обманул». — «Ну, я тебя разорву, съем!» — «Ну чего есть-то: разве от меня сыт будешь? А вот давай по-братски сделаем: у тебя вот один глаз-то, а я тебе два сделаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда — два. Пойдем. Где у тебя казна и каменья драгоценные?» Нашел, посмотрел. «Для глаза, — говорит, — надо. Станок ладить давай, тебя положить». Сделал станок да связал великана снастями. «Ну-ка, рванись, а то ведь глаз-то испортить можно». Тот как рванулся, так все и перелетело. И второй раз то же. Скрутил Борма великана воловьими жилами и спрашивает: «Ну-ка, теперь не разорвешь?» — «Нет», говорит.

Он пошел взял олова, растопил, да и говорит великану: «Расто-

пырь глаз-то, а то ошибешься — не такой сделаешь». Тот раскрыл глаз, а Борма и вылил туда горячего олова. Великан порвал воловьи жилы, все изорвал и поломал. «А, — говорит, — ты меня обманул! Ну да постой, найду!» Затворил ворота и камень к ним привалил. Некуда Борме деться. А у одноглазого, вроде товарища, козел громадный жил. Вот Борма-то и подвязался козлу под брюхо, а то не уйдешь, пожалуй, и давай его под бока щекотать. А козел-то привык с одноглазым играть, разбежится, разбежится, да и ткнет. А тот говорит: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоел он одноглазому. Тот рассердился, схватил козла за рога, хотел об стену расшибить, да с Бормой вместе через стену и перекинул.

Борма не с пустыми руками ушел. Как только очутился на той стороне, отвязался от козла и крикнул: «А я здесь!» — «А, Борма-ярыжка! — закричал одноглазый, — хитер ты и мудер! Ну, на от меня на память золотой топорик! Все равно!» Борма-ярыжка думает: «Недаром он кидает». Подошел да мизинцем чуть дотронулся до топорика. Как дотронулся, топорик и закричал: «Хозяин! Здесь! Держу!» Борма-ярыжка схватил ножик и отрезал себе палец. Пока тот отваливал камень, Борма убежал. «Эх! — крикнул топорик, — не поспел! Вот тебе один палец!» Великан кинулся, весь его сгрыз; а Борма где за дерево спрячется, где камнем лукнет — ушел.

Долго ли шел, нет ли, недалеко до Русской земли осталось: только через речку перейти. Опять увидал великолепный дворец. «Дай погляжу». Дожидался до вечера, приходит девка. «А, Борма-ярыжка! Здравствуй! Ты в Вавилонском царстве был?» — «Был». — «У моей сестры был?» — «Был».— «Змеев выжег?» — «Выжег». «Ну, я тебя разорву, съем! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучаю!»

Эта девка его каждый день смертью страшала и двадцать лет с ним прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лет. Вот раз она уходит в Вавилонское царство, к сестре, а Борму на цепи оставила и говорит сыну: «Я пойду, целый день не буду. Смотри, с цепи отца не отпускай, а то он хитер и мудер. Самого разорву, коли пустишь; а к вечеру и сама вернусь». Она ушла. Борма и подзывает сына: «Сними цепь-то, дай я похожу». Тот снял. Походили. «Чего мы, — говорит Борма, — так-то зря ходим? Пойдем на реку, уток постреля(е)м!» — «Нет, батюшка, ты меня обманешь». — «Нет, зачем? Ты ведь сын мне! Ведь тошно мне: я двадцать лет на цепи сидел!» Пошли уток стрелять на реку, а за эту реку нечисть не переступала. Убил Борма утку и послал сына за уткой; сам плот сделал на реке и поплыл. «Батюшка! — закричал сын, — что ты дела(е)шь?» А девка уж на берег прибегла, кричит: «А, Борма-ярыжка! Хитер и мудер! На вот тебе твою-то половину, не надо мне!» Разорвала сына, да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плот, он и стал тонуть. Борма взял да

ножом ее и вырезал. Плот опять поплыл и переехал в Русь святую. Девка побесилась, побесилась, а сделать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмеялся над ней и дальше пошел. Приходит в такое место, словно вычищенный сад. Местами выбито словно ямами, местами на кустах кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взял Борма-ярыжка и взлез на дерево и спрятался в ветвях. Немного посидевши, видит: бежит лев и в ту же минуту прилетает змей, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабели и упали, а один другого не отпускают. Вот Борма-ярыжка и думает: «Кому помочь? От змеев я много терпел, заступлюсь за льва». Взял да и выстрелил в змея. Змей раненый ослабел, и лев его задушил. Задушил змея и смотрит, глазами ищет, кто это ему помог. А Борма боится слезть с дерева: как бы его лев-то не съел. Лев увидал Борму и говорит: «Слезь! Я тебя не съем. Тебе еще три года итти, а я тебя в три часа домчу, только ты мной не хвались, а то съем!» Борма слез и сел на льва. Тот его мигом довез до города и убежал. Борма пошел прямо во дворец и сказал о себе; а там уж и забыли о нем, потому что тридцать лет как его не было. Стали искать в архивах и нашли, что действительно тридцать лет назад был отправлен корабль за поиском короны, скипетра, рук державы и книжки при них. «Ну что, чем мне тебя наградить?» — спрашивает Борму Иван Васильевич. «Да что? Дозволь мне три года безданно, беспошлинно пить во всех кабаках!» И вот стал Борма пить попивать, пьяниц за ним нетолчены трубы. Напившись раз, он хвалиться стал: «Мне бы еще три года итти, да меня лев подвез в три часа, за то, что я змея убил». Как эти слова выговорил и спохватился, да уж поздно. Сейчас же побежал на царский двор и велел врыть в землю три пивных котла и укрепить их как можно крепче. Только что успели их укрепить и налить в один меду, в другой вина, а в третий самого крепкого спирту, как поднялась буря, и вслед за ней бежит лев и сейчас же к Борме. «А, ты мной похвалился! Так я тебя съем». — «Это не я».— «А кто же?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему указал на котел с медом. Лев весь котел выпил и выворотил из земли. «Кто мной хвалился?»—«Хмель».—«А где он?» Он ему указал на котел с вином. Лев его весь выпил и выворотил. «Кто же мной хвалился?»— «Хмель». — «А где он?» Он ему показал на котел со спиртом. Лев выпил котел, выворотил и пьяный тут же растянулся.

Борма велел вбить около льва столб и сковать цепями. Когда лев встряхнулся, хвать—и встать нельзя. Борма подошел и говорит: «Вот видишь, что хмель-то делает? Не я тобой хвалился, а хмель. Я тебе теперь мог голову срубить, да не сделал этого». — «Ну пусти, Борма-ярыжка!» Тот велел его расковать; лев и убежал. После этого Борма недели три пьянствовал и спился в кабаке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ЗАПАДНОЙ РУСИ

Печатники достигли, наконец, рубежей Литвы и, узнав, что в Вильне как раз происходит литовский сейм, направились туда.

Печатникам повезло. Они нашли там русского человека, богатого вельможу, гетмана Григория Александровича Ходкевича. Тот принял участие в судьбе изгнанников: сочувственно выслушав их печальный рассказ, предложил им устроить свою типографию в его собственном имении.

Еще двести верст проделали наши путешественники и оказались в Заблудове — имении Ходкевича. К своему удивлению, здесь, на чужбине, московский книгопечатник очутился среди таких же русских людей, как он сам. Только одежда и говор немного отличались от привычных Федорову.

Тут были русские земли, когда-то удельные княжест-

из Киевской Руси, разоренные и разграбленные сотни лет назад монголо-татарами. Потом пришли литовские князья и захватили ослабевшие русские области. Местное русское, украинское, белорусское население очутилось во власти литовских, а также и польских панов, и уже более двухсот лет длилось владычество последних, жестокое и невыносимое.

Федоров застал в Западной Руси напряженную обстановку. Гнет польско-литовских панов становился нестерпимым. В этом отношении они перещеголяли даже своих учителей — правящие классы тогдашней Западной Европы. Паны любили роскошь и великолепие. Но роскошь и великолепие требовали средств. Кто еще мог дать панам эти средства, как не их крепостные? И паны стали все сильнее прижимать крепостных. У нищих крестьян не было денег. Но они могли производить хлеб.

Когда-то панам не очень много и нужно было хлеба: только на собственные нужды. Крепостные ходили на барщину, но все же оставалось у них время и на себя поработать.

Теперь все изменилось. Западная Европа раскрыла перед панами свои рынки. Паны стали торговать хлебом. Проданный хлеб приносил деньги, а деньги открывали дорогу к блестящей придворной жизни. И теперь, сколько бы крепостные ни производили хлеба для панов, тем все уже было мало. Обнаружив неведомую дотоле денежную выгоду сельского хозяйства, паны накинулись на свои имения, на крепостных, увеличили барщину с одного-двух дней в неделю до трех-четырех, стали бесцеремонно захватывать крестьянскую землю, луга и леса. С русскими, украинскими, белорусскими крестьянами польско-литовские паны стали обращаться особенно нагло и жестоко, как насильники в чужой, завоеванной

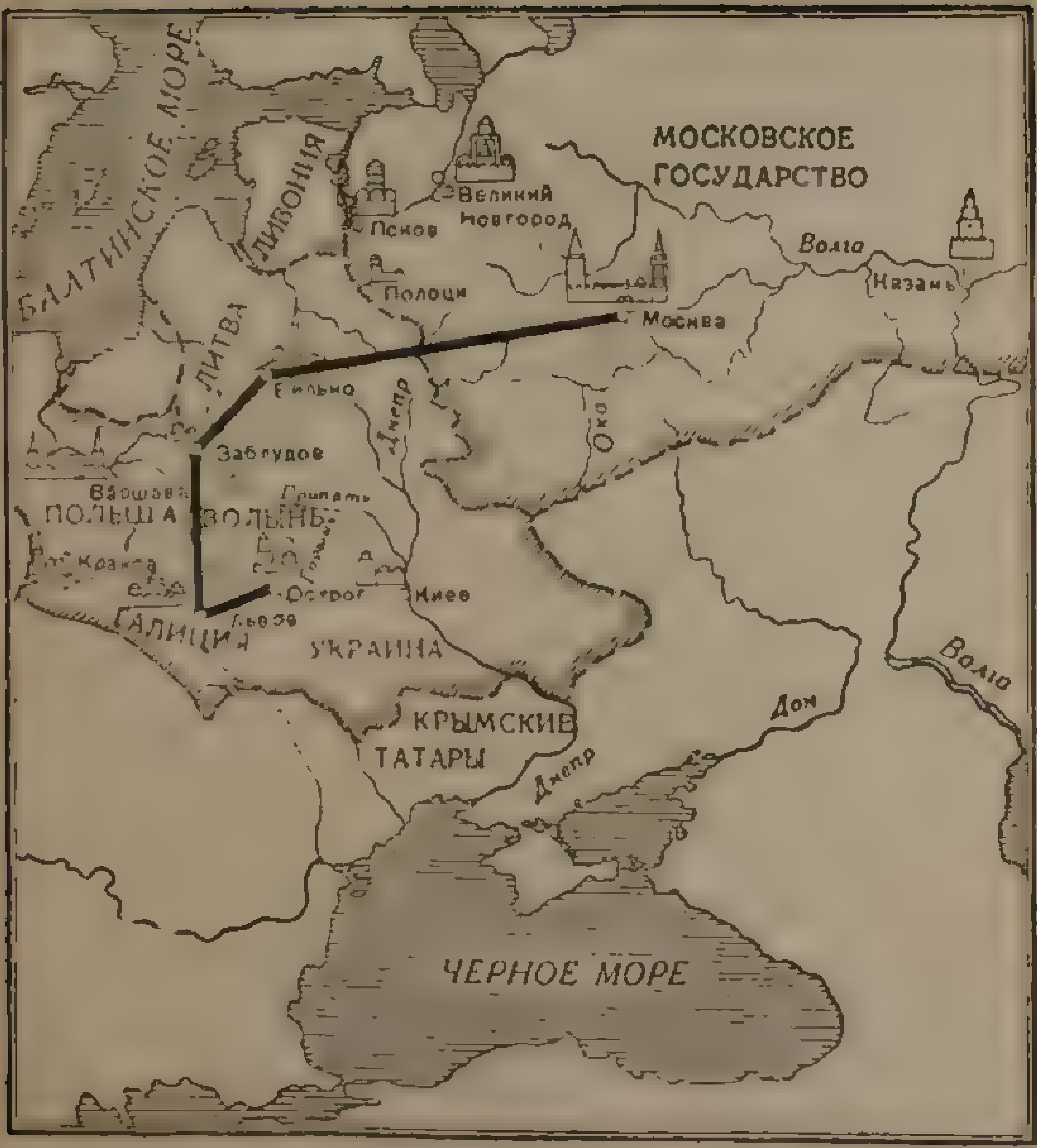
стране. Паны выкачивали огромные количества хлеба, меда, смолы, поташа и продавали их на западноевропейском рынке. Польские магнаты полностью превратили своих крепостных в рабов. В панских имениях появились виселицы: паны сами чинили суд и расправу над населением.

Русский народ здесь мог противопоставить панскому насилию только свою сплоченность, свое единство. Закрепощенное крестьянство стремилось сбросить с себя гнет феодально-крепостнического строя. Путь к этому лежал в борьбе за освобождение Украины из-под власти панской Польши, в борьбе против национального и религиозного гнета. Крестьяне Западной и Юго-Западной Руси твердо держались своей национальности, языка, обычаев. В чувстве национального достоинства была сила народа, сила русских, украинских, белорусских крестьян, которая позволила им сохранить свою народность в самые тяжелые времена. Угнетенное население тянулось к своей подлинной родине — Русскому государству — и никогда не теряло духовной связи с ним.

Паны считали, что могли бы гораздо легче и больше выколачивать прибылей из труда своих крепостных, если бы сумели полностью поработить русское население Литвы и Польши [1]. Но они видели, что это не удастся, пока они не сломят и не уничтожат его национальную

---

[1] В те времена население Западной Украины и Западной Белоруссии называли русским. Говоря здесь об этом населении, мы часто сохраняем термин того времени. Предлагаемая книга, в том числе и часть, относящаяся к Западной Руси, была написана до исторического воссоединения Украины и Белоруссии и вступления Западной Украины и Западной Белоруссии в счастливую семью свободных советских народов. Автор оставляет все написанное без изменения; несомненно, ближайшее время даст нам в ряде исследований, в ряде новых архивных документов и т. д. много новых сведений для более глубокой и основательной характеристики периода (XVI век) и деятельности Ивана Федорова в Западной Украине.

Путь Ивана Федорова из Москвы в Галицию.

сплоченность. Паны решили ополячить украинское и белорусское население, порвать его духовную связь с Русским государством, заставить забыть родной язык, родные обычаи. Много всяких способов перепробовали польские паны. Прежде всего они стремились укрепить свою власть в Литовском княжестве, где жило больше всего русских. Затем они старались обратить русское население в католическую религию. Общей религией паны надеялись привязать крепостных еще крепче: уже не только прямым насилием, но и моралью. Ксендзы получили бы полный простор для своей проповеди повиновения панам.

Русский народ боролся против ополячения, против католической веры, он отстаивал свое право служить в церкви на родном языке. Борьба против эксплоатации польско-литовских панов проходила под религиозным знаменем. Отстаивая свою старую православную (или греческую, как ее еще называли) религию, русский народ боролся за свое право говорить, читать и учиться на родном языке, право сохранять родные обряды и обычаи.

В этой общенародной борьбе трудовой русский люд — крепостные, ремесленники, бедняки-горожане — могли опереться только на свои собственные силы.

Русские помещики, исконные владельцы вотчин в этих краях, чьи предки жили здесь еще до литовского завоевания, не противились новым порядкам. Их соблазняла роскошь польской аристократии, пышность придворной жизни, они тянулись к королевскому двору, перенимали польские обычаи, религию, начинали говорить на чужом языке, родниться со шляхетскими семьями и воспитывать своих детей в польском духе. Лишь единицы среди этих русских магнатов оказались противниками ополячения. Таким был и гетман Ходкевич, приютивший у себя в имении московских книгопечатников.

Верхушечные и даже средние слои городского населе

ния были экономически связаны с польскими магнатами: они были заинтересованы лишь в частичном изменении порядков — устранении вопиющих насилий в отношении городов и т. п.

Русские попы также мало помогали народу. Высшее духовенство завидовало и подражало пышности и великолепию католических князей церкви.

К тому же они назначались на церковные должности теми же панами. Польские магнаты получали от короля право патроната над церквами и монастырями, то-есть право взимать с них доходы.

Паны широко воспользовались этим правом. Они не только теснили православное духовенство, епископов, монастырских настоятелей, но и сгоняли их с должностей, продавали доходные церковные места. Продажа была узаконена. Иные, купив теплое церковное местечко или получив его за свои заслуги перед шляхтой, даже не показывались в «своем» монастыре, а продолжали прокучивать в столице получаемые с него деньги. Но большинство не ограничивалось «законными» доходами и за время управления монастырем ухитрялось разграбить его дотла.

Корыстолюбивые епископы и настоятели вели между собой вечные тяжбы за имущество, нападали на монастыри и грабили их. Откровенное издевательство над чужой религией доходило до того, что паны ставили во главе православного монастыря людей католической веры. Естественно, что такие «пастыри» были совершенно чужды народу. Низшее духовенство — сельские попы — были невежественны. Крестьянству Западной Белоруссии и Западной Украины приходилось на своих плечах выносить всю тяжесть борьбы с панами.

В такую обстановку попал Иван Федоров, когда гетман Ходкевич предложил ему устроить типографию в его имении.

Ходкевич происходил из русского старинного феодального рода. Он и в Литве был видной и влиятельной фигурой. Государственная власть в Литве, власть литовского князя, была очень слаба. Крупные магнаты были почти совершенно самостоятельны. У каждого из них имелись фактически не только свой суд, своя администрация, но даже свои собственные вооруженные силы. Таким могущественным и почти независимым феодалом был и Григорий Ходкевич. Поэтому начавшийся нажим польских панов, подготовлявших как раз в то время полное соединение Литвы с Польшей, противоречил интересам Ходкевича, угрожал его самостоятельности. Это заставляло Ходкевича выступить против ополячения, бороться вместе со всем русским народом против польских панов. Ходкевич грозил даже открытым восстанием в случае соединения Литвы с Польшей.

Для сопротивления политике польского короля и панов нужно было объединять, собирать силы. Как мы видели, борьба шла под флагом защиты своей религии. Ходкевич понял, какое значение может здесь сыграть книгопечатание.

Поднимая знамя укрепления русской церкви, начиная большое дело издания книг для нее в тысячах экземпляров, Ходкевич тем самым подавал сигнал к действию всем противникам ополячения.

Иван Федоров принял предложение Ходкевича.

Снова закипела работа — организация типографии на новом месте. Правда, многое печатникам удалось захватить с собой, но все это нужно было установить, собрать, кое-что сделать заново.

Вскоре у Ивана Федорова завелись знакомства среди заблудовских жителей. В свободное от хлопот по типографии время он посещал местного священника Нестора.

Это был человек достаточно умный и развитой, он помогал Ходкевичу в его начинаниях, помогал и Федорову

советами на новом месте. (Впоследствии он распространял книги, напечатанные Федоровым.)

Много пришлось узнать первопечатнику нового, неизвестного доселе, часто непонятного. Так, нельзя было понять безнаказанности здешних не только крупных, но и мелких помещиков, их буйства и своеволия. Они вели себя так, будто государственной власти вовсе не существовало. Наезжали вооруженными бандами друг на друга, захватывали имения, устраивали настоящие побоища. Немало таких мелких помещиков подчинялось и Григорию Ходкевичу; они арендовали, служили и хозяйствовали в многочисленных селах и имениях, принадлежавших ему.

Князь Курбский, бежав из Москвы, привел с собой в Польшу отряд московских служилых людей. Здесь они поступили на королевскую службу. Года за два до прибытия Ивана Федорова в Западную Украину отряд проезжал мимо волынских владений Ходкевича.

Дело было зимой, в феврале месяце. Наступила ночь. Отряд искал ночлега. Поблизости оказалось имение Ходкевича, Спасов, и солдаты отправились туда в надежде на гостеприимство. Но спасовские дворянчики, заметив, что отряд небольшой, решили поживиться легкой добычей. Они собрали крепостных, вооружили их и напали на солдат, избили и поранили, отняли коней, оружие, деньги и одежду.

Начальник отряда жаловался на бесчинство урядику Григория Ходкевича, пану Жуховицкому, но тот не захотел судить дворян, подчиненных его господину, Ходкевичу.

Спасовцы остались безнаказанными.

Как же допустил гетман Ходкевич такое беззаконие? Новые друзья Федорова из простых людей на такие недоуменные вопросы могли ответить только горькой усмешкой:

— Разве пан пана когда-нибудь осудит за простого холопа? Гетман Григорий Ходкевич, хоть и русский и русской веры держится, а все-таки пан.

Иван Федоров еще не подозревал, что через несколько лет он и сам не оберется хлопот все из-за тех же спасовцев...

Приготовления в типографии были, наконец, закончены. 8 июля 1568 года печатники начали набирать книгу, первую свою книгу на чужбине. Больше восьми месяцев отняла работа, и 17 марта 1569 года русская книга, предназначенная для борьбы с ополячением, была готова.

Заглавие торжественно сообщало, что книга, «зовомая евангелие, выдана есть в отчизном имении пана Виленского, гетмана наивысшего великого княжества Литовского, старосты Городеньского и Могилевского, его милости пана Григория Александровича Ходкевича, в месте, зовомом Заблудовью, собственным иждивением его милости».

Тогдашние заглавия непохожи были на нынешние. Вместо одной-двух строк они занимали целую страницу и не скупились на подробности.

В книге было и предисловие, где Ходкевич объяснял причины, заставившие его заняться книгопечатанием. Он убедился, что русских книг нехватает: «Оскуде сих книг из многоразличных местех».

Тогда он решил на свои средства напечатать книги, чтоб слово божие, как он выражался, размножилось. На самом же деле в данном случае размножались с помощью печатного станка средства борьбы с ополячением. Ходкевич дал в руки участников этой борьбы книгу на родном языке.

Он хотел пойти еще дальше. Чтобы сделать книгу еще более понятной и широко доступной, он пытался упростить ее древний русский язык и приблизить его

к живой народной речи. Однако ему отсоветовали это делать, и он отказался от своей попытки, боясь не справиться с трудностями перевода. Об этом он также сообщает в предисловии: «Помыслил же был есми и се, иже бы сию книгу, вразумения ради простых людей, преложити на простую молву, и имел о том попечение великое, и совещался с людьми мудрыми, в том письме учеными. Но они предостерегли: «иже прекладанием с давних пословиц (то-есть старинного языка) на новые помылки (ошибки) учиняться немалые, якоже и ныне обретаются в книгах нового перевода». Того ради сию книгу, яко сдавна писаную, велел есми ее выдруковати (напечатать)...»

Впрочем, Ходкевич предупреждает, что и в таком виде язык книги вполне доступен пониманию: она «каждому не есть закрыта и к выразумению нетрудна». И Ходкевич настоятельно призывает к чтению книги, несомненно, имея в виду и ее политическое значение в данный момент.

Ходкевич подчеркнул и роль московских печатников в развертывании и оживлении этой борьбы путем печатного слова: «К тому же изобретох собе в том деле друкарьском людей наученых, Ивана Федорова Москвитина и Петра Тимофевича Мстиславца». Таким образом. появление Ивана Федорова в Западной Руси сыграло свою роль в активизации борьбы с ополячением: защитники интересов русского народа смогли воспользоваться в этой борьбе таким сильным средством, как книгопечатание.

В предисловии ничего, конечно, не говорилось прямо о том, что книгопечатание использовано как орудие политической борьбы, однако это ясно было из самой агитации за чтение книги на родном языке. В заключение Ходкевич давал обещание, которое должно было обрадовать всех участников этой борьбы и прежде всего,

конечно, Ивана Федорова: «А я... о иных книгах... помышляти буду и накладу моего (то-есть средств) на то наложити не жалуючи (не жалея), вскоре их друковати дам...»

Это было обещание продолжать борьбу за интересы русского населения.

Впервые к имени Ивана Федорова прибавилось прозвище Москвитин.

В то время, как он выпускал в Заблудове книгу, Московский печатный двор также возобновил свою деятельность. По приказу царя ученики Ивана Федорова — Никифор Тараснев и Невежа Тимофеев—с марта по декабрь 1568 года отпечатали псалтырь, книгу, по которой не только в церквах служили, но и грамоте учились. Послесловие в ней снова, как и в первопечатном «Апостоле», прославляло твердую царскую власть, называло Ивана IV «над царьми царем», самодержцем, подчеркивало его заслугу во введении книгопечатания: «Дабы царство его украшено было, царь повелел составить в Москве штанбу, сиречь дело печатных книг...» Об Иване Федорове, как и о покойном Макарии, не упомянули ни слова.

Штанба — слово итальянское (estampa). Мы и сейчас говорим — штамповать. Слово это и тогда нуждалось в объяснении, поэтому, употребив его в своем послесловии, книгопечатники тут же объяснили: «сиречь дело печатных книг». Но то, что они все-таки употребили это итальянское слово, заставляет думать о влиянии на введение печатного дела в России итальянцев и греков (со времени падения Византии в Италии было много греков, выходили греческие книги).

Отпечатав евангелие, Петр Мстиславец решил покинуть Заблудово. Его сманивали виленские купцы Мамоничи. Мстиславец расстался с Федоровым, уже готовившимся к новым книгопечатным трудам.

Г. А. Ходкевич.

С современной гравюры

Сын Федорова, тоже Иван, подрос. Отец стал готовить его себе в помощники. В книгопечатне того времени дела было много. Приходилось не только набирать и печатать книги, но и изготовлять самим типографские принадлежности, вырезать на стали формы для букв, отливать шрифты, даже переплетное мастерство знать. Книги выпускались только в переплете. Переплет был тяжелый и прочный, из деревянных досок, обтянутых кожей, с металлическими застежками и украшениями Часто на крышке переплета надо было еще оттиснуть герб владельца или красивый узор. Федоров обучил сына переплетному делу.

У молодого Ивана завелся среди заблудовских мальчишек приятель Гринь. Он шнырял под окнами друкарни, поминутно заскакивал в нее, всюду совал свой любопытный нос. Печатник заметил шустрого мальчишку. Помощники нужны были, и Федоров взял его в типографию.

Меж тем почва в Литве все более накалялась. В том самом году, когда из заблудовской типографии вышла первая книга, произошло, наконец, полное соединение Литвы с Польшей. На сейме в городе Люблине был заключен акт о вечном союзе между Литвой и Польшей, так называемая Люблинская уния 1569 года. По этому соглашению к Польше отошли Волынь, Подолия, Киевская земля — вся южная половина Литвы, в том числе и владения Григория Ходкевича. В то время, как Литва сохраняла свое государственное устройство, суд, законы и войско. Украина лишалась последних остатков политической самостоятельности.

Гетман Ходкевич развивал энергичную кампанию против унии, грозил вооруженной силой воспротивиться соединению с Польшей.

Всякая общественная деятельность в такой обстановке сразу принимала яркую политическую окраску. И дея-

тельность заблудовской типографии также приобретала все более определенный политический характер. В этих условиях Иван Федоров не мог оставаться простым мастером, исполнителем приказов и распоряжений своего патрона. В этом энергичном, недюжинном человеке, оказавшемся в самом центре разгоравшейся борьбы, должна была заговорить натура бойца. Он стал горячим и убежденным участником борьбы; неожиданно для самого себя он ощутил вдруг силу и призвание постоять за свой народ против его насильников и притеснителей — польско-литовских панов. Это вносило во всю деятельность книгопечатника новое, гораздо более глубокое и осмысленное содержание. Это оправдывало также самую его жизнь на чужбине.

В 1570 году Федоров отпечатал в заблудовской типографии вторую книгу — псалтырь — и стал ждать нового распоряжения от Ходкевича.

Но гетман не торопился. Он тянул, откладывая со дня на день.

В дни, когда принималась Люблинская уния, Ходкевич восстания не поднял, не решился поставить на карту свое состояние и самое существование всей своей семьи. Благоприятный момент был упущен.

После он уже должен был иметь дело с усилившимся противником. И, опасаясь гнева польского короля и его панов, Ходкевич присмирел. К этому прибавились болезни. Григорий Ходкевич стал дряхлеть.

Наконец, он призвал к себе печатника, но только для того, чтобы объявить, что не в силах более вести дела, что нужно закрыть типографию.

Федоров не мог скрыть своего волнения и печали. Ходкевич, успевший за несколько лет хорошо узнать его и полюбить, поспешил утешить печатника, пообещал его обеспечить и тут же предложил в дар свою деревню близ Заблудова, где помещалась типография. Пре-

старелый магнат, опытный и ловкий политик, убеждал Федорова отказаться от опасной борьбы, советовал оставить тревожное и неблагодарное ремесло, уйти на покой, зажить обеспеченной жизнью собственника-землевладельца, маленького помещика.

Потрясенный, вышел Федоров от Ходкевича.

Настоящую душевную бурю выдержал он в эти дни. Ради любимого печатного дела покинул он родину; оно одно поддерживало и дало смысл его существованию на чужбине. Только здесь он по-настоящему понял, какую великую силу получает книга, когда ее быстро размножишь сотнями и тысячами сразу, и он по достоинству оценил свое книгопечатное искусство, увидев, как оно помогало родному народу, вооружало его для борьбы с насильниками — панами.

И после этого снова хотят отнять у него любимое дело. И если бы просто выгнали, тогда не о чем было бы размышлять, не было бы иного выхода, сама нужда толкала бы его вперед, куда глядят глаза, в поисках куска хлеба и пристанища. Но его не гонят. Его обласкали, подарили деревню, предоставили возможность обеспечить себя на всю жизнь. Уплатить за это надо было только отказом от своего призвания.

Беззащитному и беспомощному изгнаннику, бобылю, случайно нашедшему неверный приют на чужбине, нелегко было делать выбор между спокойной, обеспеченной жизнью и новыми скитаниями, где все было неизвестно, даже то, найдет ли он когда-либо возможность снова печатать книги.

Если даже ему не дорог был собственный покой, он мог создать благополучие своего единственного сына, ведь в нем одном была вся личная жизнь уже стареющего отца. Отвергая щедрый дар, он должен был и сына обречь на участь скитальца, бездомного бродяги. Порой ему казалось, что Ходкевич нарочно подарил деревню,

чтобы ослабить его волю, заставить изменить своему призванию, и он терзался в мучительных колебаниях и сомнениях. Этих дней Иван Федоров никогда не мог забыть. Прошли годы, и он рассказал о своих тогдашних переживаниях:

«Егда же прийти ему (Ходкевичу) в глубоку старость, и начасте главе его болезнию одержимя бывати, повеле нам работания сего (книгопечатание) престати и художьство рук наших нивочтоже положити, и в веси (деревне) земледеланием житие мира сего препровождати...»

Но положить «нивочтоже» свое мастерство Иван Федоров оказался не в силах. Он покончил со всеми сомнениями. Борец, общественный деятель, посвятивший всю жизнь служению своей идее, победил в нем. Он решился бросить все и итти искать новые возможности продолжать книгопечатание. Не корысть манила его; он отвергал всякую мысль об этом: «Не мните убо, яко от чрева глаголати или писати. Весть бо всяк (да знает всякий), от начала прочитаяй вкратце списаную сию историю, како от его милости пана Григория Ходкевича всякими потребами телесными, пищею и одеждою удоволен бех, но вся сия нивочтоже вменях: не уповах на неправду и на восхищение не желах, богатьства аще и много стекалося, не прилагах тамо сердца, но паче изволих всякие... скорби и беды претерпевати, да множае умножу слово божие», то-есть только бы иметь возможность печатать, размножать книги.

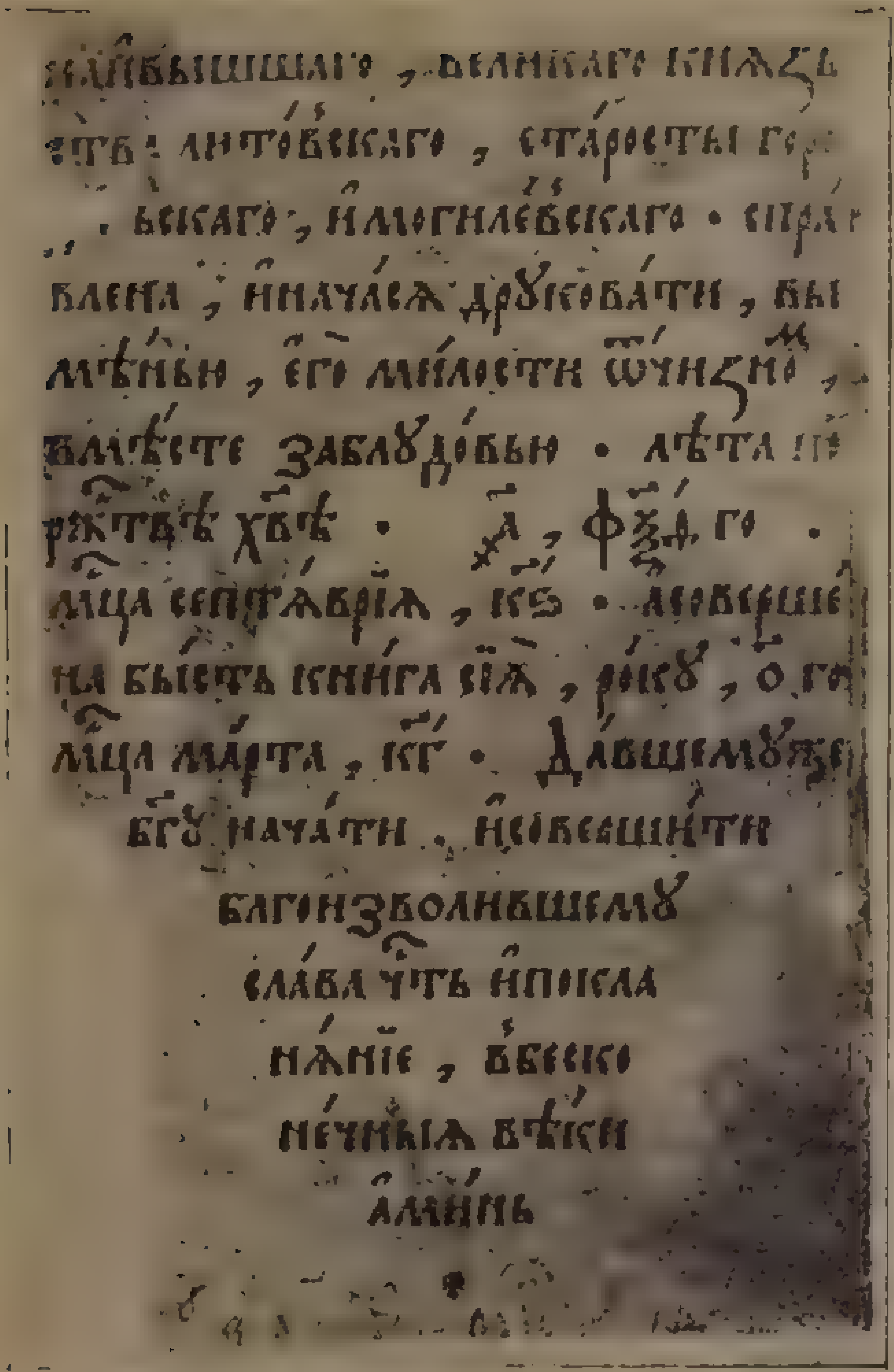
Обывательское прозябание в роли помещика не могло в глазах Федорова итти ни в какое сравнение с деятельностью книгопечатника. Добровольно отказаться от общественной деятельности и уйти в личную растительную жизнь было для него немыслимо. Он образно и метко определил свое призвание: «Не пристало мне в пахании да сеянии семян жизнь свою коротать: вместо сохи ведь у меня ремесло художественное, вместо семян житных —

духовные семена надлежит мне по свету рассевать и всем раздавать духовную эту пищу...»

Именно потому он и приходил в ужас от одной мысли, что может изменить своему призванию – может перестать печатать книги. Сын своего века, Иван Федоров, говоря о любимом деле, естественно облекал свою мысль в религиозную оболочку: «Более всего ужаснулся я владыки моего Христа, беспрестанно взывавшего ко мне: «Лукавый раб и ленивый! Зачем не отдал ты мое серебро торговцам, чтоб я мог получить с лихвой?» Этот образ, навеянный евангельской притчей, означал для Ивана Федорова упрек, почему перестал размножать печатные книги, и он говорит о себе, снова обращаясь к этой церковной притче о таланте, зарытом в землю: «Грех мне зарывать в землю талант, данный мне от господа». Думая о том, как бы он стал жить, не занимаясь книгопечатанием, Федоров представляет себе бесплодную смоковницу, «яко всуе землю упражняющу», и готов уподобить себя ее бесполезному существованию.

Эти тяжелые мысли и заставляли Ивана Федорова «тужить духом»: «И когда в уединение к себе приходил, множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердце своем».

Во всем этом скорбном рассказе звучит, конечно, не одна привязанность мастера к художеству рук своих, но, и это прежде всего, страсть борца за общественное дело. Заверение Ивана Федорова в том, что он готов претерпеть всякие горести и беды, лишь бы «множае умножить» печатное слово, ясно указывает на то, что он высоко ценил именно общественную сторону своего дела. Иван Федоров выступает здесь не только как человек, для которого книгопечатание стало призванием, но, прежде всего, как убежденный и активный участник борьбы русских в Западной Руси. Именно это заставило его уйти из Заблудова, когда Ходкевич сложил оружие.

наивышшаго, великаго княз-
ства литовскаго, старосты го-
. дескаго, и могилевскаго. спра-
влена, и начаша друковати, вы-
мении, его милости отчизном,
в местце заблудовьи. лета от
рождества христова. ,афо го.
месяца септевриа, кз. доверше-
на быесть книга сия, року, о го
месяца марта, кг. давшему же
богу начати, и совершити
благоизволившему
слава отцу и посла
нию, всеско
нечныя веки
аминь

Послесловие Ивана Федорова ко второй книге, напечатанной в Заблудове.

прекратил борьбу против ополячения: «И сего ради понудихся итти оттуда», пишет Федоров.

В 1572 году Иван Федоров оставил Заблудово и подаренную ему деревню. Старик Ходкевич умер. Сыновья его разрешили печатнику взять с собой типографские принадлежности, за что он сохранил благодарную память о них.

Взвалив громоздкий скарб на подводу, Иван Федоров с сыном и юным помощником Гринем бодро зашагал в новый дальний путь. Он задумал итти во Львов. В этом большом городе жило много русских купцов, денежных людей, это был крупный центр просвещения Юго-Западной Руси. Иван Федоров решил, что именно там должна быть открыта русская типография. Ему казалось, что он легко убедит в этом и тамошних русских деятелей и денежных людей. Они должны будут оказать ему поддержку.

Путникам предстояло преодолеть расстояние в пятьсот верст, почти без средств, без оружия для защиты от лихих людей. Не раз во время путешествия вспоминались Федорову москвитяне, побитые разбойными спасовскими панами. В довершение всех бед в местах, через которые лежал их путь, свирепствовала какая-то страшная эпидемия. Встречались села, целиком вымершие, а там, где еще оставалась жизнь, обезумевшие от несчастья жители боялись впустить путников на ночлег, продать им пищу. Они и сами с ужасом проходили сквозь обреченный край, страшась смертного дыхания морового поветрия.

Нелегко было совершать такое путешествие. И все-таки Иван Федоров снова преодолел все трудности. Они прибыли, наконец, во Львов.

Облегченно вздохнули путники, когда перед ними открылся вид большого богатого города и смертельная опасность осталась позади.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДРУКАРЬ ИЗ МОСКВЫ

Иван Федоров поселился в львовском предместье. Предоставив юношам разбирать имущество и устраивать новый очаг, он стал целые дни проводить в городе.

У него имелись типографские принадлежности, но нужны были еще средства на бумагу, на расходы по установке типографии, на помещение, наконец, на жизнь, пока будет печататься первая книга.

Он был убежден, что львовские купцы охотно дадут ему денег: дело его верное, книги нужны, их, конечно, скоро раскупят; купцы ничего не потеряют, если помогут ему.

И в самом деле, его всюду хорошо принимали. Имя Ивана Федорова уже было известно благодаря заблудовским изданиям. Он приносил их с собой вместе со своими книгами московской печати.

Купец рассматривал эти книги, сидя в своей богатой

горнице, окруженный роскошью, которой завидовали многие заносчивые паны, и, пока купец читал послесловия московского «Апостола» или заблудовского евангелия, Иван Федоров с надеждой обращал свой взор на поставцы с золотой и серебряной посудой, на развешанное по стенам оружие, украшенное драгоценностями, на затейливые шкатулки, в которых хозяева хранили перстни, ожерелья, кораллы и жемчуг. Вся эта роскошь внушала надежду, что хозяин согласится со своим гостем и даст ему денег на книжное дело.

Но радушный хозяин, просмотрев книги, возвращал их Ивану Федорову, а когда тот заговаривал о своей нужде, лицо хозяина становилось ласково-печальным, купец начинал ссылаться на трудные времена, на убытки, которые он недавно потерпел, и чем горячее старался Федоров доказать пользу и важность своего дела, чем настойчивее убеждал хозяина не только в выгоде, но и в великом значении печатного дела, тем холоднее делалось лицо хозяина. И так во всех домах, куда только ни приходил Федоров.

Вдобавок, он еще не умел взяться за дело. Начиная рассказывать о своей типографии, он увлекался и, вместо того чтобы подчеркивать перед купцом прибыльность дела, произносил страстные речи о том, как оно служит народу, помогает ему в борьбе за свою самостоятельность. Купцы слушали воодушевленного, самозабвенного энтузиаста и, конечно, не решались доверить деньги такому чудаку.

А Федоров с горестью и недоумением смотрел на богачей, не понимая, как могут они отказать в поддержке такому важному делу, тем более, что поддержка эта почти ничего не составляет для них: на ненужную, бесполезную роскошь они тратят в десятки раз больше.

Так ничего и не добился Иван Федоров у львовских купцов. Он обратился к высшему духовенству, наде-

ясь здесь найти больше понимания. Ведь его книги предназначены для русских церквей, в деятельности которых православные священники должны были быть заинтересованы, однако и здесь не получил помощи. Он добился только того, что некоторые священники оповещали о его деле в церквах и убеждали прихожан помочь ему. Но и призывы оставались без ответа.

Тогда Федорову пришлось действовать самостоятельно. Он обратился к простым людям, таким же беднякам, как он сам, и у них встретил сочувствие и поддержку. По грошам наскреб он небольшую сумму и приступил, наконец, к работе. Но тут он столкнулся с новыми препятствиями. Надо было нанять столяра, чтобы оборудовать типографское помещение. Это оказалось не так просто.

Во Львове сильны были средневековые цеховые порядки. Столярные мастера состояли в цехе, а подмастерья, ученики, среди которых было немало уже взрослых и достаточно опытных столяров, должны были работать только у этих мастеров, не имели права выполнять никаких заказов на сторону. По тем же цеховым законам Федоров не мог также держать у себя столяра, и на этой почве у него сразу произошел спор с местным цехом.

26 января 1573 года Федорову пришлось предстать перед советом города Львова, где разбирался спор. Совет стал на сторону цеха, запретил Федорову держать столяра и производить столярные работы. Было разрешено нанять столяра у записанного в цех мастера, но цех и на это не дал согласия.

Ни в Москве, ни в Заблудове не было цехов. Федоров не имел о них понятия. Впервые он столкнулся во Львове с цеховыми законами, и эти законы препятствовали его деятельности.

Только почти через год, в декабре 1573 года, совет разрешил, наконец, Федорову вызвать из какого-нибудь дру-

того места столяра, но обязал записать его к цеховому мастеру, от которого потом и нанять на полгода. Это, конечно, стоило гораздо дороже: Федоров должен был платить цеховому мастеру деньги ни за что ни про что. Но и такой столяр имел право изготовлять только одни типографские принадлежности и не смел выполнять для типографии (ни в ней, ни вне ее) обычной столярной работы — ни столов, ни скамеек, ни сундуков, шкафов, дверей и т. п. Однако и это не удовлетворило заправил цеха. Федорову приходилось все время преодолевать ограничения и препятствия, терять время и покой.

В такой обстановке Иван Федоров приступил 25 февраля 1573 года к печатанию первой на новом месте книги. В эти дни как раз исполнялось десять лет с тех пор, как он в Москве, на государевом Печатном дворе начал работу над первопечатным «Апостолом».

Изгнанный из Москвы преследованиями бояр и князей церкви, страдающий в скитаниях по незнакомому краю, Федоров насмотрелся здесь на еще более страшные страдания простого народа, крепостных крестьян. Он узнал равнодушие богатых, тупую злобу и вражду привилегированных цеховых мастеров. Каждый шаг в своем любимом деле он должен был делать, только преодолевая сопротивление и препятствия. И, оглядываясь на пройденный путь Иван Федоров решил поведать о нем всему миру Недаром владеет он могучим искусством размножать правдивое слово и сеять его в сердцах людей. Пусть же узнают люди о злых начальниках, о бездушных богачах, о невеждах и клеветниках, о всех, кто не хочет пустить книгу в народ, кто преследует честных людей, трудящихся на общее благо. Обо всем этом расскажет он, книгопечатник, с помощью своего искусства.

И Иван Федоров выбрал для издания ту самую книгу, первопечатный «Апостол», которая начала собой официальную деятельность Московского печатного двора.

Он снова, в изгнании, напечатал этот «Апостол», точь-в-точь, слово в слово по московскому изданию, но приложил к нему свое послесловие.

Львовский «Апостол» вышел в феврале 1574 года, через десять лет после выхода первопечатной книги в Москве.

Послесловие открывалось краткой историей типографии. Первопечатник считал, что она возникла не во Львове и даже не в Заблудове. Начало своей львовской типографии он видел в Москве: «...друкария сия составися в царствующем граде Москве. в лето 7071 (1563)...»

Он подчеркивал, таким образом, непрерывность, единство всей своей печатной деятельности, начиная с первого дня и до последнего момента. Пусть его московские ученики уже через два-три года забыли (или хотели забыть) о первой типографии, пусть они в своем послесловии к книге, напечатанной в Москве в 1568 году, утверждают, что их типография «составилась» именно в этом году, пусть ни словом не обмолвились они ни об Иване Федорове, ни даже о Макарии,— Федоров в своем львовском послесловии напоминает о подлинных основателях первой русской типографии.

«Сия же убо не туне начах поведати вам...» обращается Иван Федоров к читателю и рассказывает о «презелном озлоблении», которое случилось ему и Мстиславцу не от государя, но от многих начальников и священноначальников и учителей. Эти гонители «зависти ради многие ереси на нас умышляли, хотячи благое во зло превратити и божие дело в конец погубити». Клеветники и невежды преследовали книгопечатников: «Обычай есть злонравных и ненаученых, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовного разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша». (Подлинный текст послесловия дан в приложении к этой книге. *И. Б.)*

Иван Федоров безусловно был прав в оценке своих врагов, как людей «ненаученых» и даже прямо безграмотных; сам он, несомненно, стоял неизмеримо выше их и в нравственном, и в культурном отношении. Эта резкая, но правильная оценка исходила из уст человека скромного, отнюдь не склонного преувеличивать свои силы и достоинства: он сам в том же послесловии просит исправить его ошибки, если они окажутся в книге, ибо, говорит книгопечатник, он тоже мог ошибиться.

Но его московские гонители неспособны были обнаружить подлинные ошибки. Невежество и пороки духовенства поражали посещавших Россию иностранцев:

«...У русских очень много духовных лиц. Как они коверкают и путают евангелие с другими частями святого писания, — это, по слухам, удивительно. Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем. Судите теперь о их святости. У них вдвое больше земли, чем у самого великого князя, но по отношению к ним он действует умеренно. Когда они обирают простых людей и бедняков, он получает часть».

Так писал англичанин Ричард Ченслор, посетив Россию в 1553—1554 годах. Его характеристика целиком приложима и к гонителям первопечатника. Они действовали из ненависти к новому, они измышляли наветы из злобы и зависти, даже сами не разумея смысла своей клеветы: «Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи, не разумеет, како ходит и о чем утверждается...»

И с горечью упрекает Иван Федоров своих гонителей в том, что они изгнали его из отечества: «сия убо нас от земли и отечьства, и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели». Далее следует рассказ о том, как попали печатники к Григорию Ходкевичу, «любезно принявшему» их, и как вынужден был оставить его Иван Федоров и пуститься в новые скитания.

Рассказал он и о своем путешествии во Львов: «И в путь шествующу ми, многи скорби и беды обретоша мя, не точию долготы ради путного шествия, но и презелному поветрею дышущу и путь шествия моего стесняющу и, просто рещи (сказать), вся злая и злых злее».

И лишь попав во Львов, Иван Федоров вздохнул легко: все, что он перенес, «сну подобно и сени, преходят бо; яко же бо дым на воздусе благая и злая расходятся» Сын своего века, Иван Федоров, придя во Львов, творит молитву Но и молится он только о своем любимом деле. Он просил не отнимать у него словес истинных, дать ему возможность распространять эти словеса в его печатных книгах.

После этого он обратился к местным богачам: «И обтецах (обходили) многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них и метание сотворяя, коленом касаяся и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи, сотворях... не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием... и плакахся прегоркими слезами, еже не обретох милующего, ниже помогающего, не точию же в русском народе, но ниже в греках милости обретох...» И только «инии неславнии в мире» и некоторые «малые в иерейском чину», то-есть из низшего духовенства, помогли Федорову вопреки отношению высших духовных чинов.

Такова «вкратце списаная история» страданий и мытарств первого русского книгопечатника. В ней нет ничего вымышленного. Все позднейшие исследования не опровергли ни одного утверждения Федорова Наоборот, документальные данные подтверждают правильность сообщенных им фактов Так летопись Супрасльского монастыря, мимо которого лежал путь книгопечатника из Заблудова во Львов, также упоминает, и именно под

1572 годом, о страшной моровой язве, от которой вымирали целые села.

Львовское послесловие написано сильным и уверенным языком опытного литератора. Оно лишний раз подчеркивает, что Иван Федоров был не просто ремесленником, а высокообразованным, культурным человеком, стоявшим на уровне передовых идей своего времени.

Для его послесловий (и этого, и в первопечатной книге 1564 года) характерны конкретность содержания, насыщенность яркими фактами, взятыми из самой жизни, изложенными сжато, но ясно и энергично. Этим своеобразным реализмом они выгодно отличаются от туманных и малосодержательных, но зато перегруженных церковной мистикой послесловий в книгах, появившихся в Москве после Ивана Федорова. Чтоб убедиться в этом, достаточно прочитать для сравнения, как типичный образец, послесловие из книги, напечатанной в 1587 году, уже при сыне Ивана IV, царе Федоре Ивановиче:

«Всяко даяние благо и всяк дар совершен, сходяй свыше от отца светом; свет же есть истинный христос бог наш, иже сый сияние славы отча и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своея, собою очищение грехов наших сотворив, и седе одесную престола величествия на высоких, и оттуду всем полезная подавая, и всякое исполнение исполняя, озаряя и просвещая всякого человека, грядущего в мир, якоже и сам рече: аз есмь свет миру и ходяй по мне не имать ходити во тме, но имать свет животный. Той свет истинный, слово божие и сын отечь, воссия молнию светолучныя благодати в сердцы благочестивого царя нашего и государя великого князя Феодора Ивановича, всея Русии самодержьца, дабы царство его исполнилося божественных книг печатных: и повелением его великого государя благочестивого царя, и благословением преосвященного Иова митрополита всея Русии начата бысть печатати в бого-

хранимом и царствующем граде Москве...» и так до конца, все в том же духе. Ничего подобного нет в послесловиях Ивана Федорова.

Львовский «Апостол» Ивана Федорова был отпечатан так же тонко и искусно, как и все его работы.

Шрифты для этой книги были изготовлены по формам (пунсонам или матрицам), привезенным из Москвы. Украшения также были из московской типографии. Даже рамка на гравюре Луки была московская, только самое изображение Луки было вырезано заново. Наконец, в львовском издании точно совпадали с первопечатным «Апостолом» начало и конец каждой страницы.

Кроме послесловия, львовское издание отличается от первопечатного красиво исполненным рисунком в конце книги. Левая сторона рисунка изображает герб города Львова; правая — книжный знак Ивана Федорова.

Что хотел выразить первопечатник своим книжным знаком или гербом? Одни находят в нем подражание книжному знаку Альда Мануция, который изобразил дельфина и якорь: с дельфином будто бы сходна изогнутая полоса в гербе Федорова, а с якорем — венчающий ее наконечник стрелы; другие видят в изогнутой полосе извив реки, а в стреле — угольник, необходимое орудие при изготовлении букв.

Изображение реки, по мнению некоторых толкователей, должно было напоминать древнее русское изречение: «Книги суть реки, напояющие вселенную...» А угольник мог служить эмблемой типографского искусства или в качестве стрелы указывать на его назначение — широко распространять просвещение.

Сам Федоров не оставил толкования своего книжного знака. Во всяком случае, появление его в книге, изданной Федоровым в собственной типографии, говорит о стремлении Федорова определить, подчеркнуть и сохранить свое самостоятельное лицо, как книгопечатника.

Этот герб появляется и в его последующих работах, с его именем и со словами: «Печатник из Москвы».

Иван Федоров был редкий мастер, художник книгопечатного дела и мог бы, конечно, извлечь из него большие личные выгоды, если бы взялся вместо русских книг печатать польские, если бы поставил свое печатное искусство на службу панам. Как раз в это время он мог наблюдать, как процветает в Польше ловкий деляга типографщик Шарфенберг, который сумел сделаться типографом королевской канцелярии, получить кучу привилегий, даже освободиться от обычной подсудности городским властям.

Но все эти блага не прельщали Ивана Федорова, он был и оставался до конца своей жизни русским печатником — Impressor Ruthenus, как именовал он себя в официальных бумагах и документах При этом он вовсе не был узким сектантом, ограниченным человеком. Он быстро приспособился к новым условиям; в своих книгах не стеснялся употреблять слова, взятые из польского, свою типографию он уже называет друкарней; он принял (впоследствии) заказ польского правительства на отливку пушки, когда Польша заключила мир с Россией. Но свое книгопечатное дело он никогда не ставил на службу никому, кроме своего народа.

Книга была отпечатана. Надо было браться за новую работу. Чтобы выбиться из нужды, теснившей со всех сторон, приходилось упорно и беспрерывно трудиться. Надо было вновь доставать бумагу и печатать новые книги. Средства на это можно было выручить от продажи первой книги львовской типографии. Но книги не продаются так быстро. Нужно время, чтоб их распространить. Нужно терпеливо ждать, пока они снова превратятся в деньги. Но Федоров не мог позволить себе роскошь

бездейственного ожидания. Ему нужны деньги немедленно, чтобы приобрести материалы и начать работу снова. Он обращается к ростовщикам. Теперь дело уже внушает доверие настолько, чтобы ссудить ему деньги под ростовщические проценты: в крайнем случае, всегда ведь можно забрать за долги книги и типографское имущество.

Торговцам же он поручает и продавать свои книги. Прежние переписчики книг могли работать непосредственно на отдельных лиц, выполнять частный заказ. Ивану Федорову приходится отдавать свои книги купцам, и те, конечно, не упускают случая положить в карман значительную часть вырученных денег. Они наживаются на его тяжелом труде. Через три месяца после отпечатания «Апостола», 12 мая 1574 года, Федоров уже уполномочил своего соседа Кассиана взыскать с некоего Ивана, очевидно купца, тридцать два злотых за взятые у него книги.

В том же месяце Федоров берет взаймы у соседа Сеньки Седельника (Сидляра) семьсот польских злотых. Деньги большие. За десять злотых можно было купить хорошую рабочую лошадь. Ссуда дана была на восемь месяцев под залог типографии. Ростовщик Сенька Седельник, судя по его прозвищу, был, видимо, разбогатевший ремесленник, выбившийся в купцы. Оказывая соседскую услугу Ивану Федорову, он опутывал его ростовщическими сетями.

Во Львове Федоров продолжал обучать Гриня. Научив всему, что умел сам, — художественно отливать шрифты, тонко полировать каждую букву, — он отдал Гриня в ученье другим мастерам и, несмотря на собственную нужду, ухитрялся выкроить средства, чтобы платить за обучение своего помощника. Благодаря Федорову Гринь усвоил еще малярное и столярное дело.

У соседа Сеньки Седельника был сын Сашка. Он тоже интересовался делами печатника. Но его привлекало

не самое ремесло, не искусство книгопечатания. Он все высчитывал, сколько можно заработать на напечатанных книгах, где и кому можно их продать. Сашка был в курсе всех денежных счетов отца с Федоровым и быстрее его мог в любой момент вычислить, сколько уже должен уплатить печатник за полученную ссуду. Он очень скоро сообразил, что дело Федорова выгодное, но что самому печатнику, постоянно занятому в мастерской, не шныряющему по базарам и ярмаркам и не умеющему завязать нужные знакомства, не сбыть своего товара и не обойтись без посредничества.

Про себя Сашка решил не отставать от печатника, при котором можно поживиться. И он всегда вертелся возле Федорова, интересовался его делами, лез в дружбу, приводил покупателей на книги, не забывая при этом, конечно, собственной выгоды.

Очевидно, Федоров еще что-то напечатал в своей львовской типографии, но, что именно, неизвестно: другие книги из его типографии до нас не дошли, остались лишь глухие намеки в городских бумагах.

Ивану Федорову не удалось поставить дело на прочную материальную базу. Типография не только не приносила дохода, несмотря на очевидную выгодность этого предприятия, но даже не возмещала расходов. Книгопечатник все более запутывался в долгах и скоро убедился в полной невозможности вести так дело дальше.

В это тяжелое время Иван Федоров получил приглашение от князя Острожского устроить типографию в его имении.

Имя Острожского было знакомо Федорову. Константин Острожский вместе с Григорием Ходкевичем боролся против Люблинской унии в 1569 году. В последние годы о нем все чаще говорили, как о защитнике православия, человеке, ненавидящем иезуитов и борющемся против ополячения. С этой же целью хотел он завести и

типографию. Иван Федоров принял предложение. Типографию и книги он оставил сыну и покинул негостеприимный Львов.

События в Юго-Западной Руси за время пребывания там Ивана Федорова нарастали с необычайной быстротой. Со времени Люблинской унии польские паны приобретали все большую власть, оттесняя литовских магнатов. Но особенно усилили они притеснения в Юго-Западной Руси. Пособниками и вдохновителями польских панов и короля Польши оказались иезуиты.

Иезуитский орден, основанный лет за двадцать до описываемых событий, имел своей целью распространение католичества всюду, где это представлялось возможным. При этом открытую проповедь своих взглядов иезуиты считали последним и наименее ценным средством. Они предпочитали более «верные» пути: обман и шарлатанство, лицемерие, шпионаж и, наконец, грубое насилие, как только перевес оказывался на их стороне. Иезуиты появились в Польше около 1565 года.

Иван Федоров, прибыв в Юго-Западную Русь, мог видеть первых иезуитов. Но они держались тогда еще скромно, не выдавая своих замыслов. Они только втирались в доверие и старались быть ласковыми со всеми.

Мы увидим дальше, какими гнусными средствами достигали они осуществления своих планов. А планы их в Юго-Западной Руси заходили очень далеко. Папа римский и польский король пытались ввести католичество в России, рассчитывая таким путем завладеть страной, которую невозможно было победить силой оружия.

Так, польский король Стефан Баторий, захватив в войне с Россией город Полоцк и не надеясь удержать его долго силой оружия, поспешил призвать на помощь иезуитов. В письме к ним он писал: «Зачем вам ездить в

Индию и Японию с пропагандой? Есть ближе земля русская, именно город Полоцк, где народ невежествен в делах божиих...» Виды поляков простирались гораздо дальше одного Полоцка. Они подсылали иезуитов и к Ивану IV. Но в России легко раскусили иезуитские замыслы и их подоплеку. Потерпев здесь неудачу, иезуиты решили, что для успеха в России им нужно начать с Юго-Западной Руси, благо население находится во власти польских панов, его можно силой заставить принять католичество; а тогда через него можно будет начать влиять и на остальной русский народ.

Иезуиты стремились навязать юго-западному населению новую веру именно для того, чтоб ополячить его, целиком подчинить польскому королю и польским панам. Они убеждали польского короля, что католическая вера есть та единственная сила, с помощью которой можно завоевать и держать в покорности царства и народы. И король, конечно, не заставил себя долго убеждать. Он предоставил иезуитам крупнейшие средства и привилегии за их помощь в ополячении южнорусского населения.

Иезуиты не могли скрыть своей ненависти к русскому народу, ко всему русскому. Они высмеивали все его обычаи и обряды, как, например, брак священников.

Иезуит Скарга, восхваляя безбрачие католического духовенства, писал в 1577 году: «Брак сделал в Руси то, что священники омужичились». Но еще большее зло он видел в русском языке: «Еще хуже то, — писал он, — что греки передали славянам свою веру на славянском языке, а не на греческом. Какой же язык славянский? Способен ли он передать богословские и научные понятия? Всему свету известно, что наука преподается лишь на латинском языке, как прежде преподавалась на греческом. Не было в мире ни академий, ни коллегий, где бы науки, например, философию или богословие, излагали на славянском языке...»

И лицемерный Скарга елейно уговаривал: «...Итак, чего ждать тебе, западнорусский народ! Брось греков и москалей, от них не будет добра, и обратись к Риму. И как это обращение будет полезно гражданскому союзу и государственной силе Польши... Что же мешает соединению с нами? Полуязыческая и варварская Москва, которая держит тебя в схизме (то-есть в греческой вере)? Но неужели не отвергнешься от этой погибшей своей сестры?» и т. д. и т. п.

Но все лицемерно-сочувственные доводы не дали ожидаемых иезуитами плодов, и они решили, несмотря на всю свою ненависть к русскому языку, повести пропаганду на русском языке, начали издавать свои сочинения на русском языке; это делалось только в надежде на то, что им удастся вскоре вытеснить русскую письменность и ввести латинскую. Впрочем, хлопотливой и малоуспешной для них пропаганде они предпочитали гораздо более привычные и легкие пути.

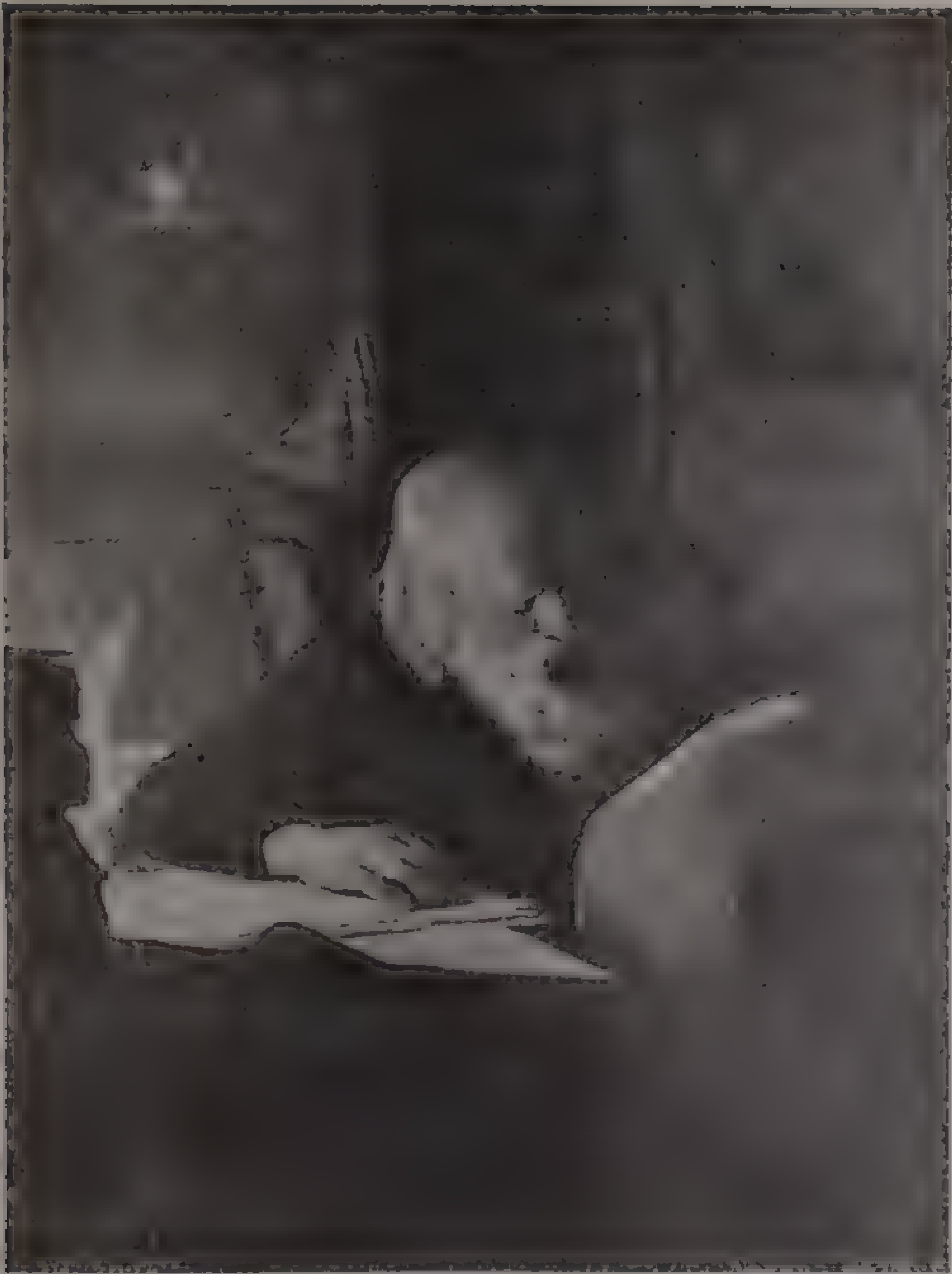
В Польше существовал закон, по которому помещик имел право обратить всех своих крепостных в свою собственную веру. Закон был дан королем в виде уступки помещикам-некатоликам, чьи крепостные находились в особенно унизительном и тяжелом положении, но почти не применялся ими. Иезуиты вытащили этот закон и повернули в свою пользу. Теперь, рассудили они, остается обработать только немногочисленную верхушку южнорусских магнатов, убедить их принять католичество, и тогда волей-неволей всему русскому населению придется последовать за своими господами. Иезуиты ловко и осторожно стали втираться в русские дворянские семьи. Не удалось избавиться от них даже семьям Ходкевича и Острожского.

Наметив дворянскую семью, иезуиты прежде всего обращались к женщинам. Они морочили им головы своими шарлатанскими выходками, прикидывались друзья-

ми дома, давали благожелательные советы, вмешивались в семейные дела, в воспитание детей; знакомые немного с медициной и тщательно скрывая это, они «чудесно» исцеляли больных, ловко создавая себе прижизненную славу святых и чудотворцев. Иезуиты навезли кучу костей всяких «мучеников», массу гипсовых, но не менее от того священных барашков и раздаривали их с отпечатанными на бумажке религиозными стишками. Сами они на первых порах отказывались от всяких подарков, изображали из себя людей, отрешившихся от всего земного, забывших о себе и заботящихся только о ближних.

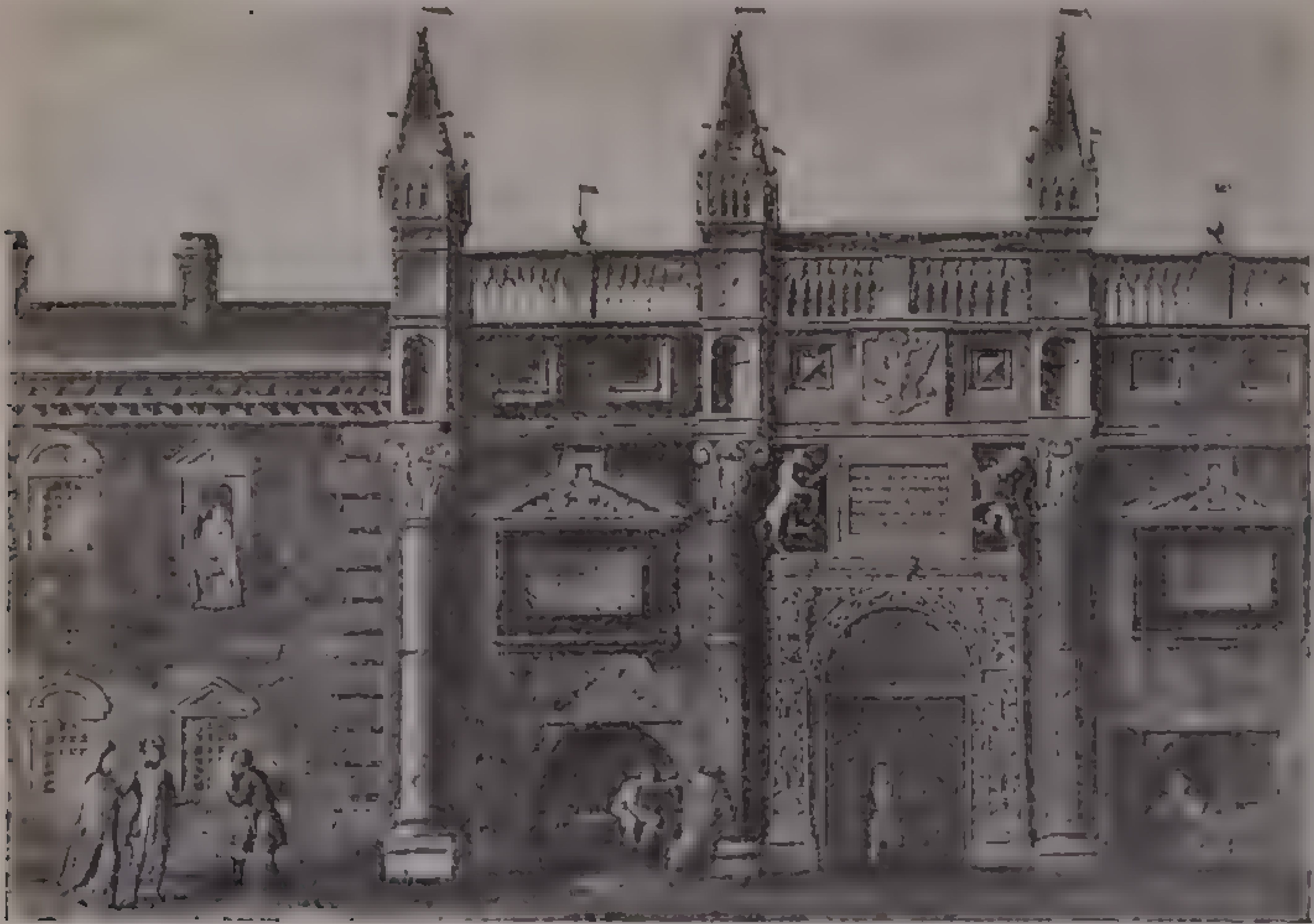
Добившись доверия от своей жертвы, «иезуитской девотки», как называли себя их поклонницы, иезуиты начинали пользоваться ею, как слепым орудием для влияния на всю семью. Если же намеченная ими жертва не желала подчиниться, они беспощадно преследовали ее. Так они довели до сумасшествия молодую здоровую женщину — близкую родственницу князя Острожского. Склонив на свою сторону ее мать — старую княгиню Беату, невестку Острожского, иезуиты задумали с помощью старухи обратить в католичество и ее дочь Елизавету. Но князь Острожский вступился за любимую племянницу. Она вышла замуж за православного князя Дмитрия Сангушко. Иезуиты и старая княгиня начали ожесточенную травлю Сангушко, оклеветали его и вынудили бежать в Чехию; по дороге его убили, а Елизавету насильно выдали замуж за поляка и ревностного католика графа Гурко. Князь Острожский снова в защиту своей племянницы вступил в борьбу с иезуитами, но Елизавета не вынесла преследований иезуитов и сошла с ума. Острожский взял ее к себе, и несчастная жертва иезуитов прожила у него до самой своей смерти.

Недалеко от нее ушли и поклонницы иезуитов; чтобы привлечь их на свою сторону и подчинить своему безусловному влиянию, иезуиты превращали их в настоящих

Летописец.

С картины А. Новоскольцева.

Московскій печатный дворъ въ XVIII вѣкѣ.

Съ современной гравюры.

истеричек и психопаток. Они достигали этого целой системой молитвенных упражнений, сводившихся к утонченному садистскому издевательству над человеческим телом и духом. Так, кроме изнурительных дневных и ночных молитв, иезуиты предписывали своим жертвам погружаться в размышления о загробной жизни, о страшном суде, о муках в различных отделениях ада за всевозможные грехи и, прежде всего, за иноверие. «Размышлять» надо было со всей силой воображения, так, чтобы живо видеть и самому переживать все страсти, уготованные в аду грешникам: и поджаривание на медленном огне, и вырывание ногтей и мяса, и прочее. Но и этого иезуитам было мало. Они заставляли своих жертв подвергать себя благочестивым самобичеваниям, сечь себя до крови. Мучители доводили своих последователей до полного физического и нравственного изнурения. Так создавались психопатки и психопаты, слепые орудия в руках иезуитов.

До чего доходили эти «иезуитские девотки», видно на примере одной из них. Заставив всех своих крестьян креститься у ксендзов, она приказала у малюток, которых крестили по православному обряду, выжигать раскаленным железом клейма на лбу, груди и плечах. Сами иезуиты вынуждены были признать достоверность этого факта.

Иезуиты принялись также за подрастающее поколение. Они открывали школы, истинную цель которых — подготовить из детей послушных проводников своей политики — иезуиты тщательно скрывали. Они изображали дело так, будто заводят школы исключительно с целью дать дворянству возможность обучить и воспитать своих детей. Этому обману поддались многие южнорусские магнаты-некатолики.

Школа была для иезуитов лишь опытным полем, где они испытывали детей, выискивали среди них будущих

исполнителей своей воли. Некоторые не выдерживали изнурительных испытаний и упражнений. Так, иезуиты досмерти замучили в своей школе мальчика Станислава Костко, принадлежавшего к богатейшей южнорусской семье, одной из первых, куда иезуиты сумели пробраться. Замучив мальчика, иезуиты объявили его святым и подарили его голову одному из распространителей католичества в Юго-Западной Руси. Одураченная «девотка», потерявшая сына, могла получить удовлетворение в том, что в ее семье завелся собственный святой.

Склонив на свою сторону ряд русских дворянских семейств, иезуиты распоясались. Они требовали, чтобы магнаты силой приводили народ в католичество; от лести и уговоров иезуиты стали переходить к угрозам и насилиям, начали закрывать русские церкви, превращать их в костелы, захватывать монастыри. Участились издевательства над священниками; их ловили на улицах, избивали, выстригали на макушке тонзуру. Затем взялись и за церковные книги, стали подделывать и подправлять их в католическом духе. Все усиленнее стали прибегать и к печатному станку, издавать брошюры в пользу католичества. В таких условиях особенно необходимо стало в борьбе против ополячения обратиться к помощи книгопечатания. С этой целью князь Острожский и пригласил к себе Ивана Федорова, печатника из Москвы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОСТРОЖСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Федоров увидел коренастого, немного неуклюжего человека, который как будто не имел шеи. Удлиненное, но вместе с тем одутловатое лицо Острожского оживлялось мыслью, светившейся во взгляде маленьких глаз. Было ему лет под пятьдесят.

По сравнению с мужиковатым Ходкевичем этот человек выглядел важным вельможей. Предки князя Константина Константиновича Острожского были когда-то удельными князьями в Западной Руси. Острожские сумели и при литовском владычестве сохранить вес и богатства, превратившись в подручных литовского князя.

Князь Константин Константинович унаследовал от своих родных несметное богатство. Двадцать пять городов, десять местечек и шестьсот семьдесят селений входили в его владения. Они приносили миллион двести тысяч злотых дохода в год.

Свою молодость он провел, как обычно люди его круга, в удовольствиях и развлечениях светской жизни. Но в описываемое время он уже был увлечен общественной деятельностью. Это был один из тех чрезвычайно немногочисленных интеллигентных представителей западнорусского дворянства, которые примкнули к борьбе своего народа против ополячения. Богатый и могущественный князь скоро стал центром западнорусской партии.

Острожский убедился в необходимости воспользоваться, и в гораздо большей мере, чем до того, оружием, к которому усиленно стали прибегать иезуиты, — печатным станком. Князь сообщил Ивану Федорову, что решил напечатать библию, в которой испытывалась особая нужда, так как она была очень редка. У самого князя книги, во всяком случае пригодного экземпляра, не было. Он обратился за ней к царю Ивану IV, обрисовал нужду в ней, указал значение ее распространения в Западной Руси, и Иван IV прислал ему рукописную библию. Острожский предложил Федорову напечатать ее, но хотел поставить это дело основательно. Он решил достать еще несколько списков и издать наиболее точный, по тогдашним представлениям, проверенный текст. На это требовалось время, и Острожский предложил Федорову, пока будет итти предварительная работа, в виде вознаграждения за предстоящие труды, выгодную и почетную должность управителя (справцы) монастыря.

Среди имений князя Острожского находился также Дерманский монастырь. Согласно порядкам, введенным в Польше, монастыри принадлежали крупным феодалам, имевшим право назначать туда управителей по своему усмотрению. Однако долгое время права князя были ущемлены: управителем назначен был королевским указом дворянчик Михаил Дчуса, лицо светское, ставленник враждебной Острожскому католической партии. В начале марта 1575 года князь Острожский прогнал Дчусу из

монастыря. Сделал он это обычным в те времена способом: наехал с вооруженными слугами и «выбил и выгнал» (как выражается сам Дчуса в своей жалобе) его из монастыря, посадив на его место Ивана Федорова.

Однако это место вовсе не оказалось таким спокойным, как полагал Федоров.

Не прошло нескольких недель, как Ивану Федорову пришлось принять участие в драках и разбойничьих наездах, обычных в панской Польше.

Теплые мартовские ветры быстро высушивают землю. Наступает пора сеять. Готовились к севу и принадлежавшие монастырю села. Иван Федоров энергично хлопотал по монастырскому хозяйству. Однажды в такой хлопотливый день к нему явилась толпа крестьян из соседнего села Спасова вместе со своими помещиками. С шумом и гамом окружили Федорова; больше всех кричали, наседая на справцу, паны Есек и Василий Спасовские. С трудом понял, наконец, Федоров из их крика, что крестьяне села Кунина, принадлежавшего Дерманскому монастырю, самовольно захватили и запахали землю спасовцев; а село Спасово вовсе не принадлежит его милости князю Острожскому, а всегда принадлежало и принадлежит ее милости вдове Ходкевичевой.

Это было то самое Спасово, помещики которого отличались своим разбойным нравом и безнаказанно теснили соседей, запугав их беззаконными насилиями и вооруженными наездами. Пока жив был Григорий Ходкевич, хотя и не обитавший в этих своих волынских владениях, спасовские паны оставались безнаказанными. После его смерти спасовцы вскоре должны были убедиться, что для них прошли хорошие времена. Соседи начали мстить своим стародавним обидчикам.

Но Иван Федоров хотел оставаться справедливым. Он внимательно выслушал жалобщиков и обещал удовлетворить их претензии. Спасовцы вернулись от него

успокоенные. Однако об этом узнал князь Острожский и остался недоволен. Вызвав к себе Ивана Федорова, он указал на то, что спасовцы — старые забияки и обидчики; если их теперь теснят, то это их соседи только отстаивают свои права, незаконно присвоенные спасовцами; он, князь Острожский, всегда поддержит противников Спасова и справце своего монастыря предлагает поступать так же.

Настало время уборки. Спасовцы, полагая, что засеянное на их земле принадлежит им, скосили и сложили в копны хлеб, засеянный куниницами. Куничицы рассудили иначе: хлеб, ими посеянный, принадлежит, конечно, только им. Они решили свезти скошенный спасовцами хлеб к себе. Князь Острожский поддержал их. Но выяснилось, что спасовцы предусмотрительно оставили на поле охрану. Тогда князь прислал в монастырь своих вооруженных людей и велел Федорову ехать на спасовские поля отнимать хлеб силой. Произошло побоище. С этого времени взаимные набеги и побоища происходили до самой осени. Куниницы врывались в село Спасово, избивали и грабили спасовцев. Спасовские паны ездили в город и, не осмеливаясь тягаться с самим могущественным князем, таскали в суд справцу монастыря, Ивана Федорова. Не очень приятно было известному и уважаемому друкарю итти на суд в качестве обвиняемого в разбое и грабежах, но еще тяжелее было ему участвовать в вооруженных налетах и присутствовать при избиении крестьян, когда целиком оправдывалась пословица «паны дерутся, а у хлопов чубы трещат». Разбойный нрав спасовских помещиков дорого стоил их крепостным. В конце концов, хлопотами Ивана Федорова тяжба между спасовцами и куниницами, продолжавшаяся полтора года, была улажена в сентябре 1576 года.

Но должность справцы монастыря опостылела Федорову. Он лишний раз убедился, что не имеет ни призва-

К. К. Острожский.

С современного портрета

ния, ни способностей к подобного рода хозяйственным занятиям.

И он стал усиленно просить князя освободить его от этой должности, за которую готовы были драться столько любителей жить на чужой счет.

Типография еще не могла начать действовать. Руко-

писи, которая целиком удовлетворяла бы требованиям, еще не было в руках князя. Дать в набор московскую библию Острожский не решался, так как в ней были разночтения, вызывавшие недоумение. Некоторые советовали князю вовсе отказаться от намерения напечатать библию на славянском языке, убеждали, что намерение это несбыточное, даже опасное. Хотя князь, получив от Ивана IV книгу, и пригласил печатника, дело это из за сомнений и колебаний приостановилось. Однако Острожский решился снова взяться за него. Он разослал людей в разные страны — в Турцию, где сохранились греческие монастыри, Болгарию, Сербию. Согласившись, наконец, на просьбы Федорова освободить его от обязанностей справцы, князь предложил ему отправиться в путешествие по дальним монастырям на поиски нужной книги. Это предложение Федоров принял охотно. Он имел опыт больших путешествий; еще во Львове, встречаясь с греческими купцами, усвоил он их язык. Наконец, самая цель путешествия привлекала его. Ему предстояло иметь дело с книжными людьми, предстояли интересные встречи и беседы, которые могли обогатить его ум, возвысить душу; это совсем не то, что разбойные наезды на несчастных мирных тружеников.

Иван Федоров отправился в путешествие. По дороге, в июне 1577 года, он зашел во Львов, повидался с сыном, затем отправился дальше. За несколько месяцев Федоров побывал в Валахии и Турции и в конце октября вернулся во Львов, а оттуда в Острог.

Посланные князем люди достали нужные книги.

Получив несколько списков библии, князь решил, что теперь уже можно приступить к изданию. Несколько человек засело за подготовку рукописи: из разных списков подбирали отдельные, наиболее удовлетворительные части. В этой работе участвовал и Иван Федоров.

Кроме того, он начал вместе с Гринем подготавли

вать типографию, отливать шрифты, готовить необходимые приспособления. В Остроге Федоров заключил с Гринем условие: он разрешил Гриню свободно заниматься теми ремеслами, которым Гринь у него обучился: малярным, столярным, резным, вырезыванием на стали. Гринь, в свою очередь, обещался никому без разрешения Ивана Федорова не делать шрифтов, не вырезывать букв. В хлопотах незаметно шло время. В 1579 году Федоров снова приезжает несколько раз весной и летом во Львов за бумагой и по другим нуждам острожской типографии. Денег у Федорова попрежнему нет. Он пользуется своими кратковременными поездками во Львов и закладывает местному купцу еще сто сорок книг за ссуду в двести — двести двадцать злотых; закладывает и свою львовскую типографию, остававшуюся в бездействии.

Наконец, с начала 1580 года Иван Федоров снова стал к печатному станку во вновь созданной им острожской типографии.

В 1580 году Иван Федоров отпечатал псалтырь и Новый завет. Книге он предпослал предисловие, в котором называл ее «первым овощем от дому печатного острожского». Судя по некоторым выражениям, встречающимся в предыдущих произведениях Ивана Федорова, можно предполагать, что он сам писал и это предисловие. В нем совершенно ясно высказана цель, с какой создана была острожская типография. Федоров говорит о том, что это «желаемое бытийское дело» создано «в насаждение всему народу русскому», что оно приобретает важное значение «паче же в нынешнее время», когда, как указывает Иван Федоров, цитируя, по обыкновению своего времени, церковные тексты, церковь страждет не только от чужих, но и от своих, которые изменили ей. В этих словах содержался явный намек на западнорусское дворянство, изменившее своему народу,

ставшее на сторону его врагов — польско-литовских панов. Предисловие заканчивается греческим текстом — доказательство того, что Иван Федоров владел этим языком и умел изготовлять греческий шрифт.

В книге было около тысячи страниц. Весь текст набран шрифтом, изготовленным по новым формам (пуансонам), и отпечатан в две краски.

Тогда же Иван Федоров напечатал книжку в пятьдесят три листа — алфавитный указатель к Новому завету: «собрание вещей, нужнейших вкратце, скорого ради обретения в книзе Нового завета, по словесем азбуки...» В заглавии назван был и составитель этого указателя: Тимофей Михайлович. Это была первая печатная книга на русском языке, в которой современный автор уже не обезличивается, приобретает индивидуальность.

Вскоре Федоров напечатал и другую книгу — библию. По своему замыслу, размаху и выполнению это было выдающееся событие своего времени. Эта замечательная печатная работа Федорова оставалась непревзойденной еще долгое время спустя. Шрифты, верстка, печать изумительно хороши и изящны. Книга напечатана шестью разными шрифтами, из них два греческих. Это толстый том в 1 256 страниц, каждая страница делится на два столбца, в каждом столбце пятьдесят строк убористой печати. Кроме того, в ней огромное количество заставок и художественных украшений.

В книге был напечатан герб владельца типографии Константина Острожского. Но, кроме того, Федоров напечатал и свой, известный уже нам, книжный знак, подчеркивая тем, что он продолжает сохранять свою самостоятельность и индивидуальность, как печатник, что создание такого шедевра книгопечатания дело его рук, а отнюдь не одного владельца типографии Острожского.

Описать красоту этого издания, как и других книг Ивана Федорова, невозможно. Их нужно видеть. Во вся-

ком случае, их типографское выполнение признано верхом совершенства не только для своего времени, но и для позднейшего.

И этот колоссальный труд, требовавший от книгопечатника затраты исключительных не только духовных, но и физических сил (работа в тогдашней типографии у громоздкого печатного станка была совсем не легка), выполнил старик. Эта книга должна была отнять последние остатки недюжинных сил русского первопечатника.

Книга была готова летом 1580 года. Об этом свидетельствуют выходные данные на некоторых экземплярах ее.

Но широкое распространение ее задерживалось тем что не были еще готовы предисловия. Их должно было быть несколько: стихотворная похвала князю Острожскому за начатое им дело, предисловие самого князя (или написанное кем-либо от его имени), предисловие книгопечатника Ивана Федорова. Все это составляло целую отдельную тетрадку, состоящую из различных произведений различных авторов. Имя сочинителя хвалебных стихов, Герасима Даниловича, также было названо здесь. Таким образом, предисловия к церковной книге приобретают уже совершенно самостоятельный характер, по своему содержанию они не имеют почти ничего общего с самой книгой и служат для выяснения современниками задач, которые стоят перед ними, в данном случае — задачи борьбы против ополячения. Эти произведения получают настолько важный самостоятельный характер, что из-за неготовности их задерживается чуть ли не на год выход самой книги.

Впервые встречаем мы в печати русские стихи, возникающие только в XVI веке. Это были очень слабые, на наш взгляд, рифмованные строки. Книга именует их «двострочным согласием». Приведем отрывок из этого стихотворного предисловия. Он любопытен по своему

стилю и ясно характеризует причины, побудившие князя заняться издательской деятельностью:

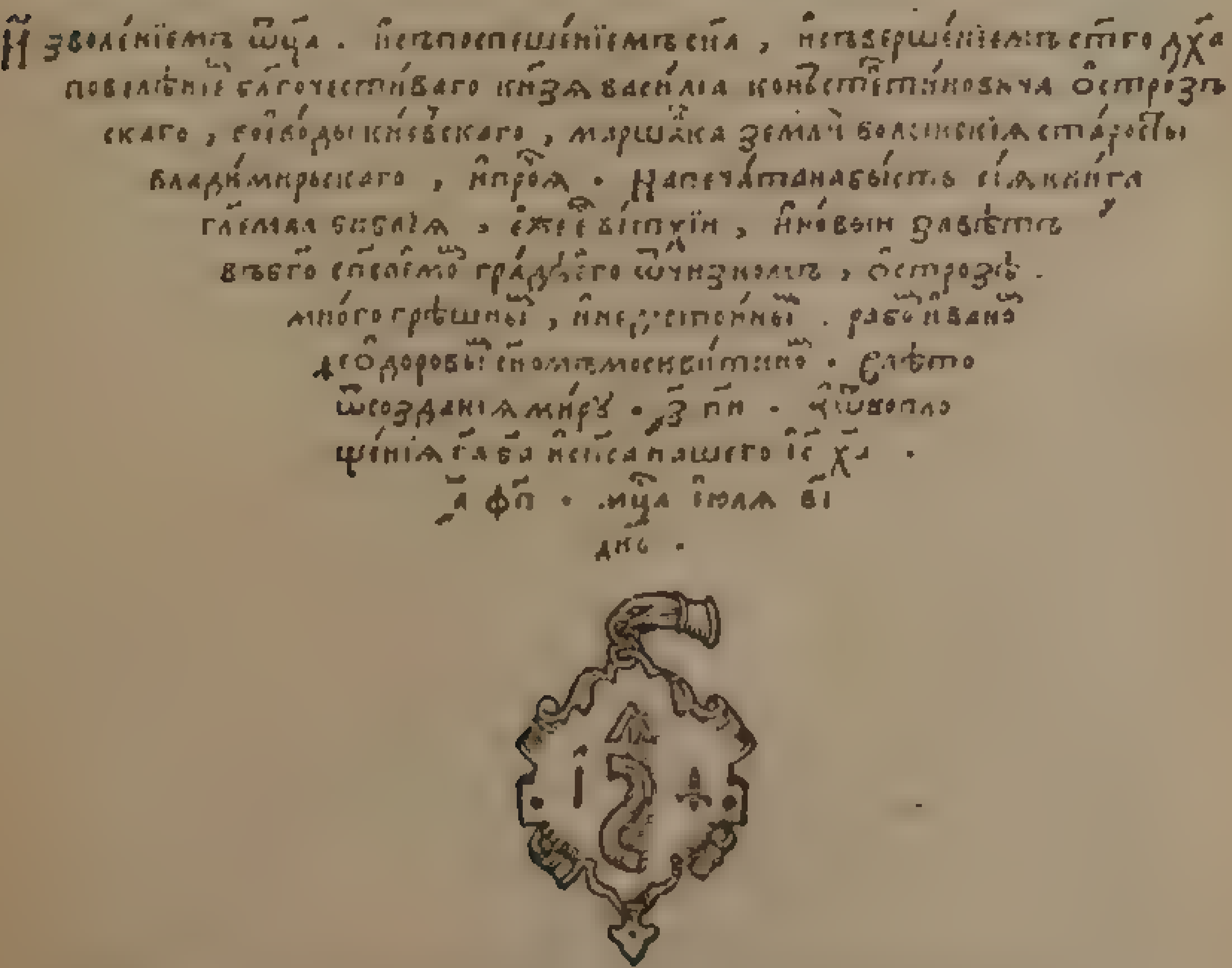
…Всякого чина православный читателю,
Господу богу благодарение воздаимо яко благодателю.
Сподобил убо нас, аще и напоследок летом,
Познати волю свою со благим ответом
Все время люто и плача достойно,
Ужаснется, сие зря, сердце богобойно:
Яких много супостат, яких хищных волков,
Бесовских наваждений еретических полков.
Бог же положи в сердце благоверна князя,
Да им явит нам душе спасны стезя.
Восточныя церкве в русийском народе,
Ее же светлость сияет в поганской неволе.

Князь Острожский в своем предисловии еще более ясно проводит политическую линию этого издания. Указав, что долгое время нигде не мог найти пригодного списка библии, он особенно подчеркивает, что нужную рукопись получил от царя Ивана IV, о котором отзывается с большой почтительностью: «Только от благочестивого и в православии изрядно сиятельного государя и великого князя Ивана Васильевича, Московского и прочая… получил совершенную библию…» Эта библия, указывает Острожский, была переведена на славянский язык еще при великом Владимире, крестившем Землю Русскую. Так Острожский настойчиво подчеркивает связь своего дела с Москвой, со всем историческим прошлым русского народа. В то время, когда польские паны и иезуиты старались оторвать юго-западный русский народ от России, такое печатное выступление Острожского имело исключительно большое значение для населения.

В заключение следовало и предисловие книгопечатника, указывавшего, что эти книги напечатаны им, «Иоанном Федоровым сыном, з Москвы, в граде Остроге, в лето 1581, месяца августа, 12 дня»

Отпечатав библию, Иван Федоров вернулся во Львов. Острожская типография продолжала существовать. Прошло несколько лет, и в ней напечатаны были, среди других, произведения Максима Грека.

Книгопечатание было для Ивана Федорова единственным оружием, которым он мог наносить врагу наиболее сильные удары. Князь Острожский мог пользоваться многими средствами. Но он воздерживался от более решительных мер, высказывался против вооруженной борьбы. Между тем, он сам писал, что сторонники

Послесловие Ивана Федорова и его книгопечатный герб в Острожской библии.

русского народа могут выставить против иезуитов двадцать тысяч вооруженных бойцов, в то время как иезуиты, насмешливо замечал Острожский, могут превзойти эту силу только числом своих кухарок, которых они держат у себя вместо жен.

Но крупный магнат, оказывая помощь в борьбе родного народа, все же не решался итти до конца. В своем собственном доме вынужден был Острожский терпеть влияние своих врагов. Жена князя была католичка. Иезуиты с ее помощью ополячили сына и дочь Острожских. Дети Константина Острожского стали злейшими врагами дела своего отца и возненавидели свой народ двойной лютой ненавистью — помещиков и ренегатов.

Однажды крестьяне собрались в Острог на какой-то церковный праздник. Огромные толпы заполнили город. В это время выехала в своей карете Анна Острожская-Ходкевич, дочь князя Константина. На мосту произошла заминка: лошади не могли сразу пробраться сквозь массы народа, запрудившего дорогу. Рассвирепевшая «иезуитская девотка» казнила десятки русских священников за то, что народ не посторонился при ее проезде. Это произошло уже после смерти старого князя. Потомки Григория Ходкевича также изменили родному народу. Они продались польским панам и королю, участвовали в войнах против России.

Польский народ не сочувствовал гнусной политике иезуитов и панов. Среди поляков были люди, осмеливавшиеся открыто и громко протестовать против насилий и издевательств над русским населением.

На одном из сеймов поляк Юрий Збаражский с негодованием выступал против «ссоры, которую начали с русским народом»:

— Знаю я хорошо, что, начиная с Брестского собора (1596 года), творят с ними (с русским населением в Польше). Знаю хорошо, что на сеймиках подают им на-

дежды, а на сеймах шутят над ними: на сеймиках называют братьями, а на сеймах отщепенцами. Это я знаю; это все видят. Но чего они хотят от этого почтенного народа, этого я никаким образом понять не могу, потому что если хотят, чтобы в Руси не было Руси, то это дело невозможное, все равно, как если бы они хотели, чтобы море было у Самбора (около Перемышля), а Бешать у Данцига. Никаким умом, никаким усилием нельзя достигнуть того, чтобы в Руси не было Руси...

Эти слова польского князя, конечно, не встретили сочувствия не только со стороны польских панов, но даже со стороны русских ополяченных магнатов. Только трудовой польский народ, закрепощенный своими панами, как и западнорусский, был на стороне украинских и белорусских крестьян, а не польских панов; настроение масс польского народа, а не его правящей феодальной верхушки выразил Юрий Збаражский.

Но политика польских панов и иезуитов потерпела полный провал. Им не удалось ополячить русский народ. На зверства и жестокости панов, пытавшихся силой и издевательствами заставить народ отречься от самого себя, угнетенные русские, украинские и белорусские крестьяне отвечали рядом восстаний. Борьба против польских панов закончилась в конце концов освобождением Украины от их гнета. Это произошло уже после Ивана Федорова, но его книгопечатное дело, которое он делал и самостоятельно, и вместе с Григорием Ходкевичем, а затем с князем Острожским, сыграло немалую роль в исходе борьбы.

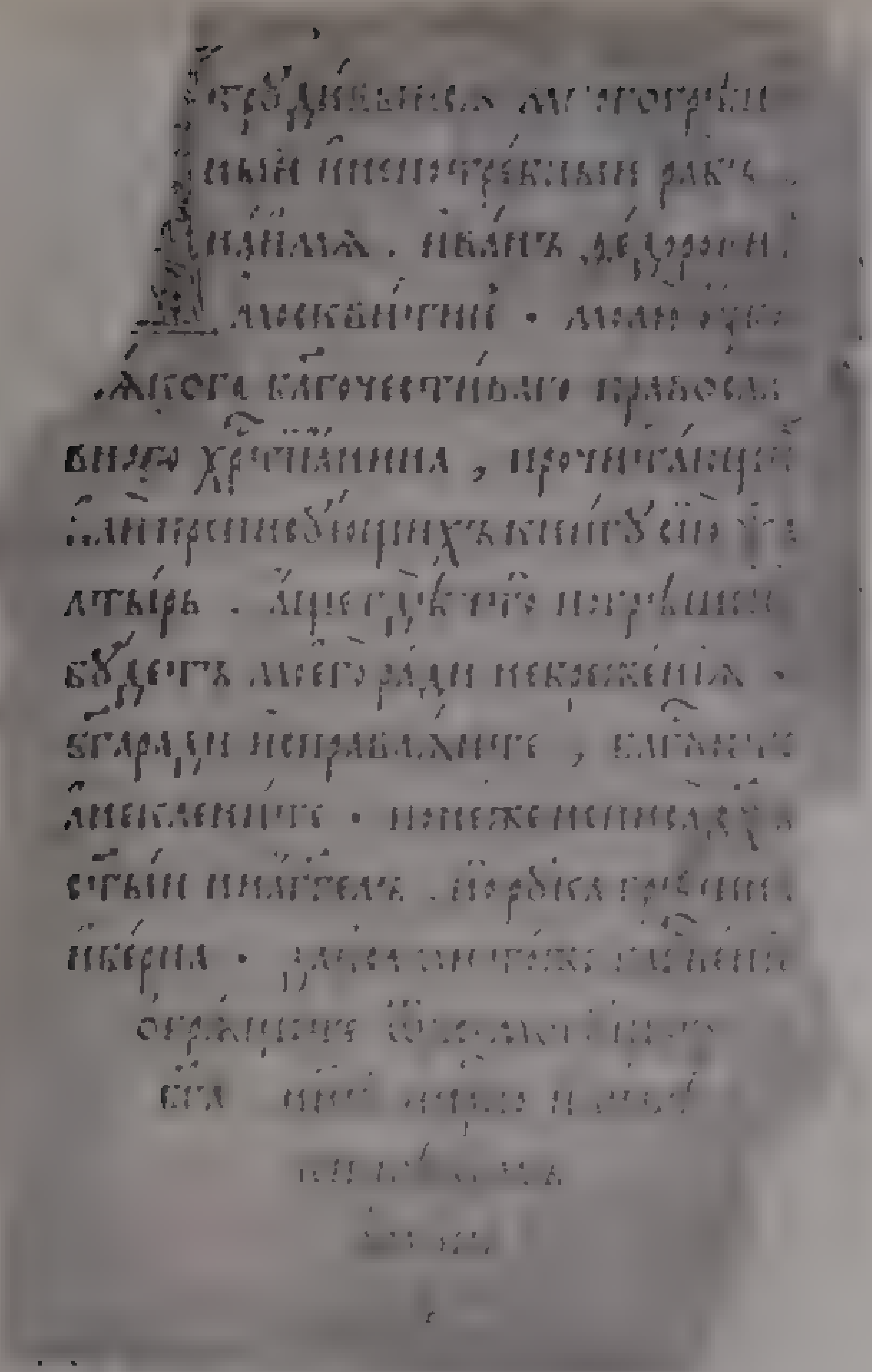
ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СМЕРТЬ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

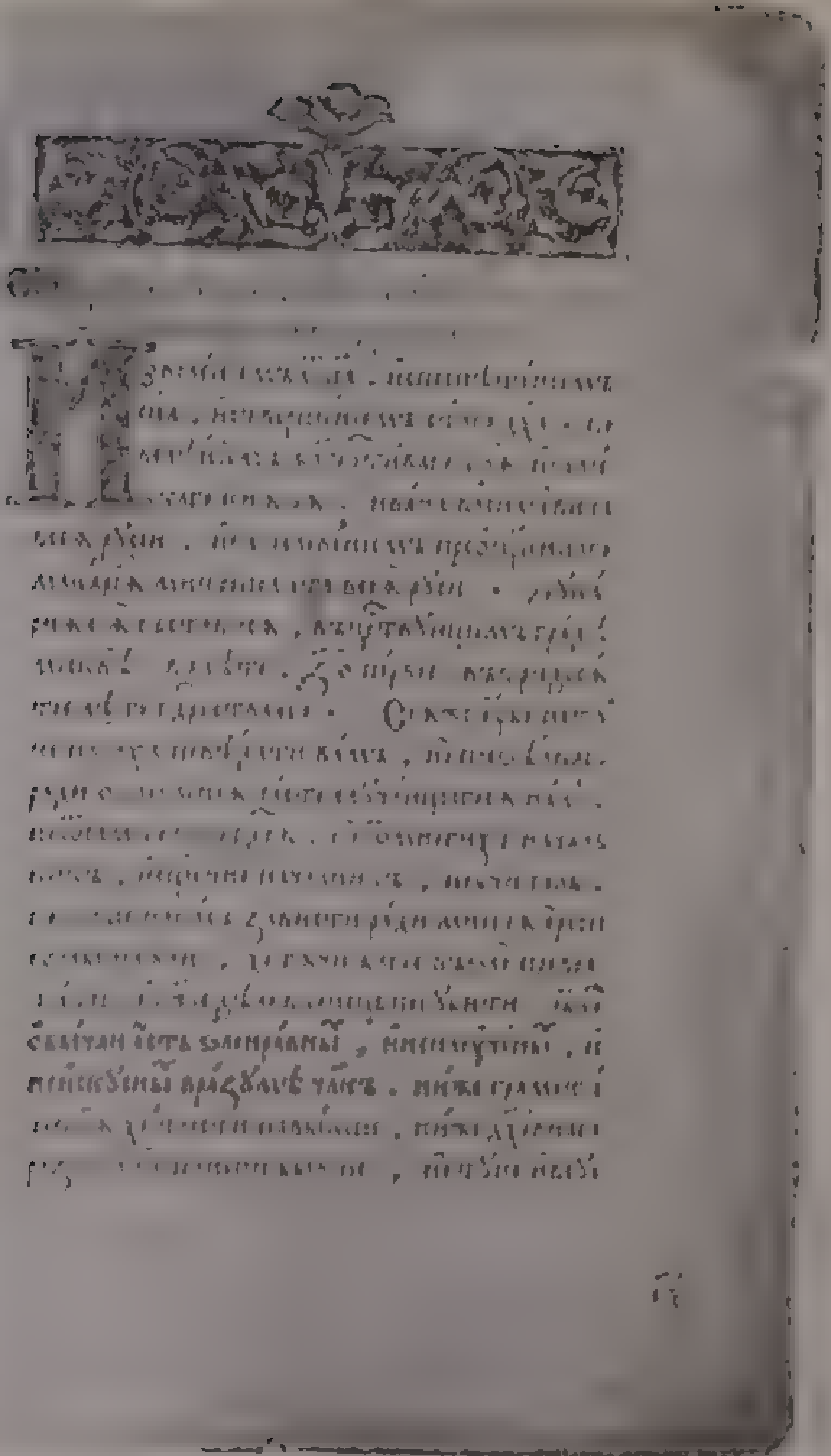
Отпечатав книгу, Федоров решил не оставаться более в Остроге. Во Львове у него была семья и свое дело. Кроме того, он не поладил с могущественным магнатом. На этот раз типография оставалась в Остроге. Князь решил продолжать издательскую деятельность. Он дал Федорову книги острожской печати для распространения во Львове и других городах.

Книг было около четырехсот. Каждая из них весила восемь фунтов. Чтоб увезти такой груз, потребовалось несколько подвод. С этими книгами, вместе с помощником Гринем, в конце 1581 года отправился книгопечатник в путь.

Теперь он ехал уже хорошо знакомой дорогой в город, ставший почти родным. Ехал попрежнему с одной идеей, одним стремлением — открыть свою типографию. На этот раз он чувствовал себя тверже и увереннее. У

Послесловие Ивана Федорова к Псалтыри, напечатанной в Заблудове.

Послесловие Ивана Федорова к «Апостолу» 1574 г.

него уже были и деловые связи и, главное, опыт. Больше он не станет унижаться перед богачами, наивно уговаривая и умоляя их, словно выклянчивая милостыню для себя. Теперь он и сам такой же деловой человек, как они. Если ему понадобятся деньги, ему не откажут в них, но это будет не подачка богача и не коварная милость вельможи, а обыкновенная денежная сделка. Они получат за свою ссуду достаточно большие проценты, и он ничем не будет им обязан.

Когда же типография выпустит новые книги, у него появятся собственные деньги, он расплатится со всеми долгами, расширит мастерскую, наберет учеников и помощников и тогда только по-настоящему поставит дело, «множае умножит» русские книги, совершит для своего народа то, что совершил Альд Мануций в Италии, то, о чем так увлекательно рассказывал когда-то в Москве друг Альда Максим Грек.

Славное было время тридцать лет тому назад, когда он, молодой и увлекающийся, жадно слушал рассказы ученого старца. Теперь у него самого такая же длинная и белая борода, какая была тогда у Максима Грека. Но странное дело, а может быть, и ничего тут нет странного, может быть, именно потому, что жизнь в тревогах, борьбе и скитаниях сложилась так, что эти тридцать лет промелькнули словно сквозь сон, до сих пор испытывает Федоров все то же ощущение, будто настоящие его дела впереди, будто настоящего своего искусства печатного он еще не показал миру. Поэтому-то и не замечает Федоров предательски подкравшейся старости. Он чувствует себя все тем же жизнерадостным отставным дьяконом, которому объявили царскую волю и сделали государевым книгопечатником. Он только приобрел опыт, уменье и уверенность в художестве своих рук. Но пора уже, наконец, приложить их к настоящему делу, пора осуществить свое призвание в жизни. Его типогра-

фия даст родному народу все самые лучшие книги: они будут дешевле и красивее самых роскошных рукописных книг. Книжные люди, все, кто тянется жадно к печатному слову, будут вспоминать его имя с такой же хвалой и любовью, как вспоминал Максим Грек имя Альда Мануция.

Во Львове он остановился у сына. Сын завел книжную лавку, занимался переплетным делом. Женился. Жена Татьяна Антиповна была местная уроженка. Пошли дети. О Москве сын вспоминал редко. Даже прозвище у него, хоть и по отцу, было уже на местный лад: он звался Иван Друкаревич.

Недолго отдыхал старик у своего сына, понянчил несколько дней внучат и принялся снова за хлопоты. Надо было восстанавливать собственное дело. Но станок и типографские принадлежности еще с 1579 года были заложены ростовщику Якубовичу. Чтобы выкупить их, надо было вернуть долг, а денег, как обычно, не было. Нищим ушел Иван Федоров от богатейшего князя. Этот умный и ученый муж выжал все, что можно было, из книгопечатника, заставил его на пустом месте устроить типографию с самыми лучшими шрифтами, создал себе с помощью Федорова славу просветителя и друга русского народа, хвастался всюду изумительной библией, равной которой не было во всей Европе, и выбросил печатника, как ненужную ветошь; он не нашел в себе даже благородства, как Ходкевич, чтобы материально обеспечить печатника.

Хуже того, в то время, как Ходкевичи разрешили Федорову взять заблудовскую типографию с собою, князь Острожский послал вслед Федорову своего служащего во Львов и наложил арест на последнее оставшееся у Федорова типографское имущество и на все острожские книги. Должно быть, вельможный князь мстил бедному ремесленнику за то, что тот не захотел унижаться

перед ним, не захотел стать его бессловесным слугой и безыменным орудием, смел сохранять самостоятельность. А может быть, прослышав, что Федоров снова открывает типографию во Львове, не захотел потерпеть соперничества и пустил в ход свое влияние и силу, чтобы отнять у печатника типографские принадлежности и этим заставить его отказаться от своего намерения.

Но Иван Федоров прошел уже большую житейскую школу. Поступок князя не очень удивил его.

Федоров продолжал бороться за свое право заниматься любимым ремеслом. Он решил оборудовать новую типографию. Гринь мог отлить шрифты. Нужны были только деньги. Федоров снова обратился к ростовщикам. Теперь он пользовался у них кредитом; они видели его энергию и умение работать, создавать книги, которые были достаточным обеспечением его долга.

Кроме того, Федоров решил взять какой-нибудь государственный заказ. Он поехал в Краков и получил там заказ отлить малую пушку.

Но и здесь он не избавился от ростовщиков. Его сопровождают все тот же Сашка Сенькович да Даниил Пушкарь, львовские пригородные мещане, как значатся они в городских книгах. Может быть, Сашка Сенькович и устроил ему это дело. Во всяком случае, когда Федоров взял взаймы у своего спутника Даниила Пушкаря сто тридцать шесть злотых, Сашка поручается за него. Правда, Федоров выдал Даниилу Пушкарю долговое обязательство на сто пятьдесят злотых. Четырнадцать злотых — проценты — Даниил вычел заранее.

Тогда же (9 января 1583 года) Федоров получил и из государственной казны сорок пять злотых на путевые издержки и, кроме того, ассигновку на имя львовского старосты еще на пятьдесят-семьдесят злотых — купить медь и прочие материалы для отливки пушки. Вместе с деньгами, взятыми у ростовщиков, это составило сумму,

с которой можно было начать работу и над заказом, и в типографии.

Но тут Федорова ждал новый удар. Гринь сбежал от него. Книгопечатник и сам умел отливать шрифты и делать все, что требуется для типографии, но теперь он был уже стар и слаб для такой работы. Он чувствовал себя все хуже. Типографская работа, тяжелый печатный пресс требовали большой физической силы. Пока Федоров с утра до ночи возился с библией, он не замечал слабости. Но во Львове он почувствовал, что силы уходят. Прошло больше года, как он уехал из Острога, а восстановить типографию все не удавалось. Очевидно, дело было не просто в отсутствии средств. Немало затруднений и препятствий должны были ему чинить и иезуиты, если не открыто, то, во всяком случае, исподтишка. Враги русского народа не могли не видеть, какую опасность представляла для них деятельность этого человека. Долги, бездушие богатых людей, вероломство ученика, которого он вывел в люди и к которому всегда так хорошо относился, — все это как-то сразу сказалось на нем. Федоров заметно постарел, но не хотел сдаваться.

Неожиданно в конце февраля 1583 года он нашел Гриня во Львове. Вероломного помощника сманили от Федорова виленские типографщики, купцы Мамоничи, как в свое время, пятнадцать лет назад, они переманили Петра Мстиславца. Гринь отлил для Мамоничей два шрифта, нарушив тем самым свое острожское условие с Федоровым. Но, использовав Гриня, Мамоничи отказались от его дальнейших услуг. Он вернулся во Львов. Теперь цеховые законы грозили Гриню суровой карой за нарушение условия. Он связан был с Федоровым и договором и тем, что обязан был ему обучением. Гринь стал просить о прощении, обещал выполнять в дальнейшем работу только для Федорова, не переходить в другие типографии.

Федоров простил Гриня. Он тут же заказал ему новые шрифты и пообещал уплатить за них двести злотых. Федоров заказал также бумагу и заплатил за нее вперед сто злотых. У него снова появились деньги: ростовщики теперь охотно ссужали его. Наступила весна. Федоров воспрянул духом. Он снова преодолел все препятствия, снова все пошло хорошо. Гринь вернулся и делал шрифты. Бумага заказана и даже оплачена. С осени типография опять сможет работать.

Правда, он был обременен долгами, но пусть только заработает типография, он расплатится со всеми. С нетерпением ждал Федоров осени.

Но осенью он заболел. Непрестанное горение, бедствия и труды взяли, наконец, свое. Организм был надломлен и уже не мог справиться с болезнью.

Увидев, что старику плохо, ростовщики перепугались за свои деньги.

Иван Федоров умирал в нищете. 3 декабря он видел, как стервятником налетел его кредитор Даниил Пушкарь, предъявил долговое обязательство на сто пятьдесят злотых и описал часть имущества книгопечатника. Вслед за ним явился Сашка Сенькович, сын того самого Сеньки Седельника, который более пятнадцати лет назад опутал ростовщическими сетями Ивана Федорова. С тех пор Иван Федоров до самой своей смерти так и не вырвался из когтей этой купеческой семейки. Накануне его смерти Сашка Сенькович наложил арест на все остальное имущество книгопечатника.

5 декабря Иван Федоров умер.

Его книги, типографские принадлежности — все перешло к купцам и ростовщикам.

Сын продал свою книжную лавку, чтобы расплатиться с кредиторами отца.

Князь Острожский через несколько месяцев прислал слугу объявить, что снимает арест с имущества, принад-

лежащего Федорову. Но было уже поздно. То, что могло бы в свое время помочь книгопечатнику, теперь обогатило только его кредиторов.

При жизни Ивана Федорова книги, напечатанные им, расходились медленно и стоили дешево. Он продавал и закладывал их по полтора злотых. Но вскоре после его смерти ростовщики, завладевшие его книгами, продавали их уже по 6 злотых. Книги, которые он создавал, составляли большую материальную ценность, но воспользовался ею не сам книгопечатник, а купцы и ростовщики.

На могиле Ивана Федорова поставили надгробную плиту. В центре ее высекли книжный знак печатника. Кругом шла надпись «Иоан Федорович, друкарь Москвитин, который своим тщанием друкование занедбалое обновил, преставися в Львове року 1583, декабря 6». А под самым книжным знаком: «Друкарь книг, пред тым невиданных».

Так уже современники оценили значение его деятельности, засвидетельствовали, что он «своим тщанием книгопечатание занедбалое (пренебрегаемое, заброшенное) обновил» и поднял на небывалую до него высоту, создав книги, «пред тем незиданные».

После Ивана Федорова остались маленькие дети. Он вторично женился в Западной Руси. Где, когда он женился, неизвестно, как ничего не известно и о дальнейшей судьбе его семьи после его смерти.

Не сохранилась даже его надгробная плита. Кладбище, где был похоронен русский книгопечатник, уничтожили, а могильными плитами вымостили пол одной из львовских церквей. Потом производили ремонт церкви и уничтожили надгробную плиту. Это было в 1883 году, как раз в трехсотлетнюю годовщину смерти Федорова.

В марте 1584 года, через несколько месяцев после кончины Ивана Федорова, умер в Москве царь Иван IV. Сошли в могилу зачинатели книгопечатания в России.

Слепок с надгробной плиты
Ивана Федорова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раз начавшись, книгопечатание в России уже не прекращалось. Через два года после того, как Иван Федоров и Петр Мстиславец, отпечатав свою последнюю книгу в Москве, вынуждены были бежать, их ученики Андроник Невежа и Никифор Тарасиев начинают набирать в восстановленной московской типографии новую книгу — псалтырь — и в декабре 1568 года заканчивают ее.

В короткий сравнительно промежуток между этими двумя изданиями в Москве была напечатана еще одна книга — евангелие. Правда, в ней нет ни послесловия, ни указания на место и время напечатания, но бумага и заставки евангелия те же, что и первопечатного «Апостола». Сравнительное изучение этих двух книг показало, что евангелие появилось между 1564 и 1568 годами. Шрифт в ней размашистый и крупнее, чем в первопечатных книгах: после того как Федоров увез с собой

формы для отливки шрифтов, продолжателям его дела пришлось изготовить новые.

Но, очевидно, обстановка в Москве все еще мало благоприятствовала книгопечатанию. После стихийного пожара в 1571 году, уничтожившего добрую половину Москвы, в том числе и Печатный двор, Иван IV перевел типографию в свою излюбленную резиденцию — Александровскую слободу (ныне город Александров, Ивановской области). Здесь книгопечатное дело продолжалось вдали от его гонителей — бояр и своры невежественных попов. В Александровской слободе снова была отпечатана псалтырь, книга, в которой ощущалась большая потребность, так как она служила учебником грамоты. Некоторые данные говорят и о том, что в Александровской слободе печатались книги или документы светского содержания, относящиеся к внешней политике Ивана IV, но эти произведения не дошли до нас. После смерти Ивана IV книгопечатание продолжалось при его сыне Федоре Ивановиче. Затем и при Борисе Годунове, и при царе Василии Шуйском строились для типографий «дома превеликие».

Во всех этих типографиях работали ученики Ивана Федорова, его помощники, вместе с которыми он выпускал первопечатный «Апостол», — Никифор Тарасиев и Андроник Невежа. Начав учеником первопечатника, Андроник Невежа самостоятельно работал на этом славном поприще около тридцати пяти лет (с 1568 по 1602 год). После его смерти, с 1602 года, во главе московской типографии стал его сын Иван Невежин.

Долго еще московские печатники подражали прежним, федоровским образцам.

Характерно, что враги русского государства всячески стремились воспрепятствовать книгопечатанию в России. Мы знаем, как еще в 1547 году ганзейские купцы и ливонские рыцари бросили в тюрьму московского

посланца, имевшего поручение набрать разных мастеров, в том числе и типографщиков.

Поляки-интервенты во время хозяйничанья в Китай-городе в 1611 году разыскали типографию, разгромили и сожгли ее.

С гневом и возмущением рассказывает современник о варварском уничтожении московской типографии поляками: «Печатный двор и вся штанба того печатного дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожжено бысть и погибе до конца». Работники типографии бежали из Москвы, очевидно, захватив с собой некоторые типографские принадлежности. После изгнания поляков возвратился из Новгородской области печатник и «словолитец» московской типографии Аника Фофанов; типография была восстановлена.

По взглядам того времени, из-за предрассудков, в достаточной степени присущих и Ивану IV, трудно было начинать печатание книг явно светского содержания. Но самый факт начала книгопечатания неизбежно должен был в недалеком будущем привести к появлению и светской печатной книги. В 1634 году в Москве была напечатана «Азбука», составленная Василием Бурцевым. В 1637 году вышло второе издание ее. Через десять лет вышел первый учебник военного дела «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в полиграфическом отношении интересный тем, что в нем впервые в России появилась гравюра на меди (до того гравюры резали на дереве). Еще через два года напечатаны были русские законы: «Уложение государя царя Алексея Михайловича».

При Петре I, в 1703 году, появилась в России первая печатная газета «Ведомости». В 1708 году древний славянский шрифт был заменен новым, легким для чтения русским шрифтом. Петр сам утверждал проект нового шрифта и вносил в него поправки

Петр содействовал также широкому созданию и печатанию светских книг самого разнообразного содержания — от учебников и трудов по математике, географии, истории, до переводов древнегреческих писателей (басни Эзопа и другие) и занимательных повестей для легкого чтения.

Даже это краткое перечисление характеризует, какой толчок был дан введением книгопечатания, показывает исключительное значение его для культурного развития страны, а тем самым подчеркивает и значение деятельности Ивана Федорова, первого русского книгопечатника, сумевшего своим исключительным мастерством обеспечить успех нового дела, сразу поставить его твердо на ноги.

Продолжала существовать и действовать также острожская типография. Константин Острожский выделил из нее часть и отправил в Киев, где до того книгопечатания не было. Таким образом, первая киевская типография также оказывается связанной с именем Федорова: в ней употреблялись шрифты и принадлежности, созданные первопечатником. Затем Острожский выделил часть печатного оборудования и основал третью типографию при Дерманском монастыре.

Львовская типография Ивана Федорова была выкуплена через несколько лет из залога у ростовщика и снова начала действовать.

Так продолжало давать плоды дело рук Ивана Федорова, первопечатника.

Его деятельность оказала влияние не только на дальнейшее развитие русского книгопечатания, но и на книгопечатание западное. Исключительная красота и художественность его шрифтов вызвали подражание в ряде западных изданий, например, в книгах славянской печати в Сербии и Болгарии.

Церковники с самого начала встретили введение книго-

печатания враждебно. Отношение митрополита Макария к книгопечатанию уже тогда не находило поддержки среди попов.

Сочувствие главы русской церкви Макария вытекало из самой церковной политики митрополита, его стремления к централизации церкви, подчинению ее московскому руководству; этого он думал достигнуть, в числе других мероприятий, и централизацией производства книг для церквей и для религиозного чтения.

Однако впоследствии церковники, и высшие и низшие, поняли, что книгопечатание, это мощное орудие распространения просвещения, не укрепляет, а подрывает господство церкви и религии. Церковники оказались злейшими врагами не только светской, научной, просветительной книги; они стали бояться распространения даже церковных книг. В начале XIX века митрополит Платон горевал о введении книгопечатания в Москве: «И так, печатанием книги в лучшее пришли совершенство, а через печатание *умножением* их, особливо в нынешнее время, больше ли пользы или вреда произошло, решить трудно» Как известно, «в совершенство пришли» церковные книги, в которых перед печатанием исправлены были описки и т. п. Значит, митрополит здесь говорит как раз о церковных книгах и сокрушается именно об их размножении.

От церковников не отставало и царское правительство. С первого же момента возникновения издательской деятельности, не связанной с правительством, оно обрушилось на печать с запретами и гонениями. Известна печальная судьба первого русского частного издателя Новикова; известна расправа над Радищевым, выпустившим без цензуры книгу против крепостничества и царизма.

Недаром в 1909 году, когда открыт был в Москве памятник Ивану Федорову, один из юмористических

«Пропущенная деталь в памятнике первопечатнику — фигура первого цензора».

Карикатура из журнала «Будильник», 1909 г.

журнал ив обличал цензурные гонения на печать в царской России: карикатурист язвительно напоминал, что для большей близости к тогдашней действительности памятник деятелю печати следует дополнить... фигурой цензора.

Идеологи буржуазного общества, чьей победе над средневековьем так сильно способствовало изобретение и распространение книгопечатания, также не могли понять всего значения деятельности Ивана Федорова и в лучшем случае сводили ее к культуртрегерству в том узком смысле, какой придавали этому понятию филистеры буржуазной науки. Нередко Ивана Федорова рассматривали только как первого русского ремесленника-типографа, как родоначальника современных наборщиков и метранпажей.

Введение книгопечатания в России явилось одним из важных моментов строительства русского государства. Не случайно возникновение его совпало с началом нового периода русской истории.

Еще в XVII веке была сделана попытка дать сжатый очерк истории книгопечатания в России в «Сказании... о воображении печатном...» Неизвестный автор был почти современником первых шагов печатного дела в Москве. Еще свежи были рассказы очевидцев, предания совсем недавней старины. Это делает «Сказание» ценным историческим документом для нас.

Причины введения книгопечатания автор объясняет гораздо шире, чем это делалось в послесловии к первопечатному «Апостолу». Если, например, послесловие указывало только на недостаток книг и их порчу, то «Сказание» раскрывает еще одно существенное, хотя и чисто материальное, соображение: дешевизну печатных книг.

Но гораздо важнее другие, тут же приведенные мотивы: Иван IV ввел книгопечатание для того, чтобы в России нечто изрядное учинить и по себе память сотворить.

Вот этот отрывок из «Сказания»: «...Вложи ему (Ивану IV) бог во ум благую мысль, еже бы ему изряднее в Рустей земли учинити и вечная память по себе сотворити: произвести бы ему от письменных книг печатные, крепкого ради исправления и утверждения, и скорого делания, и легкия ради цены, и своея ради похвалы...»

Итак, два первых и главных соображения, которые подчеркивает автор, следующие:

1) Иван IV, вводя книгопечатание, имеет в виду его пользу для Русского государства.

2) Царь вводит книгопечатание также своей ради похвалы, чтобы сотворить о себе вечную память, то-есть в целях восхваления власти московских государей.

Нужно признать автора «Сказания» человеком и догадливым и наблюдательным. Для XVII века его замечания очень метки.

Действительно, книгопечатание тесно связано с политикой Ивана IV, с созданием единого Русского государства. Оно связано также со всей предшествующей историей русской книжности, публицистики, созданием единого русского литературного языка и русской грамматики. Дальнейшее развитие политической литературы, публицистики, русского литературного языка и грамматики становится ко времени Ивана Федорова невозможным без введения книгопечатания, без перехода от рукописной книги к печатной.

Книгопечатание дало исключительный толчок развитию всей общественной и государственной жизни России. Подготовленное и выросшее из самой русской действительности XVI века, книгопечатание, в свою очередь, обогатило эту действительность, само стало благотворно воздействовать на нее, укреплять прогрессивные моменты в ней. Немалую роль сыграла книгопечатная деятельность Ивана Федорова и в освободительной борьбе русского народа в Юго-Западной Руси.

Именно эта огромная для того времени роль книгопечатания и обусловила исключительно большое, прогрессивное общественное значение деятельности русского книгопечатника, поставила его на особую высоту. Но и по своим личным качествам Иван Федоров был незаурядной фигурой. Недаром «Сказание... о воображении печатном...» с великой похвалой сообщает о первопечатнике, что он был «хитр, разумен и смышлен». В этих трех эпитетах, употребленных сразу, выразилось почтительное отношение автора к Ивану Федорову. Слово «хитр» употреблено в значении умелого, способного, ловкого: хитрым делом называется в «Сказании» книгопечатание, и Федоров был «искусен таковому хитрому делу».

Чрезвычайно высок был также его нравственный облик: всю свою жизнь он посвятил служению избранному им делу, своему призванию. Уже измученный прежними бедствиями, он все же променял спокойную обеспеченную жизнь на скитание и нужду ради своего призвания. При этом он вовсе не был ограниченным мастером печатного дела. Он был хорошо образован, обладал литературным талантом и прекрасно писал. В то же время он не был и кабинетным ученым: он владел рядом ремесл—от рисования до отливки пушек. Одним словом, весь его облик напоминает образы лучших представителей эпохи Возрождения на Западе. К нему целиком относится яркая характеристика деятелей эпохи Возрождения, данная Фридрихом Энгельсом. Характеристику эту следует здесь напомнить.

«Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, — говорил Энгельс об эпохе Возрождения, — эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии,

были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества...; Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монталамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI в. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. *Но, что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются — кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим.* (Курсив наш. — *И. Б.*) Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей...»[1]

Иван Федоров был таким же разносторонним деятелем; для него также было характерно то, что он не ог-

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1934, стр. 87.

раничивался одним своим ремеслом, а участвовал в общественной жизни своего времени. Он не обладал такой силой гения, как наиболее яркие представители эпохи Возрождения, но он был деятелем их типа, таким же цельным человеком, как они.

Характерно, что, перечисляя выдающихся людей эпохи Возрождения, Энгельс называет среди них людей, близко стоявших к книгопечатанию.

Дюрер (1471—1528) — художник, гравер, печатник и писатель — не только создал книги с изумительными гравюрами, но и оставил специальное руководство по пропорции в искусствах вообще и в типографском искусстве в частности.

Лютер в борьбе против католичества прибегал к печатному станку и, борясь против папства, содействовал также очищению языка.

Книгопечатание и его творец Иоганн Гутенберг вызывали восхищение лучших умов человечества. Испанский поэт Мануэль Хосе Кинтана написал поэму «Памяти Гутенберга».

Своими высокими идеями она привлекла внимание Фридриха Энгельса, который сделал стихотворный перевод ее с испанского.

Поэма с первых строк противопоставляет своего героя излюбленным, но недостойным героям старой литературы:

> Достойно ли поэта петь чертоги
> Властителей иль блеск войны кровавой,
> Когда звучат, ликуя, трубы славы
> На небесах, где обитают боги?
> Не стыдно ль вам? Сокровище таланта,
> Сиянье славы расточать, о братья,
> На тех, кого история навеки
> С презреньем осудила на проклятье?

Не короли, не тираны — герои человечества. Только тот достоин славы и бессмертия, кто своим трудом по-

могает человечеству совершенствоваться, кто облегчает муки человечества.

Таков и Гутенберг:

...ты пришел, — и мысль
Раздвинула границы, что мешали
В младенчестве ей развиваться долгом,
И унеслась, взмахнув крылом, в простор,
Где с Будущим Прошедшее заводит
Торжественный и вещий разговор.

Века страдало человечество в цепях рабства, гнета и насилия. Но вот раздался призыв к свободе человека. Печатный станок разнес этот призыв по всему миру:

...смертный из глубин паденья
Воспрянул гордо, полный возмущенья,
И над простором рек
Пронесся клич: «Свободен человек!»
И полетел, сметая все преграды,
Святой призыв; и эхо понесло
Его чудесно на крылах могучих,
Что создал Гутенберг...

Отныне ни меч, ни костры — ничто не в силах преградить путь свободному слову; оно поднимет человечество и поведет его к победе над тиранами.

И поэма заканчивается хвалой изобретателю книгопечатания Гутенбергу:

Хвала тому, кто темной силы чванство
Повергнул в прах, кто торжество ума
Пронес сквозь бесконечные пространства;
Кого в триумфе Истина сама,
Осыпавши дарами, вознесла!
Борцу за благо — гимны без числа! [1]

Этот прекрасный гимн поет человечество не одному Гутенбергу, но всем борцам за свободу и развитие культуры. С полным правом может быть отнесен этот гимн и к другому книгопечатнику, такому же страстному борцу за благо человечества, — Ивану Федорову.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 461—470

Иван Федоров видел и высоко оценил роль книгопечатания, как орудия культуры и просвещения; он понял также роль книгопечатания в практической борьбе и сумел использовать печатный станок для служения своему народу, своей родине. Это был достойный сын русского народа. Это был великий русский человек. По всем своим качествам Иван Федоров достоин занимать почетное место в ряду тех великих русских людей, которыми гордится наша страна и наш народ.

Но «хозяева жизни» в старой России, преследовавшие свободное печатное слово, старались оставить в тени имя первопечатника. Когда в 1870 году в связи с трехсотлетием введения книгопечатания возникла мысль поставить памятник Ивану Федорову, царское правительство отказало в средствах. Пришлось объявить сбор частных пожертвований. Деньги собирались в течение сорока лет! И в конце концов сооружение памятника попало в руки тех же самых «хозяев жизни».

Они старались сделать все возможное, чтобы пригладить и причесать под свою гребенку этого сильного и смелого человека; они пытались изобразить его чинным обывателем, хранителем «устоев» классового общества. Эти господа отвергли проект знаменитого русского скульптора Антокольского, насыщенный большой искренней правдой, реализмом, изображавший книгопечатника за работой в рабочем костюме, с засученными рукавами. Лучше всего об их отношении к такому проекту памятника рассказал сам Антокольский в своем письме:

«...Я получаю протокол, который ясно доказывает, что мой эскиз (памятника Ивану Федорову) был подвергнут экспертизе, и по совету знатоков было решено, что эскиз мой негоден, потому что я представил его как рабочего, между тем, как он был не только рабочий, но и высоконравственный человек, который много пострадал за преданность своему делу. Чорт бы их побрал. Точно

рабочий не может быть весьма нравственным человеком! Точно это какой-то недостаток, что я представил его в минуту того труда, который он страстно любил и за который пострадал! Точно это недостаток, что поэта представляют, когда он творит, а полководца на поле битвы! Да я бы спросил у них: «Господа, каким образом можно в скульптуре, да еще в эскизе, показать высоконравственность?» Затем идет дальше критика, касающаяся красоты линий, археологии, точно тут речь идет не об эскизе, а о полном творчестве...»

Отвергнув проект Антокольского, объявили новый конкурс. Если воздвигнутый, наконец, памятник оказался все же удачным, то это отнюдь не заслуга обывателей, сидевших в комиссии.

Пошлость учредителей памятника доходила до того, что они старались не столько об увековечении памяти Ивана Федорова, сколько о том, чтоб увековечить самих себя. При закладке памятника в 1907 году они заложили в фундамент его металлическую доску с надписью, которая дословно, за исключением дат и имен, подражала (в XX веке!) первопечатному послесловию: «Изволением отца и споспешением сына и совершением святого духа при благочестивейшем государе императоре Николае Александровиче в первопрестольном граде Москве подвиги и тщанием императорского археологического общества, председательницы оного графини П. С. Уваровой... создася памятник сей первому дела печатных книг мастеру...»

Сколько пошлости и неуважения к памяти книгопечатника надо было иметь, чтобы позволить себе его словами говорить о «подвигах и тщании» какой-то графини...

На торжество открытия памятника разослали именные билеты без права передачи и без права произнесения речей, как было специально оговорено в них.

И все же, сквозь все полицейские рогатки, сквозь всю

ложь и обман либеральных устроителей торжества, прорвалось истинное слово правды о печатнике и о печати в царской России: на ленте одного из венков, возложенных на памятник, оказалась надпись: «Первому мученику русской печати».

Только с победой Октября, в Советской стране полностью сбылась мечта Ивана Федорова; произведения печати свободно размножаются, встречаются с любовью и почетом. И чем больше книг, газет и журналов печатается и распространяется по всей Советской земле, тем больше понимания, любви и уважения вызывает в каждом из нас имя Ивана Федорова, великого русского человека.

Соединенный книгопечатный герб Ивана Федорова и города Львова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЬВОВСКОМУ «АПОСТОЛУ» 1574 ГОДА.

Иван Федоров

Сия убо повесть изъявляет, откуда начася и како совершися друкарня сия.

Изволением отца и споспешением сына и свершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси друкарня сия составися в царствующем граде Москве, в лето 7071, в тридесятое лето государьства его. Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелного ради озлобления часто случающегося нам не от самого того государя, но от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас, зависти ради, многие ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божие дело вконець погубити; якож обычай есть злонравных и ненаученых, и неискусных в разуме человек, ниже грамотические хитрости навыкше, ниже духовного разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло произнесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи, не разумеет, како ходит и о чем утверждается: сия убо нас от земли и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преидохом и, по благодати безначалного Исуса Христа господа нашего, хотящего судити вселенней в правду, восприявша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август король Польский и великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жемонтский, Мазовецкий и иных, с всеми паны рады своея. В тоже время с тщанием умоли государя волеможный пан Григорей Александровичь Ходкевича, пан Виленьский, гетман наивышший великого князьства Литовского, староста Городеньский и Могилевский, прия нас лю-

безно к своей благоутешней любви, и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас; еще же и сие недоволно ему бе, еже тако устроити нас, но и весь немалу дарова ми на упокоение мое. Нам же, работающим по воле господа нашего Исуса Христа и слово его по вселенней рассевающе, егда же прийти ему в глубоку старость, и начасте главе его болезнию одержиме бывати, повеле нам работания сего престати и художьство рук наших нивочтоже положити, и в веси земледеланием житие мира сего препровождати: еже неудобно ми бе ралом, ниже семен сеянием, время живота своего сокращати; но имам убо вместо рала художьство наручных дел осуды, вместо же житных семен духовная семена по вселенней рассевати, и всем по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно вопиюща ко мне: лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжником, и аз пришед взял бых свое с лихвою. И когда убо на уединении в себе прихождах, и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем, да бых не сокрыл в земли таланта, от бога дарованного ми, и тужащу ми духом сия глаголах: егда в веки отринет господь и не приложит благоволити пэки, или до конца милость свою отсечет, по притчи смоковничного неплодетствия, яко всуе землю упражняющу. И сего ради понудихся ити оттуду и в путь шествующу ми, многи скорби и беды обретоша мя, не точию долготы ради путного шествия, но и презелному поветрею дышущу и путь шествия моего стесняющу и, просто рещи, вся злая и злых злее. И тако, промыслом божия человеколюбия, до богоспасаемого града нарицаемого Лвова приидох, и вся, яже на пути случающамися нивочтоже вменях, да Христа моего приобрящу, вся яже зде, сну подобна и сени, преходят бо; яко же бо дым на воздусе благая и злая расходятся. Яко апостол хвалится в скорбех, занеже скорбь терпение содевает, терпение же упование, упованием не посрамит, почто, занеже любовь божия возгоресся в сердцы моем духом святым, данным ми, и рассудивщу ми се. И когда вселшумися в преименитом граде Лвове, яко по стопам хождение топтаным некоего богоизбранна мужа, начах глаголати в себе молитву сию: господи вседержителю, боже вечный и безначалный, иже благости ради единыя, приведый от небытия в бытие вся небесная, словом своим вседетелным, духом уст своих сраслены, иже и промышляя присно, и содержа, и нося по числу тварь свою и по имени взывая; ныне в последняя лета, неизреченныя ради милости твоея, падшее наше естество возвел еси, сложением единородного сына твоего господа нашего Исуса Христа, иже и предастьея за прегрешения наша, и воскрес оправдания ради нашего, его же язвою исцелехом: по благоволению хотения твоего и в по-

хвалу славы благодати твоея, прежде нарече нас в усыновление Ис. Христом в тебе в еже быти нам святом и непорочным пред тобою в любви, поведая нам тайну воля своея, еже быти нам неперва некое от созданий твоих. Укрепи боже, се еже содела в нас, неизвещенною глубиною судеб твоих, христианом даталю истинныя премудрости: вразуми мя и испытаю закон твой, и не отими от уст моих словесе истинна довела, ради братий моих и ближених моих. Услыши молитву мою, господи, и моление мое внуши: слез моих не премолчи, яко преселник аз от тебя и пришлецъ, яко же вси отцы мои. Ослаби ми от страстей моих, да получу деянием и почию видением и смирением: ты убо, о владыко, и прежде множицею отпустил еси нечестие сердца моего, молитвами святых твоих, от века угодивших ти, и ныне служащих ти, преподобием и правдою, аминь. И помолившумися, начах богоизбранное сие дело к устроению наверщати, якобы боговдохновенные догматы распространевати, и обтецах многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них и метание сотворяя коленом касаяся, и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи сотворях, и в церкви священнику всем в слух поведати повелех: не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием, не исходайствовах никоея милости перейскими чинми, и плакахся прегоркими слезами, еже не обретох милующего, ниже помогающего, не точию же в руском народе, но ниже в греках милости обретох; но мали нецыи в иерейском чину, иныи же неславнии в мире обретошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но якоже оная убогая вдовица от лишения своего две лепте ввергнущи: вем убо, яко в нынешнем мире должная их к ним возвратится, в будущем же веце от богатодавца бога стократицею воздастся. Молю убо вас, не прогневайтеся на мя грешного, пишущу ми сия: не мните убо, яко от чрева глаголати ми, или писати. Весть бо всяк от начала прочитавй вкратце списанную сию историю, како от его милости пана Григория Ходковича всякими потребами телесными, пищею и одеждою, удоволен бех, но вся сия нивочтоже вменях, не уповах на неправду и на восхищение не желах, богатьства аще и много стекахося, не прилагах тамо сердца: но паче изволих всякие предиреченные скорби и беды претерпевати да множае умножу слово божие и свидетелство Ис. Христово. Наше убо есть, еже с смиреномудрием просити и начинати, божие же еже миловати и совершати; того бо и царствию наследник быти надеюся, его же буди всем нам получити, благодатию и человеколюбием господа нашего Ис. Христа, ему же подобает слава, честь и покланяние, с отцем и с святым духом, ныне и в бесконечные веки, аминь.

А начася сия книга друковати реконый Апостол в богоспасаемом граде Львове, в ней же Деяния апостольская и Послания соборная и Послания святого апостола Павла по воплощении господа бога и спаса нашего Ис. Христа в лето 1573, февруария, в 25 день; и свершися в лето 74 того же месяца в 15 день. Молим же вас, любовию духа господа нашего Иисуса Христа, давшего себе о гресех наших, вси раби благословенного бога нашего: да аще когда прилучится кому вникнути в сию душеполезную Апостольскую книгу и разумети, что потребно и душеполезно, той преже всех виновнику всем благим и содетелю жизни нашея богу благодать да воздает; а его милости пану Григорию Александровичу Ходкевичу вечныя памяти и с святыми равнопрестольными, от века богу угодившими, соселения и сожительства получити да просит. Потом же сыном его милости, пану Андрею Григорьевичу Ходкевича, пану подстолему велького князьства Литовского, старосте Могилевскому; и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевича, старосте Городеньскому, державцу Аньскому, да просит душевного спасения и многолетнего здравия, понеже бо они виновни суть таковыя пользы. Нам же непотребным начинания дерзнутым, прощение и грехом простыню да просят, да и сами тогоже благословения и простыни грехом сподобитеся: и аще что погрешено будет, бога ради исправляйте, благословите, а не клените; понеже не писа дух святый, ни ангел, но рука грешна и бренна, якоже и прочии ненаказаннии. Выдруковал есми сию душеполезную апостольскую книги в преименитом месте Львове, в славу всемогущия и живоначалныя Троица отца и сына и святаго духа, аминь.

Приложение II

СКАЗАНИЕ XVII ВЕКА О ПЕЧАТНОМ ДЕЛЕ В РОССИИ

Сказание известно и написание вкратце о блазем сем деле и вообраЖении печатном и о его пресечении; и како, и от коих лет, и от которого царя, первие повелением бысть в Рустей земли, в царствующем граде Москве, тому печатному делу строитися и печатным книгам быти, в царьстем сем граде во всей Росии; и которые мастеры преже начашася быти, и ины по тех, и кои книги первые начаты бысша печатати; и потом како было некоим злым приключшимся временем, таковое благое дело разрушися и, божиею милостию, при котором царе паки составися по прежнему деянию и в свое достояние прииде.

В лета убо осмыя тысящи в первом сте, царствующу над всею Росиею царю и великому князю Иоанну Василиевичу всея Русии, вложи ему бог во ум благую мысль, еже бы ему нарядиее в Ру-

стей земли учинити и вечная память по себе сотворити: произвести бы ему от письменных книг печатные, крепкого ради исправления и утвержения, и скорого делания и легкия ради цены, и своея ради похвалы, и такоже бы в царьствующем граде Москве и во всей Росии учинити, якоже в Греках и в Немецких землях, в Винициеи и во Фригии, и в Белой Руси в Литовстей земли, и в прочих тамошних странах, дабы было святые книги праведно и несмутно всякому православному християнину прочитати и глаголати по них, и повелети бы испущати во всю Рускую свою землю по святым божиим церквам, на прославление божественного имени и пречистыя богородицы и всех святых. И тогда убо пастырский жезл держащу над всею Росиею пресвященному Макарию, митрополиту Московскому и всея Росии, возвещает же убо царь таковую свою мысль ему отцу своему и богомольцу святителю Макарию; святитель же, слышав сие слово, зело возрадовася и рече ко царю: яко от бога приимшу ти таковое извещение, о державный государю! И тако, повелением его царя и великого князя Иоанна Василиевича всеа Русии и благословением отца его и богомольца пресвященного Макария митрополита, начаху людие изыскивати мастеров к тому печатному делу, кто бы смыслен и разумен обрелся к таковому деянию: и обретеся некто хитр, разумен и смышлен к таковому орудию, у Николы чудотворца Гостунского (иже и ныне зрится той храм близ двора царева, внутрь самого града Кремля), диякон званием, Иоанн Федоров сын, да клеврет его Петр Тимофеев сын Мстиславец, оба явистася искусна таковому хитрому делу; глаголют же нецыи о них, яко от самех тех Фряг таковое учение прияста, сего ради повеленно бысть им от царя то дело составляти. И в ту убо осмую тысящу лет, в тридесятое лето государства его царя и великого князя Иоанна Василиевича всеа Русии, повеле он благочестивый царь устроити дом, идеже печатному тому делу строитися и быти, якоже и ныне зрится: и первое убо начаша печатати книги Апостольская деяния и Послания соборная и святого апостола Павла Послания же и прочая книги. И потом, последи тех мастеров Иоанна диякона да Петра Мстиславца, бысть мастер, ученик их, Андроник Тимофеев сын, прозвище Невежа, с товарищи своими; и царьским же повелением начаша книги печатати печатным воображением, в царьствующем граде Москве: Часовники, Псалтыри, Апостол и Евангелие и прочая книги. И от того убо времени шло то дело много лет, при разных государех царех и великих князех, да непременно даже до лета тояже осмыя тысящи до девятогонадесять года: и в той же убо девятнадцатый год, некоим злым случаем, внидоша злии супостати Польстии и Литовьскии людие в самый царьствующий град Москву, и то дело от них

разорися и огнем сожжено бысть, и не остася тоя штанбы ничтоже, и хитрии на то дело людие вмале осташася и те разбегошася в иные грады Руския же земли от тех неверных и злых сопостат; и божиею милостию, и пречистыя богородицы и всех святых молитвами, изгнани быша тии злии сопостати из царьствующего града Москвы сынми Рускими. Потом же. паки тоя же осмыя тысящи лет во 121 году, избран бысть на высокодержавный царьский престол царь и великий князь Михаил Феодоровичь, всеа Русии самодержец, внук дела своего прежереченного царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Русии, и посажден бысть на всю дедьнюю свою отчину на Московское государьство: и такоже держа веру крепку и любовь к богу и рачение ко всякому благочестию, и паки, такоже последуя деду своему и дяде, блаженныя памяти царю и великому князю Феодору Иоанновичу всеа Русии, повеле собрати тех хитрых и смышленных людей к прежереченному оному печатному делу, яже разбегошася от тех сопостат, Никиту Федорова сына пореклому Фофанова, с товарыщи его, и того убо повеле взяти из Нижнего Новаграда паки в царьствующий град Москву, к прежнему своему печатному делу; туде убо ему в Нижний Новград от насилия и страха тех сопостат отбегшу, и внове тамо печатное дело заведшу, и книги начеишу печатати. И восхоте царь то благое дело обновити, и повеле двор печатной внове составити в царьствующем граде Москве, на древнем его месте (иже и ныне зрится), и паки тому мастеру Никите с товарыщи его совершенно штанбу составити со всеми ее орудии, и повеле ему книги печатати в царстем сем граде: и отнеляже он, государь царь, лицу божию тезоименит, воцарися на Московское государьство и царьским венцем венчася, даже до лета на осмую ту тысящу 153-го года, в оньже год и ко господу отъиде, многочисленные книги из друкарни, сиречь из печатного дела, вышли и розданы быша по всей великой Росии по святым божиим церквам. По нем же прият скифтры сего великого Росийского государьства сын его, царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Русии самодержец: и той также божественою ревностию одержим быв и последуя отцу своему и деду, блаженныя памяти святейшему Филарету патриарху Московскому и всеа Русии, и всем благочестивым царем и великим князем Руским, и по благословению отца своего и богомольца святейшего кир Иосифа, патриарха Московского и всеа Русии, повеле книги исправляти, якоже подобает, и также печатным тиснением изображати и предавати по всему царствующему граду Москве и по всей земли Руской по святым же божиим церквам, на прославление же божественного имени и пречистыя его матере и всех святых, на спасение душам всего православного християньства. Доздє убо о печатном деле и о печатных книгах, во веки, аминь.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ [1]

1455—1456.— Вышла первая печатная книга Иоганна Гутенберга.
Около 1470. — Родился Максим Грек.
1488. — Альд Мануций создает типографию в Венеции.
1505—1533. – Царь Василий III.
Около 1510.—Послание Филофея Василию III.
1518.—Прибытие Максима Грека в Москву.
Около 1525.—Родился Иван Федоров (дата рождения предположительная).
1547.—Принятие Иваном IV царского титула.
1547—1548.—Иван IV ищет в Германии типографщиков.
1552.—Ганс Миссенгейм в Москве.
1553.—Иван IV посещает Максима Грека.
Начинается постройка Московского печатного двора.
1556, 21 января[1].—Смерть Максима Грека.
1563, 1 апреля.—Начало печатания первой книги на Московском печатном дворе.
1564, 1 марта. —Вышел первопечатный «Апостол».
1565.—Отпечатан «Часослов».
Около 1566—1567.—Бегство Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы в Юго-Западную Русь.
1568.—Восстановление Московского печатного двора по приказу Ивана IV.
Иван Федоров и Петр Мстиславец организуют типографию в Заблудове (Юго-Западная Русь).
1569. —Люблинская уния между Польшей и Литвой.
В заблудовской типографии напечатана первая книга.
1570.—Иван Федоров печатает (без П. Мстиславца) вторую книгу в заблудовской типографии.
1572.—Иван Федоров приезжает во Львов.
1573.—Иван Федоров создает свою типографию во Львове.
1574, 25 февраля.—Вышел львовский «Апостол».
1575.—Иван Федоров поступает на службу к князю Константину Острожскому.
Около 1580.—В г. Остроге в типографии, организованной Иваном Федоровым, напечатана первая книга (псалтырь и Новый завет).

---

[1] Даты приведены везде по старому стилю.

1581.—Иван Федоров отпечатал Острожскую библию.
1582.—Иван Федоров возвращается во Львов; попытки создать новую типографию.
1583, 5 декабря.—Смерть Ивана Федорова.
1584, 18 марта.—Смерть Ивана IV.

Приложение IV

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Подробный указатель литературы об Иване Федорове дан в работе А. П. Лебедянской «Биография Ивана Федорова», опубликованной в сборнике «Иван Федоров—первопечатник», изд. Академии наук СССР. Указатель охватывает всю основную литературу об Иване Федорове, изданную до 1933 года включительно.

Из отдельных названий, вошедших в указатель, особенно интересны:

Строев П., Обстоятельное описание старопечатных книг, славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова.

Строев П., Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского.

В этих работах Строев дает подробное описание книг, напечатанных Иваном Федоровым.

Пташицкий С. Л., Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове, 1573—1583 гг.

Пташицкий С. Л., Иван Федоров. Издание Острожской библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни.

Малышевский И. И. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника.

В том же сборнике, где помещен названный указатель, следует рекомендовать статьи:

Акад. Орлов А. С., К вопросу о начале печатания в Москве.

Берков П. Н., Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников.

К сожалению, некоторые статьи в этом сборнике не свободны от серьезных ошибок. Так, Р. М. Тонкова в статье «Иван Федоров в юбилейной литературе 1884—1924» протестует против обвинения Ивана Федорова в... любви к отечеству. (Смотрите стр. 181 и другие этой статьи в сборнике «Иван Федоров-первопечатник»).

Очевидно, Р. М. Тонкова полагает любовь к отечеству несовместимой с передовыми взглядами и идеями. По этому, по меньшей мере странному, взгляду приносятся в жертву очевидные факты. Ведь фактом остаются жалобы самого Ивана Федорова на гоните-

дел, которые его «от земли и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».

Грубые антиисторические ошибки допускает и автор другой статьи, Н. В. Новосадский. Он пишет: «Первопечатная книга в руках самодержавия явилась, прежде всего, идеологическим орудием политического и экономического закрепощения русского крестьянства и крестьянства национальностей Поволжья и Сибири, завоеванных в эпоху Грозного» (стр. 68). Итак, Иван IV вел книгопечатание для закрепощения крестьян, и даже прежде всего для этой цели! Эта грубая вульгаризация не имеет ничего общего с исторической действительностью. В XV—XVI веках упрочение власти московского царя было необходимым условием укрепления русского государства. Таким образом, книгопечатание играло большую положительную роль в жизни страны.

Стремясь все же найти хоть что-нибудь светлое в деятельности первопечатника, Новосадский признает его заслугу только в том, что он был первым в России представителем печатной техники: «Но, рассматривая деятельность Ивана Федорова в общем ходе исторического развития, необходимо признать, что в историю печатной книги в России он войдет, как ее зачинатель, как носитель самого передового для своей эпохи способа производства книги» (стр. 69). Иван Федоров в лучшем случае войдет в историю, как первый русский наборщик и метранпаж!

В 1939 году в издании Государственного исторического музея (Москва) вышла книжка А. Д. Маневского «Возникновение книгопечатания на Руси» (40 стр.). Интересны указания автора на то, что уже в XVI веке рукописные книги выносились для продажи на торжища, что доказывается записями на двух старинных книгах, хранящихся в музее. Опираясь на фонды музея, автор сообщает также о применении печатных букв (на переплетах) еще до начала книгопечатания. Это сообщение ценно тем, что указывает на пути овладения печатным делом первыми книгопечатниками. Автор, однако, ошибочно и совершенно произвольно изображает «Рукописные мастерские XV—XVI вв.» в виде настоящей мануфактуры, которой на Руси того времени, конечно, еще не было.

В заключение нашего обзора мы должны рекомендовать читателю интересную работу, в которой введение книгопечатания связывается с историей древнерусской литературы. Это книга акад. А. С. Орлова «История древнерусской литературы», изд. Академии наук СССР, 1935 г. Готовится новое издание ее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *К. В. Гучинская.* Подписано к печати [illegible] печ. л. + 7 вклеек. [illegible] уч. изд. л. [illegible] тип. зн. в печ. л. [illegible] Тираж [illegible] Зак. тип. [illegible]

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 3 руб.
Переплет 1 руб.

4 руб.